

Жаклин Уинспир
Незавершенная месть. Среди безумия
Серия «Золотой век английского детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12076758
Уинспир, Жаклин. Незавершенная месть. Среди безумия : [сборник] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-090077-0

Аннотация

Старый друг Мейси Доббс, магнат Джеймс Комптон, просит ее расследовать череду поджогов, ставших настоящим бедствием в тихой кентской деревушке. Местные жители привычно винят во всем цыган. А Мейси в ходе расследования узнает о том, что во время войны здесь погибла целая семья, и начинает подозревать: поджоги связаны именно с этим...

Загадочная гибель бездомного на улице, отравление собак в приюте для животных и письма террориста, угрожающего уничтожить британское правительство, если оно не улучшит условия жизни военных ветеранов. Что может быть общего у этих событий? Однако связь, безусловно, есть, и Мейси Доббс, подключившаяся к расследованию, намерена установить ее, пока не произошло новое преступление...

Содержание

Незавершенная месть	5
Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	68
Глава 10	74
Глава 11	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Жаклин Уинспир

Незавершенная месть.

Среди безумия (сборник)

Jacqueline Winspear
AN INCOMPLETE REVENGE
AMONG THE MAD

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Amy Rennert Agency и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

- © Jacqueline Winspear, 2008, 2009
- © Школа перевода В. Баканова, 2015
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Незавершенная месть

Посвящается моим родителям, Альберту и Джойс Уинспир, с бесконечной любовью.

Из всех даров, что способен один человек преподнести другому, самые значимые и вневременные – это любовь без изысков и умение рассказывать истории.

Кларисса Пинкола Эстес, «Дар рассказа. Мудрая сказка о том, что такое «достаточно»

...Наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести.

Никколо Макиавелли (1469–1527), «Государь» (пер. Г. Муравьевой)

Лучшее отмщение – это полное прощение.
Джош Биллинг, юморист, США (1818–1885)

Пролог

Начало сентября 1931 года

На ступенях кибитки, расположенной в некотором отдалении от остального табора, сидела старуха. Вынув из кармана глиняную трубку, она повздыхала над остатками табака, передернула плечами, чиркнула спичкой по ободу таза, притороченного к кибитке. Подожгла табак, сунула мундштук в иссохший рот, стала втягивать живительный дым. Под лестницей посапывал пес. Старая цыганка знала: одно ухо у него всегда остро, один глаз вечно бдит, отслеживает каждое движение хозяйки.

Она была известна как тетушка Бьюла Вебб («тетушку» к имени старшей в таборе прибавляют все цыгане). Посасывая трубку, Бьюла шурилась на окрестные поля, поглядывала на хмельник, что располагался за полями. Хмель вызрел, думала она; ароматные зеленые шишечки висят рядами, дожидаются проворных рук сборщиков. Скоро из Лондона понаедут эти самые сборщики – к сентябрю они приурочивают отпуск, берут с собой жен и детей. Все, все будут работать на хмельнике. И цыгане из табора тетушки Бьюлы, и гадже¹ из окрестных деревень. Гадже. Очень их много – тех, кто живет в домах, тех, кто не принадлежит к кочевому племени.

Соплеменники тетушки Бьюлы в чужие дела не лезут, занимаются исключительно своими; проблем не создают. Тетушка Бьюла надеялась, что нынче цыганские метисы на сбор хмеля не нагрянут. Истинный рома никому не доверяет, а цыганскому метису – меньше всех. Одни проблемы от этих полуцыган, думала тетушка Бьюла. Обычаев старинных не чтут, а туда же – кочевать пытаются, даром что не лошадок в кибитки впрягают, а грузовиками их буксируют, а что такое грузовик? Костотряс, и больше ничего. Бьюла оглянулась на кибитку, которой владел Вебб. Просто Вебб – так она его называла. Сын. Крохотная дочка

¹ Люди, не являющиеся цыганами (не обязательно по крови, в большей степени – по культуре, воспитанию, мироощущению). Единственное число – гаджо. – *Здесь и далее – прим. пер.*

Вебба, Бусал, тоже полуцыганка, выходит; но уж такая она смугляночка, такая глазастьенькая – любо-дорого глядеть.

Из-под днища кибитки Бьюла извлекла четыре жестяных таза. Один – для мытья посуды; второй – для стирки; третий – мыться самой, четвертый – прибираться в кибитке. Натаскала хвороста, раздула угли, повесила над костром чайник. Сидеть без дела было ей непривычно и неприятно. Пока чайник закипал, тетушка Бьюла вязала букеты из диких астр: пойдет от дома к дому, станет продавать цветы. Навязав целую корзинку букетов, Бьюла снова уселась на ступенях кибитки.

Знает она этих гадже, этих деревенщин; завидят ее на улице – отворачиваются, боятся встретить взгляд черных, как мокрая галька, глаз на смуглом, сморщенном лице. Брезгают глядеть на золотые сережки-обручи, на головной платок, на широченную поношенную юбку из пунцовой шерсти – словом, на все эти цыганские атрибуты. А то еще детишки дразнятся:

– Эй, чернавка-попрошайка, куда идешь? Ты что, оглохла? Отвечай: оглохла, старая ворона?

Бьюле в таких случаях достаточно посмотреть на охальника, погрозить черным, как уголь, указательным пальцем, изрыгнуть протяжную гортанную фразу. И куда только девается гонор? Малышню как ветром сдувает.

Что интересно: женщины первые отворачиваются от тетушки Бьюлы, но в деревне есть несколько – достаточно для заработка, – что открывают двери на стук, суют в черную ладонь пенни, хватают астры (побыстрее, чтобы не коснуться цыганки). Бьюла только усмехается. Она знает: лишь падут сумерки, как под ногой робкой гостьи хрустнет сучок, ищейка поднимет морду, зарычит глухо, не горлом, а брюхом. Бьюла положит руку собаке между ушей, шепнет: «Тише, тише». Дождется приближения шагов (еще секунда – и собаку будет не удержать) и только тогда окликнет: «Эй, кто там?» И в ответ услышит просительное: «Мне бы поворожить...»

С улыбкой Бьюла снимет платок со стеклянного шара – она его заранее выносит из кибитки.

Разумеется, стеклянный шар никакого отношения не имеет к предсказанию судьбы – но без него нельзя. Старая цыганка школ не кончала, а знает, как дела делаются. Ни стекляшка, ни хрусталь, ни аметистовый талисман, ни спитой чай, ни кроличья лапка ей не нужны. Этот хлам она держит для клиентов, потому что им подавай нечто осязаемое. Знай деревенские гусыни, что старой Бьюле ведомо и прошлое их, и будущее, – они бы наутек пустились от кибитки. Но и денег бы не заплатили, а что ж в том хорошего?

Из шатра Вебба послышался писк – проснулась маленькая Бусал. Наметилось движение, цыгане подтягивались, разжигали огонь, готовились к наступающему дню. Истинный цыган ночует не в кибитке, где ни пылинки нет, ни пятнышка, где сверкает медная утварь и светится тончайший фарфор. Как и сама Бьюла, члены ее табора спят в шатрах. Натягивают холст на березовую или рябиновую раму – и готово. Кибитки же используют для особых случаев. Бьюла подняла взгляд на рассветное солнце, снова посмотрела на поля. С росной земли навстречу новому дню поднимался туман. Бог с ними, с жителями Геронсдина. Каждого из них, всех без исключения, окутывает темная тень; за каждым тянется она, как хвост, гнет к земле, ни на миг не дает выпрямить спину. В Геронсдине обитают призраки, и нет от них покоя селянам – ни днем, ни ночью.

* * *

Бьюла нагнулась над чайником – и лицо ее исказила пульсирующая боль, и перед глазами вспыхнул свет. Это было уже не впервые – старая цыганка успела привыкнуть к таким приступам. Чайник грохнулся на уголья, иссохшая рука дернулась ко лбу, веки сомкнулись,

но и на их исподе продолжали плясать языки огня. «Снова этот огонь». Бьюла хватала ртом воздух, жар поднимался от ступней к животу, ноги взмокли от пота, ладони стали липкими. И в очередной раз явилась Бьюле молодая женщина. Явилась прямо из пламени, не виденная раньше вживую. Теперь, Бьюла знала, встречи ждать недолго. Женщина была высока ростом и черноволоса. Волосы не очень длинные, но и не такие короткие, как у этих гадже. Бьюла прислонилась к кибитке. Сразу же рядом возникла ищейка, подставила для опоры поджарый бок. Женщина из пламени знала горе, видела смерть. Она шла одна – но Бьюла видела на ее плечах груз, который мало-помалу становился легче, поднимался, как утренний туман, чтобы вовсе исчезнуть. *Ты сильная*, думала Бьюла про женщину; ты... Старая цыганка тряхнула головой. Видение поблекло, женщина отвернулась, шагнула обратно в огонь, исчезла.

Прижимая ладонь ко лбу, все так же прислоняясь к кибитке, старая цыганка с опаской открыла глаза и огляделась. Прошло всего несколько секунд, но Бьюла видела достаточно, чтобы уяснить: приближаются трудные времена. Цыганка рассчитывала найти в черноволосой женщине союзницу; впрочем, были у нее и сомнения на этот счет. Не сомневалась Бьюла в трех вещах: конец ее близок; перед смертью она встретится с женщиной из пламени, причем та сама явится к ней; эта женщина даром что считает себя обыкновенной, на самом деле преследует и теснит саму Смерть. Ибо таково ее предназначение, ведь она – полуцыганка. Что же касается Смерти, Бьюла Вебб отлично знает: Смерть скоро придет сюда, в деревню Геронсдин, и предотвратить ее появление никак нельзя. Можно лишь попытаться защитить табор.

Солнце поднялось выше. Цыгане останутся на этом месте еще дня три, затем переберутся на поляну, что лежит сразу за фермой, натянут шатры подальше от лондонцев. Лондонцы – сборщики хмеля – будут жить в беленых временках, по вечерам собираться у костра и горланить непристойные песни. А Бьюла, не отвлекаясь от каждодневных забот, станет ждать. Она будет ждать женщину в городской одежде, с аккуратной прической; женщину, наделенную даром предвидения – столь же сильным, как и у самой Бьюлы.

Глава 1

Марта Джонс оглядела своих учеников, скользнула глазами по высокому потолку студии, по бесконечным моткам крашеной пряжи, вывешенным на специальные балки таким образом, чтобы яркая краска не пачкала стены. Шесть деревянных ткацких станков теснились в углу – места было мало. Стол Марты – видавший виды, дубовый – помещался у двери и был завален бумагами, книгами и эскизами. Справа от стола виднелась древняя кушетка с красным бархатным покрывалом, маскирующим штопку на обивке. Слева, у стены, стояло несколько прялок, рядом – коробка, где Марта хранила шерсть, собранную во время воскресных загородных вылазок. Конечно, у Марты налажены прямые поставки необработанной шерсти – но ей нравится снимать клочки с боярышниковых и ежевичных изгородей. Овцы имеют обыкновение чесать бока об эти изгороди, оставляя на колючках изрядное количество ценного материала.

Марта десять раз подумала, прежде чем открыть студию. Правда, аренда выходила недорогая, учитывая близость к Альберт-холлу (спасибо закону о ремеслах); зато доходы Марты сократились, пришлось искать дополнительные источники. Она поместила объявление в газете и написала всем своим прежним покупателям, что набирает «группу для изучения секретов традиционного ткачества». В итоге «группа» представляла собой пестрое собрание весьма обеспеченных граждан. Представители рабочего класса жили чуть ли не впроголодь, куда уж им было тратиться на «баловство». У Марты занимались две дамы из Белгравии (считавшие, что светская болтовня куда интереснее, если под нее гонять челнок и отслеживать узор на картонке, и что это «современно» – уметь отличить уток от основы).

Были еще две подружки – студентки школы изящных искусств Феликса Слейда, с хорошим финансированием и массой свободного времени, а также некий поэт, решивший, что работа за ткацким станком, с яркими нитями, вдохнет в его стихи ритм и обогатит их свежими метафорами. Наконец, была молчаливая женщина, которая пришла по объявлению в газете. Она-то и занимала Марту сверх меры, ибо с начала занятий в ней произошли заметные перемены. Женщина сказала, что недавно соприкоснулась с миром искусства (словно речь шла о неведомой стране), и хочет «заниматься творчеством», поскольку лишена этой радости на основной работе. При этих словах женщина улыбнулась и сообщила, что никогда не рисовала, даже в детстве. Способностей к рисованию нет, что ж поделаешь. Зато ей нравится ткачество, нравятся тактильные ощущения от переплетения нитей. Нравится, что картинка сразу не видна; нужно проанализировать сделанное за день, чтобы получить представление о будущем узоре. «Того же требует и моя работа», – добавила женщина. Марта спросила, кем же она работает, и вместо ответа получила визитную карточку: «МЕЙСИ ДОББС, ПСИХОЛОГ И ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ».

Наверное, для этой Мейси Доббс еженедельные занятия – единственная отдушина, подумала тогда Марта. Однако с каждым занятием Мейси непостижимым образом менялась. В итоге сама художница была поражена результатами. Мейси Доббс одевалась все ярче, ее пальцы сновали все увереннее. На занятии, посвященном окрашиванию шерсти, все ученики брали пряжу, изготовленную в прошлый раз, и окунали в ведерки с красителями, а затем вывешивали над тазиками в специальном помещении. Там пряжа должна находиться до тех пор, пока стечет краска, а потом уж ее размещают для окончательной просушки. Так вот, Мейси Доббс решительно закатала рукава, а когда из чана ей в лицо брызнула краска – просто засмеялась. Матроны из Белгравии поджали губы, поэт смутился. Вскоре женщина, поначалу такая сдержанная, словно закрытая для других учеников, стала стержнем группы – притом позицию эту она завоевала почти молча! Как ей удастся вытягивать из людей информацию, дивилась Марта. Вот, например, сегодня: Мейси работала за станком, используя

лиловые, пурпурные и желтые нити, и по ходу дела, посредством всего только двух вопросов, узнала всю Мартину историю: как ее привезли в Англию из Польши еще ребенком. Да и не только Мейси Доббс узнала: все слышали, что отец Марты не давал детям говорить по-польски – только по-английски, чтобы они «вписались», чтобы не считались чужаками. А мать одевала их точно так же, как одевали своих детей соседи. Семья даже фамилию новую приняла, сугубо английскую – Джонс, причем сразу, как только высадилась в саутгемптонском порту.

С улыбкой Марта наблюдала, как трудится за станком Мейси Доббс. Опять взяла в руки ее визитку. «ПСИХОЛОГ И ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ». Похоже, эта женщина знает дело, если сразу шесть человек выдали ей куда больше информации о себе, нежели собирались выдать когда бы то ни было и кому бы то ни было. Притом в ответ на очень сомнительную тайну: дескать, Мейси Доббс «нашла себя в окрашивании пряжи».

* * *

Джеймс Комптон шагал мимо Альберт-холла, наслаждаясь теплым сентябрьским вечером. Главный помощник в Торонто оказался прав: с этим участком земли проблем не обещался. Нужно двадцать раз подумать, прежде чем заключать договор о покупке. Джеймс не хотел ехать в Лондон, хотя поначалу и тешился мыслью о возвращении. А что нашел? В родовом гнезде на Ибери-плейс жить невозможно, пришлось остановиться в отцовском клубе и каждый вечер проводить в компании стариканов, перемежающих мрачные экономические прогнозы фразами: «А вот в мое время...» Тоска зеленая.

Конечно, и в Торонто жизнь не мед – как-никак, Джеймс управляет корпорацией с разносторонними интересами, – но там, в другом полушарии, можно ходить под парусом по озеру, кататься на лыжах в Вермонте, у самой границы с Канадой, ну и смотреть в будущее. Даже холод там другой – не проникает в старые раны, как здесь, в Лондоне. Джеймс думал о безработных, виденных им на бирже труда, в очередях за бесплатным супом; о людях, что каждый день наматывают пешком целые мили по Лондону в поисках работы – а ведь многие из них хромают. Совершать такие эскапады – все равно что сдирать едва подсохшие струпья.

Но вернуться в Торонто пока не судьба. Лорд Джулиан Комптон, отец Джеймса, решил взвалить на сына дополнительную ответственность – то и дело заговаривает о том, чтобы Джеймс заменил его в кресле председателя «Комптон корпорейшн». Впрочем, не только это беспокоило Джеймса. Он взглянул на листок бумаги, на адрес, записанный им в ходе утреннего разговора с Мейси Доббс. Мать Джеймса, в свое время обеспечившая Мейси работой, а потом долго поддерживавшая ее, всегда советовала мужу и сыну в сомнительных ситуациях обращаться именно к Мейси. Неудивительно, что Джеймс позвонил именно ей, когда сделка с покупкой земли стала казаться ему подозрительной.

– Черт возьми! – воскликнул Джеймс, в очередной раз вспомнив отцовский офис в Сити.

– Джеймс!

Он поднял взгляд, нахмурился и тотчас заулыбался, так что от внешних уголков глаз разбежались четкие морщинки. На углу, через дорогу, стояла и махала ему Мейси Доббс. Джеймс скомкал бумажку с адресом, сунул в карман и зашагал навстречу.

– Мейси Доббс! А я что-то задумался, чуть мимо не прошел! – Джеймс пожал протянутую руку. – Господи, что вы с руками сделали?

Мейси покосилась на свои пальцы, нашарила в портфеле перчатки.

– Это краска. Не смывается никак. Лучше буду в перчатках. А вот пятна от брызг на щеке так просто не скроешь. Ничего, дома ими займусь. – Мейси взглянула в глаза сыну своей покровительницы, коснулась его локтя. – Как у вас дела, Джеймс?

Он пожал плечами:

– Помолвку расторг. Вы еще не в курсе? А здесь, в Англии, я по делу. Вызвали из лондонского офиса «Комптон корпорейшн». – Джеймс взглянул на часы. – Мейси, я помню про обещание не отнимать у вас времени больше, чем займет чашка чаю. Только я умираю с голоду. Может, поужинаем? Меня эта новая сделка напрягает...

– Напрягает?

– Извините, забыл, где нахожусь. Начну сначала. Меня беспокоит новая сделка с недвижимостью – я вам о ней говорил. А еще я целый день без маковой росинки во рту.

– Это надо срочно исправить. Тем более что я тоже голодна.

Джеймс махнул такси.

– Поедьте в итальянский ресторан. Я туда наведываюсь – прелестное местечко, и недалеко – за углом выставочного комплекса.

* * *

– А вы изменились, Мейси.

Джеймс Комптон потянулся к блюду с булочками, выбрал поаппетитнее, щедро намазал маслом.

– Краска – великая вещь, – улыбнулась Мейси, поднимая взгляд над меню. – А вот вы, Джеймс, остались прежним.

– Просто у блондинов преимущество – седина меньше заметна. Если сохраню отцовскую осанку, буду судьбу благодарить.

Джеймс разлил кьянти по бокалам, откинулся на спинку стула.

– Знаете, Мейси, вы теперь какая-то... более легкая, что ли.

– Могу вас заверить – не похудела ни на полфунта.

– Я о другом. Вы иначе себя держите. Будто поводья отпустили, как сказала бы наша миссис Кроуфорд.

Джеймс оглядел Мейси. Черные волосы пострижены в каре до подбородка, челка доходит до черных бровей, отчего густо-синие глаза кажутся еще глубже. На Мейси ярко-лиловая шерстяная юбка до середины икры, красная блузка и короткое синее пальто (неновое, но хорошо сохранившееся). Туфли черные, единственное их украшение – ремешки с пуговицами. К лацкану пальто приколоты серебряные медсестринские часы.

– Милая миссис Кроуфорд. Кто-то теперь, когда она ушла на покой, балует вас имбирным печеньем?

Джеймс рассмеялся, и несколько минут они говорили о прошлом; помянули даже Инид, молодую служанку из имения Комптонов, которая была влюблена в Джеймса и которой он отвечал взаимностью. Инид погибла в пятнадцатом году от взрыва на оружейном заводе, где тогда работала.

– Ну а теперь, Джеймс, обрисуйте ситуацию и скажите, какой помощи ждете от меня.

Мейси взглянула на часы, давая этим понять, что время встречи ограничено. Надо сегодня пораньше вернуться домой, в Пимлико – дел еще невпроворот.

Пока они ели, Джеймс описывал столь тревожившую его ситуацию со сделкой:

– Речь идет об имении в графстве Кент, возле деревни под названием Геронсдин, милях в десяти от Танбридж-Уэллса и, кстати, от Челстоуна. Имение самое обычное, ничего особенного – большой «господский» дом – на сей раз в георгианском стиле; фермеры-арендаторы, которые обрабатывают землю; охотничьи угодья. Меня не столько земля интересует, сколько кирпичный завод. Точнее, заводик. Он производит кирпич, который используется для застройки лондонских пригородов. Этаким псевдотюдоровский стиль. Ну да вы знаете.

А еще там делают черепицу для ремонта старинных зданий, какими изобилуют и Кент, и Суссекс.

Мейси отложила нож с вилкой, взяла салфетку.

– А вы, Джеймс, заинтересовались кирпичным заводиком потому, что в стране наблюдается строительный бум, даром что экономика и не думает выходить из кризиса.

– Вы правы. Настало время покупать. Когда наша экономика наконец выправится, нужно быть готовым делать деньги. Я вам больше скажу – доход можно получить, не дожидаясь экономического подъема. – Джеймс достал из внутреннего кармана серебряный портсигар. – Не возражаете, если я закурю?

Мейси качнула головой.

Джеймс продолжал:

– Так вот, несмотря на то что Рамсей Макдональд² был вынужден сформировать национальное правительство, которое должно вывести нас из тупика; несмотря на небеспочвенные слухи об упразднении золотого стандарта – не стоит падать духом. Лично я настроен на движение вперед.

– И что же вас останавливает? И чем я могу помочь?

Очень деликатно Мейси попыталась развеять ладошкой дым от Джеймсовой сигареты.

– Продает имение сам владелец, некто Альфред Сандермир. Крайне сомнительный персонаж. Младший сын; стал наследником после смерти брата Генри, погибшего на войне. Кстати, я знал Генри лично. Прекрасный был человек. А вот Альфред тем только и занимался, что спускал наследство, и в итоге теперь он почти банкрот. Что означает на первый взгляд большую выгоду для покупателя, то есть для меня. Горящее предложение – так это называется.

– За чем же дело стало?

Джеймс Комптон загасил окурок в стеклянной пепельнице, отодвинул ее подальше от Мейси.

– А дело, Мейси, стало за тем, что в усадьбе творятся странные вещи. Мы же – в смысле, «Комптон корпорейшн» – терпеть не можем сомнительных продаж и покупок. Можно, конечно, воспользоваться положением Сандермира – но мы не хотим спешить, ибо опасаемся замараться.

– И что же происходит во владениях Сандермира?

– Главным образом мелкое воровство и крупное хулиганство в домах и на кирпичном заводе. Фермеры не обращаются в полицию, деревенские жители, многие из которых связаны с производством кирпича, почему-то помалкивают.

Мейси нахмурилась:

– Тут ничего странного нет. В конце концов, речь идет о сельском Кенте.

– Ох, если бы! Эти местные молчат просто как рыбы, а ведь валить есть на кого – в окрестностях поселились бродяги-цыгане.

– Бродяги или цыгане? Не надо их смешивать, Джеймс.

– Ладно, не буду. В окрестностях Геронсдина поселились люди, которые ведут кочевой образ жизни. И не важно, кто они такие – местные готовы обвинять их во всех грехах. Их, а еще лондонцев.

Мейси кивнула:

– Вы говорите о лондонцах, которые съезжаются на сбор хмеля?

² Рамсей Макдональд (1866–1937) – британский политический деятель, трижды занимал пост премьер-министра (1924, 1929–1931 и 1931–1935). В годы Великой депрессии сформировал коалиционное правительство с консерваторами, отдав последним большинство мест в кабинете, за что был исключен из партии лейбористов.

– Да. Речь о событиях прошлого года. Разумеется, от танбриджских полицейских толку было мало – они предпочитают не вмешиваться в подобные разбирательства. Впрочем, и ущерб оказался невелик. Но мне, Мейси, не нравится эта информация. Я хочу гарантий, что кирпичный завод будет приносить выгоду. Причем с первого же дня. Мы намерены расширить производство. Для этого нужны рабочие из местных, дружелюбно настроенные селяне и общественный порядок. Арендаторы останутся при своем, на их земли мы планов не имеем.

– И что я должна сделать?

– Выяснить причины. Найти все до единого подводные камни. У вас три недели на отчет. Ну, максимум месяц. Больше времени дать не могу, да и вряд ли у вас в нем нужда возникнет.

Джеймс подлил себе еще вина. Мейси прикрыла ладошкой свой бокал, и Джеймс поставил бутылку на стол.

– Я понимаю, Мейси, вы обычно занимаетесь расследованиями иного сорта, но почему-то именно о вас я подумал, вам и позвонил.

Мейси поднесла к губам бокал. Сделала крохотный глоток кьянти, вернула бокал на стол. Свободная ее рука уже шарилась в портфеле. Мейси извлекла блокнот для заметок. Черкнула в нем, обвела в кружок число, вырвала листок и передала Джеймсу Комптону.

– Полагаю, Джеймс, сумма моего гонорара не вызовет у вас затруднений.

Это был не вопрос – это было утверждение.

Джеймс Комптон улыбнулся:

– Я же говорю: вы больше не прежняя мисс Мейси Доббс. Теперь у вас собственный бизнес, и это заметно.

Мейси склонила голову, Джеймс полез за чековой книжкой.

– Вот вам аванс. – Он передал Мейси чек. – Обстоятельства сыграют вам на руку. Со дня на день начнется сбор хмеля, значит, в деревне будет полно приезжих.

Мейси кивнула:

– Идеальное время для расследования, Джеймс. Вы получите отчет не позднее чем через месяц.

* * *

Потом, уже в своей пимликской квартире, сидя в любимом кресле и изучая чек, Мейси вздохнула с облегчением. Дела идут, хоть и не так активно, как хотелось бы. Летом был застой, и Мейси очень обрадовалась, когда ее помощник Билли Бил попросился в двухнедельный отпуск. По традиции жителей Ист-Энда, он хотел поехать «на хмель». По крайней мере, не придется платить ему жалованье, думала Мейси, а он подзаработает, заодно и воздухом деревенским подышит. Вместе с Билли ехали его жена и оба сына. Семья нуждалась в смене обстановки, ибо никак не могла оправиться от смерти маленькой Лиззи Бил. Девочка умерла нынешней зимой от дифтерита. Да, Билли взял отпуск в самое подходящее время; Бог услышал молитвы Мейси. Что касается уроков ткачества, Мейси просто хотелось заняться чем-нибудь принципиально отличающимся от ее основной работы и не терзаться мыслями о нехватке клиентов. Чтобы свести к минимуму расходы, она даже почти не ездила теперь на своем «Эм-Джи» – во времена нестабильности важно экономить. Нельзя забывать, что квартира куплена в кредит.

Собственный бизнес предполагает постоянные хлопоты и тревоги, однако Мейси в последнее время чувствовала – завеса тьмы начала приподниматься над нею. Нет, она ничего не забыла, у нее по-прежнему бывают ночные кошмары. Стоит закрыть глаза – и на исподе

век возникают картины войны во всем своем ужасе. Но теперь ощущения такие, будто из забытых песков памяти она выбралась на более твердую почву.

Мейси взглянула на часы, сделала последнюю на сегодня запись (бумаги лежали у нее на коленях), встала. Пора было ложиться спать. Взявшись за шнур жалюзи, Мейси вспомнила сон, что являлся ей уже целых два раза, и все за одну неделю. Сны, посещающие человека более чем один раз, требуют внимания; этот, хоть и не страшный, не отпускал Мейси, заставлял гадать о своем значении.

Мейси шла через лес и выбралась на поляну. Сквозь деревья падали снопы солнечного света. Еще дымился костер, но людей не было – ни туристов, ни бродяг, остановившихся на ночлег. Только рядом с поваленным деревом лежал букетик диких астр, перехваченных ниткой.

Глава 2

Мейси Доббс сидела рядом с Билли Билом за столом в конторе на Фицрой-сквер. Контора занимала только одну комнату, но зато в ней было французское окно. Мейси с Билли молча разбирали документы от Джеймса Комптона, доставленные с посыльным.

– Значит, мисс, вы хотите, чтобы я провел разведку на местности и все вам доложил?

– Да, Билли, причем как можно скорее. Тем более что обстоятельства работают на вас. Вы едете на сбор хмеля, так что ваши вылазки в деревню не вызовут подозрений.

– Оно конечно. Только я буду не в Геронсдине. До деревни несколько миль, так-то, мисс. Мы же место не выбираем – куда пошлют, там и работаем. Не тот случай, чтобы свои правила устанавливать.

– Тогда, Билли, будьте добры, объясните, что это за правила.

Билли подался вперед и принялся чертить диаграмму на куске обоев, прищипленном к столу. Приятель Билли зарабатывал ремонтом и снабжал его остатками стройматериалов. На обоях Мейси и Билли составляли план очередного расследования, используя цветные карандаши: фиксировали свои догадки, предположения, собранные сведения – словом, все, что помогало довести расследование до победного конца. До сих пор этот конкретный кусок обоев был девственно чист.

– Сначала, мисс, надо записаться у фермера, который хорошо вас знает. Это делается в конце сезонных работ, перед отъездом в Лондон. Мы, Билы, к примеру, собирали хмель еще до того, как мой дед народился. А уж фермер – он знает, кого звать на следующий год, а кто лодырничать станет. Записались, стало быть. Ждете весны, и весной вам приходит письмо в коричневом конверте: мол, пожалуйста тогда-то и туда-то, жильем на время работы обеспечим. Ждете сентября, садитесь в поезд со всем своим скарбом – от простыней до чайника – и едете себе спокойно в Кент, а уж там для вас времянка готова.

Мейси задумалась.

– А не знаете ли вы, Билли, случайно кого-нибудь, – начала она, затем заглянула в записи, – кто поедет нынче на ферму Дикона, которая находится в имении Сандермира? Вы же, наверное, общаетесь с другими семьями, которые собирают хмель?

Билли покачал головой:

– Не, таких не знаю. По крайней мере, сразу не вспомню. Другим голова забита. – Он помедлил, потер подбородок. – Но я могу поспрашивать ребят, может, они в курсе. Хотя вряд ли. Фермеры – те не любят, когда сборщик к другому хозяину переходит.

– Очень была бы вам признательна, Билли. – Мейси улыбнулась, взяла папку. – Вот, взгляните. У нас не загрузка, а просто автобус номер двенадцать – то ждешь его, ждешь, а то три подряд подкатывают. Как говорится, не было ни гроша...

– Это что же, работа будет?

– Да. Вчера вечером захожу в контору – и сразу две почтовые карточки и одна телеграмма, и все с предложениями. Я уже назначила встречи новым клиентам. Дела не крупные, но это, согласитесь, хороший знак. Теперь прохлаждаться не придется, ведь старых клиентов тоже никто не отменял. По крайней мере, до Рождества без работы не останемся.

– А вы боялись, что на мель сядем, да, мисс?

– Да, немножко боялась, – кивнула Мейси и снова открыла папку с делом Комптона. – Билли, мне бы хотелось поскорее взяться за это расследование, поэтому вот о чем я вас попрошу: поторопитесь с отчетом по делу Джейкобсена, чтобы можно было выставить счет, а потом сразу дайте мне знать, сумеете или нет пробраться в имение Сандермира. – Она сделала паузу. – Будьте покойны, я не стану загружать вас во время отпуска и обязательно оплачу сверхурочные, так что уж постарайтесь, разузнайте побольше. Мне нужны ваши пер-

вые впечатления о деревне; подтверждение – либо опровержение – тревог Комптона. Потом, конечно, я и сама появлюсь. Если надо, и хмель собирать стану.

Билли рассмеялся:

– Вот чудно, мисс, – как это вы, хоть в Лондоне родились и живете, ни разу на хмеле не бывали.

Прежде Мейси пресекла бы в зародыше подобную фамильярность, не стала бы поощрять упражнения в остроумии, тем более в самые продуктивные утренние часы. Но они с Билли вместе прошли через многое. Первая их встреча, почти мимолетная, имела место на эвакуационном пункте во Франции, где Мейси работала медсестрой. Это было в тысяча девятьсот шестнадцатом году. Молодой военврач Саймон Линч – первая любовь Мейси – вырвал Билли из когтей смерти, и Билли крепко помнил добро. Их с Мейси пути пересеклись, когда Мейси арендовала офис на Уоррен-стрит. Билли служил в том здании смотрителем. Он узнал Мейси с первого взгляда. Потом помог ей в одном серьезном деле. Тогда-то Мейси и предложила ему должность ассистента, и он с готовностью согласился. Теперь они общались запросто, и Билли, даром что порой отпускал шуточки, никогда не позволял себе вольностей.

– Верно, Билли, я «на хмеле» не бывала, хотя мой отец в детстве занимался этим делом. Конечно, я видела, как растет хмель, как поздней весной мужчины ставят опоры, а женщины закручивают молодые побеги по часовой стрелке. Но вот о сборе шишечек мне практически ничего не известно. – Мейси помолчала, припоминая. – Мы «на хмель» не ездили. Родители моей матери жили возле Марлоу, обычно летом мы неделю у них гостили. Дедушка был смотрителем шлюзов. Много лет он работал на лихтере, плавал по Темзе. Но бабушка не хотела жить в городе. Оба они очень любили воду, так что выход нашелся. Дедушку от реки было не оттащить, даже когда он состарился.

– А бабушка? Она родилась в Лондоне?

Мейси покачала головой:

– О нет. Совсем нет. – Она поспешно взяла лист бумаги, чтобы сменить тему: – Слава богу, у нас будет настоящее дело, а то затишье что-то затянулось.

* * *

В пятницу семья Бил уехала из Лондона на «хмельном» поезде. Посредством почты и телеграфа Билли удалось «поменяться фермой» с другой лондонской семьей, и вот теперь Билы следовали на ферму Дикона, где их поджидала однокомнатная времянка. Мейси занималась детальным изучением дела Джеймса Комптона.

Его записи включали план имения. То была обширная территория, занимавшая часть равнины Уилд. Деревня Геронсдин примыкала к владениям Сандермира с юга, другим краем гранича с фермой Дикона, которую Том Дикон унаследовал от отца, а тот – от своего отца. Так и велось из века в век. Длительные сроки аренды создавали у фермеров иллюзию, будто земля является их собственностью и должна оставаться в семье.

Кирпичный завод находился к востоку от фермы Дикона и, как и говорил Джеймс, отлично работал. Имелась дополнительная информация об Альфреде Сандермире; прилагалась даже фотография. «Какой-то он отталкивающий», – подумала Мейси, взглянув на изображение мужчины лет тридцати. Альфред Сандермир имел заурядную внешность. Мейси не понравились его глаза, точнее, прищур. Брови были жидкие, волосы зачесаны назад, причем фото усугубляло их сальный блеск. Улыбаясь в объектив, Сандермир обнажил не только зубы, но и десны; в руке у него Мейси заметила наполовину выкуренную сигару. «Ну, здесь ничего необычного нет». И все же она сочла наличие сигары моветоном, вдобавок осанка

Сандермира говорила о надменном нраве и цинизме. Мейси знала, что с Сандермиром придется встретиться, и вовсе не горела желанием поскорее свести это знакомство.

Список правонарушений, зафиксированных в имении за последние три года, показался Мейси весьма обширным; преобладали воровство и порча имущества. Бились окна на кирпичном заводе, исчезали инструменты, горели конюшни – к счастью, ни лошади, ни конюхи не пострадали. Мейси отметила также, что неприятные события происходят ежегодно в середине сентября, когда в окрестностях полным-полно лондонцев, да еще и цыгане табором стоят. Что ровно ничего не значит, напомнила себе Мейси. Джеймс сам говорил, что местные склонны во всем винить приезжих.

Был отдельный список пожаров, которые имели место исключительно в Геронсдине и только в сентябре. О жалобах деревенских жителей, равно как и о причинах возгораний, не нашлось ни слова. Билли высказался в том смысле, что пожары – простое совпадение, и сразу же он и Мейси в один голос воскликнули:

– Совпадение – вестник истины!

Так говаривал наставник и бывший начальник Мейси, выдающийся психолог, философ и эксперт в криминалистике – доктор Морис Бланш. Его Мейси цитировала часто, хотя брешь в отношениях с ним оставалась обширной, и периодическое общение не могло ее залечить. Год назад, во Франции, Мейси начала вникать в суть секретной деятельности, которую Морис вел во время войны. Скрытность Мориса, наряду с его явной заинтересованностью в тогдашнем деле, стали для Мейси свидетельством недоверия к ней; имел место нервный срыв. Во время поездки во Францию Мейси пережила стресс, вызванный воспоминаниями. Военный невроз никто не отменял – даром что никто и не признавал его существование. И хотя следствием разрыва с Морисом стала независимость Мейси, возможность строить бизнес по-своему (этого не было бы, если бы Мейси просто унаследовала Морисову практику) – порой она очень нуждалась в совете бывшего наставника. Однако за год они так и не удосужились выяснить отношения.

Мейси взяла планшет, написала слово «поджог». Чем-то этот вид преступления неуловимо отличается от всех остальных. Спичка, легкомысленно брошенная на трухлявый пенек, способна породить всепоглощающее пламя; нескольких искр достаточно, чтобы запылал огромный особняк. Что уж говорить о намеренном поджоге, устроенном из мести? Такой огонь порождает страх в каждом сердце, а там и до коллективного помешательства недалеко, ибо разве не в пламени обитает дьявол?

* * *

Итак, тревога нарастала; не последним, хоть и не главным фактором было само обращение Джеймса Комптона к Мейси. Уж не матушка ли его, леди Роуэн Комптон, приложила руку? В свое время леди Роуэн поддержала Мейси, даже оплатила ее образование; не с ее ли подачи и Джеймс предложил Мейси дело о покупке имения Сандермира? Щепетильная до болезненности, Мейси тяготилась покровительством бывшей суфражистки, хотя и ценила таковое. Конечно, определенную роль играла здесь разница в происхождении, даром что Мейси, как правило, принимали за дочь священника, не подозревая, что отец ее торговал вразнос овощами в Ламбете. Впрочем, Фрэнки Доббс давным-давно расстался и с тачкой, и спряженной в нее клячкой. С самой войны он жил в Челстоуне. Всех конюхов леди Роуэн забрали в армию, Фрэнки прибыл ухаживать за лошадьми, да и остался. Ему даже домишко выделили.

В конце концов Мейси решила сосредоточиться на расследовании. Размышления о причинах, побудивших Джеймса обратиться именно к ней, точно не прибавят продуктивности ее работе. Мейси изучала записи, пока не затрезвонил телефон. В первые секунды она

просто смотрела на аппарат, прикидывая, кто бы это мог быть. Обычно ей слали письма, почтовые карточки и телеграммы. Новости и предложения Мейси привыкла получать по почте. Наконец она сняла трубку.

– Фицрой пять...

– Господи! Мейси, зачем ты повторяешь номер? Раз я его набрала, значит, он мне известен!

– Присцилла! Ты где?

Мейси даже с места поднялась – такой неожиданностью стал звонок старой подруги.

– Я в Лондоне. Наконец-то определила моих лягушат в новую школу. Мы долго выбирали, Мейси; мы и сейчас не уверены, что решение правильное. Просто в Биаррице они творили что хотели, а им дисциплина нужна, не то вырастут бог знает кем. Я только что от директора. Ну и беседа была! Мой старшенький подрался, представляешь? Защищал младшенького. Так что мне жизненно необходима порция джина с тоником. Не хочется пить в одиночку. Я в «Дорчестере».

– В «Дорчестере»?

– Ну да. Сама себе задание дала – проверить все до единого лондонские отели. Этот конкретный всего полгода как открылся и, знаешь, впечатляет. Телефон в каждом номере – это не пустяк. Может, я даже и приостановлю исследование. Мне в «Дорчестере» нравится. Отлично можно расслабиться после того, как целый день раскидываешь мозгами. Не в прямом смысле, конечно, раскидываешь, хотя останься я на пять минут наедине с моими...

Мейси взглянула на часы.

– Приеду, как только освобожусь. Надо закончить пару дел, потом переодеться. В половине седьмого тебя устроит?

– Отлично! Заканчивай свои дела, а я пока в горячей ванне помокну. Ванна, знаешь ли, притупляет желание напиться.

– До скорой встречи, Прис.

Мейси наскоро разделалась с работой, но, когда выходила из конторы, посыльный принес почтовую карточку от Билли.

«Уважаемая мисс!

Вам надо приехать на ферму. Срочно. Буду звонить во вторник из ближайшего автомата. В восемь.

Билли».

Мейси похлопала карточкой по левой ладони. Вторник – сегодня. Взглянула на часы. На обмен новостями с Присциллой хватит одного часа, так что Мейси успеет вернуться в контору к восьми. Билли она знает достаточно – из-за пустяков он не стал бы обращаться к услугам почты. А если верить карте, предоставленной Джеймсом Комптоном, телефон-автомат находится на изрядном расстоянии от фермы, в соседней деревне, и «ближайшим» может быть назван разве что в ироническом смысле. Да и прогулка к автомату после рабочего дня едва ли сойдет за увеселительную.

* * *

Где бы ни была назначена встреча с Присциллой, Мейси безошибочно вычисляла подругу по толпе народу, ее окружавшей. Нет, Присцилла не заводила разговоров; она могла даже не знать лично людей, что толклись вокруг нее. Просто она служила таким центром притяжения. Люди беседовали, поджидали приятелей – но неизменно возле Присциллы.

Вечер вторника не стал исключением. Присцилла сидела за барной стойкой, потягивала коктейль, а в непосредственной близости группировались, поглядывая на нее, другие гости отеля. На Присцилле был вечерний наряд, пожалуй, более уместный в ее доме, во Франции. Такой наряд хорошо надеть вечером, собираясь ужинать в саду. Туника кремового цвета с широким кушаком на бедрах красиво оттеняла модный загар, просторные густосиние шелковые брюки с отворотами подчеркивали стройную фигуру. Туфли тоже были синие, из мягчайшей кожи; белый с синей отделкой шарф обвивал шею. Конец августа баловал теплом, провоцировал одеться полегче, однако никто из гостей, кроме Присциллы, не вписался бы столь органично в интерьер круизного судна, бороздящего тропические моря.

– Боже! Дорогая Мейси, ты же нынче просто как игрушка! Я и не вспомню, когда видела тебя такой яркой. Правда, ты не в тренде... Красное платье? Впрочем, тебе идет.

В отношениях с Мейси Присцилла всегда проявляла неумеренную эмоциональность. Она обожала подругу; Мейси отвечала взаимностью. И все же теплые чувства не удерживали Присциллу от непрошенных советов.

– Для завершения образа тебе нужна черная шляпка с красной лентой и экстравагантные красные туфли. И вот еще что, подруга: на твоём месте я бы подчеркивала талию черным ремешком. Талия вновь актуальна, даром что пока никто не в курсе.

Мейси закатила глаза.

– Я уж как-нибудь сама разберусь. А здорово, что ты приехала, Прис. Только давай не будем обсуждать мой гардероб.

– Ты это гардеробом называешь? Не представляю, как ты обходишься таким минимумом одежды. Кстати, платье вручную красила?

Мейси вспыхнула:

– Честно говоря, новое мне было не по карману, вот я и вышла из положения. Тут ничего сложного нет.

– То-то я смотрю, фасончик знакомый. Но, знаешь, ты его здорово преобразила.

Появился официант, и Мейси заказала сладкий херес, а Присцилла – еще порцию джина с тоником.

– Расскажи о мальчиках. На какой школе в итоге остановились? В последнем твоём письме фигурирует школа Святого Ансельма. Или ты уже передумала?

– Нет, не передумала. Пока. Там посмотрим. – Присцилла сделала глоток, тряхнула головой и поставила бокал на низенький столик. – Трое мальчишек – тройная проблема. Но заметь: на трех девчонок я бы их не променяла, лягушат моих. Папа с мамой всегда говорили, что от меня одной хлопот больше, чем от троих моих братьев, вместе взятых.

Мейси улыбнулась. Было время, когда Присцилла не могла говорить о братьях – все они погибли на войне. Как и Мейси, Присцилла отдала этой войне часть жизни – она водила медицинский автомобиль. Конечно, это обстоятельство, вместе с потерей братьев, оставило в ее душе глубокий след.

– Нам с Дугласом давно надо было озаботиться образованием мальчиков. Мы тянули до последнего. Нашим лягушатам ужасно нравилось в Биарицце, ты сама видела. Утром они ходили в школу, потом допоздна пропадали у моря. Приключения и свобода – что еще нужно? Разумеется, манеры у них хорошие, когда хотят, наши дети могут быть настоящими джентльменами. Только вдруг у них скрытые таланты? На воле талант не выявишь, верно?

Присцилла потянулась к бокалу, помешала содержимое соломинкой. Кубик льда закрутился в воронке. Губы Присциллы так и не коснулись напитка.

– Знаешь, мне хочется дать мальчикам такое же образование и воспитание, как было у моих братьев. Ну, ты представляешь: суровый мир маленьких мужчин, домой – только на выходные, в детской чай накрывают для целой толпы приятелей. Только с тех пор, как произошло это маленькое фиаско...

– Какое фиаско?

Присцилла вздохнула:

– Мои лягушатки оказались в школе не просто новичками, а новичками в кубе. Даром что они живут с сугубо английскими родителями, а няня у них – чистокровная валлийка – ну да, я говорю об Элиноре, правда, сейчас она поехала в Брекон, семью навестить, – так вот, несмотря на все это махровый французский акцент никуда не делся. Более того, секретничают мальчишки только на французском языке. Эдакий клуб избранных. Понятно, что в школе это никому не нравится. Причем речь не о простых дразнилках – дело обстоит куда серьезнее. – Присцилла глотнула джина с тоником. – Трудности закаляют характер, я согласна, однако всему должен быть предел. Тарквина Патрика решили побить за французский. Толкнули; он стерпел. Еще раз толкнули, он опять стерпел. На третий раз поставил обидчику фонарь. У него, знаешь, отличный левый хук – спасибо бывшему ухажеру нашей Элиноре, научил ребенка. Портовый грузчик, баск по национальности, боксер – где только Элинора его подцепила? Но это я отвлеклась. Так вот, на Тарквина Патрика навалились сразу трое, обзывали вонючим лягушатником и желтопузом. Но тут подоспел Тимоти Питер, который тоже брал уроки у приятеля Элиноры. Старшие братья в таких случаях очень пригождаются, это факт, но трое обидчиков оказались в лазарете, причем у одного все лицо разбито.

Мейси понимающе кивнула. Она хорошо знала сыновей Присциллы; как всегда, расчувствовалась, слушая, как подруга называет их двойными именами. Вторые имена были даны им в честь Присциллиных братьев. Причины драки очень встревожили Мейси.

– Что ты намерена предпринять, Прис?

– Пока не знаю. Дуглас занимается виллой – надо же ее закрыть. Скоро приедет. Мы решили поселиться в Эверндене, в нашем старом доме. Я все думала: вот мои мальчишки станут бегать по лугам, строить шалаши в лесу... Их ждут приключения, какие были у меня и моих братьев... Но теперь мой энтузиазм как-то поблек, перспективы больше не кажутся радужными. Скажи, Мейси, откуда в детях столько жестокости?

– Люди, Присцилла, в большинстве своем боятся всего незнакомого, то же относится к детям. Ты ведь сама назвала ребят маленькими мужчинами. Тот факт, что Тарквин не дал сдачи сразу – то есть обманул ожидания обидчиков, – только усугубил ситуацию. Теперь у твоих сыновей рейтинг может вырасти. К сожалению, в школах авторитет завоевывается кулаками.

Не имея опыта воспитания детей, Мейси использовала в беседе с Присциллой другой опыт – выживания чуждого, подозрительного элемента в однородной среде. Примеров у нее хватало – как полученных в ходе профессиональной деятельности, так и личных.

Присцилла подняла взгляд на подругу.

– Но я тебя не только из-за мальчишек хотела видеть. Речь пойдет о тебе.

– Обо мне? Что еще стряслось?

Мейси заметила перемену в тоне Присциллы, в ее осанке. Плечи напряглись, Присцилла чуть откинулась назад, как бы приготовившись выдать скверную новость и желая отстраниться от собственных слов.

– Прежде чем прийти в бар, я позвонила кое-кому из друзей. В том числе Маргарет Линч.

Мейси сжала губы и поймала себя на отзеркаливании Присциллиной позы. «Понятно: Присцилле нужно собраться с силами, чтобы завести разговор на эту тему, – подумала Мейси. – А мне нужна твердая опора, чтобы выслушать новость».

Достопочтенная Маргарет Линч была матерью Саймона, возлюбленного Мейси. С самой войны он находился в ричмондском спецгоспитале. Саймон и Мейси вместе работали на эвакуационном пункте. Пункт бомбили, и Саймону в прямом смысле вышибло мозги.

Мейси тоже была ранена в голову. Шрам скрывался под волосами. Другие шрамы, невидимые глазу, были в ее душе.

– Ты звонила миссис Линч?

– Она хочет встретиться с тобой. Много лет вам обоим успешно удавалось избегать друг друга. Это объяснимо – вы слишком много пережили. Только теперь Маргарет составила, и еще...

– Что еще?

– Саймон очень плох. Одному богу известно, как он с самой войны держится. Но сейчас, впервые за все это время, появились некие признаки. Врачи говорят, пошел обратный отсчет.

– Ох. Я... Присцилла, я же всего две недели назад видела Саймона. Он был прежний. Я бы заметила, если что, не зря ведь я служила медсестрой. Но я не нашла никаких изменений, заставляющих предположить...

– Две недели – большой срок. – Присцилла взяла Мейси за обе руки. – Можешь считать меня пустышкой, главное, выслушай. Нельзя всю жизнь цепляться за Саймона. Знаю, ты долго его не навещала, и Маргарет все понимает – но последние два года ты регулярно едешь в госпиталь к человеку, с которым не можешь поговорить, который даже не узнает тебя. К человеку, который, по сути, мертв, даром что дышит и принимает пищу. – Присцилла, говоря, гладила руки Мейси. – Навести Маргарет, Мейси, не тани. Она о тебе ничего плохого не думает. Ты же умница, ты в сердцах, как в книгах, читаешь. Видишь, вот и я в пафос удалась. Маргарет нужен некто, любящий ее сына с той же силой, с какой любит его она сама. А ведь ты последняя говорила с Саймоном – перед тем, как он погиб для всех нас. Значит, через тебя проходит связь между прежним Саймоном – и нынешним. Подумай о Маргарет. Простая беседа с тобой поможет ей – да и тебе тоже – перенести его смерть.

– Смерть? Присцилла, я...

– Посмотри на меня, Мейси. Саймон умирает. Иначе сказать нельзя. Нет других слов. Саймон умирает. Его отец давно умер, его мать одна-одинешенька. Кроме нее, Саймона только ты навещаешь; ты любишь его с того самого вечера, когда вы познакомились – даром что потом встречалась с другими мужчинами. Что бы там Маргарет ни думала про тебя раньше... – Присцилла осеклась и даже глаза закрыла на секунду. Начала извиняться: – Боже! Я не то имела в виду. Представляю, как это прозвучало! Мейси, я хотела сказать, что...

Но Мейси успела подняться из-за столика. Красное платье придало значительности ее позе, темно-синие глаза смотрели сверху вниз на Присциллу, которая осталась сидеть.

– Маргарет Линч принимала меня в своем доме только потому, что шла война. Маргарет Линч была мила и любезна, но не думай, что я не понимаю: в любое другое время меня бы и на порог не пустили. Происхождение подкачало, ничего не поделаешь. Ну а если бы Саймона не ранило? Как по-твоему, Присцилла, могла бы я принять его предложение? Да никогда. У нас не было будущего. – Мейси перевела дух. – Во-первых, я сердцем знала: случится нечто ужасное, а во-вторых, я чувствовала недовольство Маргарет Линч. За каждым ее ласковым словом чувствовала! – Мейси схватила пальто. – Я ей напишу, Присцилла. И съезжу в госпиталь, как только время выкрою. Но я не питаю иллюзий – я в курсе, что говорилось за моей спиной.

И Мейси ушла. Присцилла заказала еще джина с тоником, приложила запотевший бокал ко лбу. Кусала с досады губы, кляла себя за неосторожные слова. С другой стороны, Мейси всегда такая сдержанная. Не в ее характере давать волю эмоциям. Потом Присцилла подумала, что этот всплеск на самом деле хороший признак. Что они с Мейси скоро помиряются, Присцилла не сомневалась. «Определенно я задела ее за живое», – подумала она, поставила бокал на стол, взяла сумочку и направилась в номер. Позднее, уже в шелковом пеньюаре, Присцилла сидела на подоконнике, глядела на Парк-лейн. Тут до нее дошло: она

прозевала перемену в подруге, а ведь могла бы и сообразить. Разве Мейси не выдала себя красным платьем? Был еще один момент: говоря о том, что не видела будущего, что предчувствовала нечто ужасное, Мейси подняла руку, но не коснулась глаза, что было бы логично и предсказуемо. Нет, Мейси коснулась середины лба.

* * *

Вернувшись в контору, Мейси швырнула пальто на стол, стащила с кресла подушку, приподняла платье, чтобы не мешало, и уселась на полу по-турецки. «Успокойся, успокойся, успокойся...» Эту мантру она повторяла снова и снова. Мейси была недовольна собой, стыдилась вспышки. Время от времени она бывает резка; в прошлом году имело место объяснение с Морисом, но никогда прежде Мейси так бурно не реагировала на чужие слова. Присцилла, конечно, не хотела ее обидеть. Уверенность в нерушимости дружбы подвигла Присциллу говорить без обиняков; промах свой она сразу признала, извинилась. «Почему ее слова так меня задели?» – недоумевала Мейси. Она стала дышать глубоко, чтобы к звонку Билли совершенно успокоиться.

Звонок раздался словно в ответ на ее мысли. Мейси встала, оправила платье, сняла трубку.

– Билли?

– Это вы, мисс? – В трубке затрещало.

– Конечно, я.

– Просто вы номер не назвали, вот я и не понял сразу.

– Что случилось, Билли?

– Жаль, не могу рассказать. Кто-то всю деревню в страхе держит, мисс. Если так и дальше пойдет...

– Что пойдет, Билли?

– Двоих парнишек из Шордича – как и мы, они на хмель приехали – обвиняют в покраже и хулиганстве. Якобы в господский дом залезли. Сами они говорят, что каштаны за воротами собирали, ну, для игры, но кто-то выбил окна, пропало серебро. Словом, ребят упекли в участок. Уж как лондонцы возмущаются, готовы драться. Мистер Дикон кричит, мол, давайте хмель собирайте; наши говорят, это все проклятое цыганье, а все шишки на нас с Дорин сыплются.

– Что-то я не понимаю.

– Не успели мы приехать, мисс, как Дорин увидела цыганку с маленькой девочкой. Уж такая лапуля, просто конфетка, совсем как наша Лиззи, только чернявенькая. Ну и вот. Дорин, хотя ни бельмеса по-цыгански не понимает, стала так подгадывать, чтобы одновременно с этой цыганкой на колонку за водой попасть, чтобы девчушку помянуть. Бусал ее зовут; вот так имечко. Ну и прочие цыгане на Дорин уж приветливо глядят. Ничего худого в том нету, а только теперь свои же, лондонские, нас цыганами называют.

– Бусал значит «красавица». Это такое диалектное слово у цыган.

– Откуда вы знаете, мисс?

– Раньше слышала. Что еще произошло?

– Эти местные – странные люди. Не то чтобы я с деревенскими дела не имел, но таких, как эти, не встречал. Сами себе противоречат. Кого ни спроси – ничего не видел, а виноваты все равно лондонцы. Понаехали, говорят, наш хмель собирать, лучше бы дома сидели.

– Кажется, дело серьезное и осложняется межплеменной враждой.

– Я думал, вражда закончилась, когда викинги ушли. – Билли помолчал и добавил: – Все гораздо хуже, чем вы думаете, мисс. Мальчишкам светит минимум год в колонии. Этот Сандермир требует самого сурового наказания – чтобы другим неповадно было. Еще

он говорит, что ему угрожают, так теперь полицейские под каждым кустом сидят. Вам надо приехать, мисс. Ребятам, кроме вас, никто не поможет, а они еще зеленые совсем. Я их родителей знаю, хорошие люди, работают, стараются. А вы убеждать умеете, всегда слово нужное найдете. Поговорите с адвокатом, с полицией, заступитесь за мальчишек. Вы же сами из Лондона. Вам поверят.

Мейси вздохнула. Она-то думала, расследование для Джеймса Комптона пройдет без осложнений – а вот они, осложнения, появились прежде, чем чернила в контракте просохли. Что интересно: в ее практике все легкие с виду дела оборачивались запутаннейшими интригами.

– Хорошо, завтра же утром приеду прямо на ферму. Поживу несколько дней у отца, в Челстоуне. Из Геронсдина до его дома всего сорок пять минут на машине.

Связь прервалась. Мейси повесила трубку, снова села на пол, на подушку. Завтра, перед отъездом, она заскочит в отель «Дорчестер» и оставит для Присциллы записку с извинениями. И сочинит несколько строк для Маргарет Линч; тут понадобится весь ее такт. Мейси закрыла глаза, и перед ней вновь, как и во время разговора с Билли, возник образ бабушки. Мейси вспомнила, как смеялась мама, когда папа взял ее на руки. Со станции до домика у шлюзов, где жили дедушка с бабушкой, они приехали в упряжной повозке. Седые, некогда черные как смоль волосы бабушка заплетала в косу. Такого же цвета волосы у самой Мейси и у мамы. Бабушкина одежда почти не отличалась от принятой в то время, но она носила золотые сережки-обручи. Маленькая Мейси первым делом тянулась к этим сережкам, а бабушка ворковала над ней:

– Ах, ты моя красотуля. Моя деточка, моя Бусал приехала в гости к старой, старой тетушке.

Глава 3

Мейси обожала водить машину, в хорошую погоду всегда ездила с откинутым верхом. Так она поступила и сегодня. По утрам осень намекала: скоро приду, но дни стояли благоуханные, низкое солнце грело несильно, жмурилось на поля, на свежую щетину жнивья. Мейси направлялась в Геронсдин.

Миновав Танбридж-Уэллс, она свернула на дорогу к Ламберхерсту, доехала до искомого указателя и сбавила скорость. На главной деревенской улице были представлены архитектурные стили разных эпох – и средневековые домики, и двухэтажные дома викторианской застройки. По левую сторону красовалась гостиница, очень приветливая с виду, живописная, с темными балками. Справа, открытая ветрам с холмов Хорсмондена, стояла церковь, возведенная, вероятно, еще при норманнах.

В достатке было магазинов: мясные, зеленные и бакалейные лавки, магазин хозяйственных товаров. В центре, поближе к церкви – мемориальная стела, установленная в память о жителях Геронсдина, погибших на фронте в период с тысяча девятьсот сорока по тысяча девятьсот восемнадцать год. Дорога огибала мемориал с обеих сторон.

Далее, по левой стороне, плотный ряд построек нарушался – будто зуба в челюсти не хватало. Могли бы, думала Мейси, построить тут пусть не дом, так хоть магазин. Но нет: участок зарос бурьяном. Среди сорной травы ярко выделялись островки диких астр. Перед Михайловым днем эти цветы растут повсюду – и на железнодорожных насыпях, и на пустырях; если бы не они, заброшенный участок казался бы совсем унылым. Неподалеку был перекресток с указателем: «К ферме Дикона». Мейси повернула по стрелке, налево.

По правую сторону дороги зеленели хмельники, где уже начался сбор урожая. Столбы с натянутыми веревками, по которым весной завивали хмелевые побеги, теперь были пусты, лишь кое-где мелькала забытая кисть бледных, нежных шишечек. Плети хмеля грудями лежали на земле. Работники давно перешли на соседний хмельник.

Добравшись до фермы, Мейси съехала с проселка и там остановила машину. Дальше надо было идти пешком, ведь ухабы могли нанести ущерб подвеске «Эм-Джи». Мейси не хотелось сдавать любимый автомобиль в ремонт. К вылазке она подготовилась – надела плотную льняную юбку со складками спереди и сзади, туфли на толстой подошве и хлопчатобумажную рубашку цвета мускатного ореха. За плечами у Мейси был рюкзак с бутербродами, кардиганом и стопкой учетных карточек, перехваченных бечевкой, а также блокнот и ручка. В переднее отделение рюкзака Мейси положила мешочек с миниатюрными инструментами; складной нож помещался в кармане юбки.

По песчаной дороге Мейси дошагала до хмелесушилки. Там разгружали хмель, таскали полные корзины шишечек с трейлера. Шишечки отправлялись в печь, чтобы после снова оказаться в корзинах и быть переданными на пивоварни. Крепко пахло сырыми и сушеными шишечками; аромат смешивался с серной вонью. Мейси несколько минут наблюдала за рабочими, прежде чем окликнуть одного из них:

– Извините, вы не подскажете, как пройти на хмельник, где сейчас собирают урожай?

Рабочий сначала потянулся, размял спину, стащил кепку и вытер потный лоб несвежим платком.

– Ребята сейчас на Железке да на Сумасброде. У нас, видите ли, каждый хмельник свое имя носит. Так вот. Железка, сообразить нетрудно, вдоль железной дороги тянется. Идите по этой тропе – с полмили примерно. Слева будет нетронутый хмельник, а потом – Железка. А Сумасброд – он по другую сторону. Минуете два хмельника по правую руку, третий и будет Сумасброд. – Рабочий снова надвинул кепку, взял корзину и добавил: – Кого-то конкретного ищите?

– Да. Мне нужны мистер и миссис Бил. Словом, я ищу семейство Билли Била.

– Это белобрысый такой, рыжеватый? Он еще хромает вроде?

– Да.

– Ваш мистер Бил на Железке. В верхней части хмельника трудится, как и другие лондонцы. А цыгане – те в нижней части. Так что держите ухо востро.

Мейси хотела резко ответить, но, вспомнив вчерашнюю ссору с Присциллой, сдержанно заметила:

– Мне бояться нечего, но все равно спасибо за заботу. Теперь я легко найду мистера и миссис Бил.

Рабочий пожал плечами, тряхнул головой, а Мейси пошла прочь. Она высоко вздернула подбородок, подставила лицо солнцу. Как же ласковы последние теплые лучи! Отыскать Железку было нетрудно – над деревьями за клубился густой паровозный дым, и Мейси взяла его себе за ориентир. Вскоре она уже шагала по хмельнику. Здесь трудились целыми семьями. Народ толпился вокруг емкостей длиной с носилки, сделанных из дерева и мешковины. Когда емкость заполнялась, ее забирали. Мейси ожидала услышать смех, нарушаемый выкриками вроде «А эта шишечка годится?», а также пение – словом, ей представлялась пастораль из отцовских рассказов.

Бывало, они с отцом сидели возле чугунной печки, Мейси было тепло и от горящих углей, и от отцовского голоса, что повествовал о далеких детских днях. Такие посиделки вошли у них в привычку после маминой смерти, продолжались много месяцев. Сейчас Мейси понимала: отец пытался найти в своем прошлом некую точку опоры, а может, хотел напомнить дочери о ее собственном детстве. Оно, это детство, давно кончилось – тринадцатилетняя Мейси целыми днями работала на Ибери-плейс, в доме лорда Джулиана Комптона и его супруги, леди Роуэн. Фрэнки Доббс пересказывал шутки сборщиков хмеля, смеялся, вспоминая о домыслах деревенских жителей насчет мироустройства и о том, как балагуру мешал досказать младенческий плач. Малышей обыкновенно брали на хмельник, укладывали спать, завернув в пеленку и пиджак, на груды сухих стеблей.

Но здесь, на Железке, не было никаких намеков на веселье. Несколько секунд Мейси наблюдала, удивлялась и мысленно измеряла градус подавленности. Ей казалось, раздражение сборщиков хмеля касается ее – будто бы оно было некоей материальной субстанцией, например дождевой тучей. Потом Мейси пошла вперед. Дважды она спрашивала, где Билли. Каждый раз ей отвечали: «Где-то здесь», и пропахший хмелевыми шишечками заскорузлый палец тыкал в неопределенном направлении. Наконец Мейси увидела всю семью Бил: Билли и Дорин сноровисто сощипывали шишечки со стеблей, ритмично склоняясь над деревянной емкостью; престарелая мать Билли скрюченными от артрита пальцами обрывала с побегов листья, ребром ладони смахивала в емкость очищенное сырье. Оба мальчика, Билли и Бобби, пытели над старой корзиной для белья, которая, будучи заполненной, также служила общему делу. Когда работа сдельная, любая помощь приговора, любая малость идет в ход. Билли засучил рукав повыше, взглянул на часы, что-то сказал жене, которая оглядывалась по сторонам. Приближаясь, Мейси услышала гулкий окрик:

– Ко-о-орзины го-о-отовь!!!

И каждая семья суетливее заработала руками, детям было велено выбирать из корзины листья, ведь хозяин не примет грязное сырье.

– Мисс! – воскликнул Билли, увидев Мейси. – Обождите минутку. Вот пройдет учетчик, да еще надо проверить этих мальчишек. Небось больше листьев нанесли, чем выбрали.

– Я помогу, – вызвалась Мейси. Сбросила рюкзак, засучила рукава, улыбнулась Дорин и на миг задержала ладонь на ее плече. Со смертью маленькой Лиззи между женщинами установилась особая связь, и сейчас, этим прикосновением, Мейси о ней напомнила. Затем

она принялась за работу. Шесть пар рук сновали теперь в емкости для шишечек, пальцы нащупывали сухие листья, за наличие которых урежут заработок.

Учетчику оставалось проверить всего две емкости, семья Бил была на очереди.

– Ну, теперь нам учетчик не страшен, – прокомментировал Билли, вытягивая шею, чтобы точнее определить местонахождение начальства. Губы его беззвучно шевелились – Билли вслед за учетчиком считал мерные корзинки. Мейси взглянула на свои руки. Всего несколько минут проработала, а пальцы уже липкие, и запах от них такой резкий. Между тем учетчик приближался.

– Одна... две... три...

Он опускал в емкость свою мерную корзинку и вытаскивал ее, полную рыхлых бледно-зеленых шишечек. Шишечки отправлялись в мешок, который держал раскрытым подсобный рабочий. Корзинка вновь ныряла в шуршащую, пахучую кипень.

– Четыре... пять...

Мейси видела: по мере приближения учетчика не только Билли – все хмелеводы напрягались. Каждый боялся, что его обсчитают, что найдутся «любимчики», из емкостей которых учетчик станет черпать с недовесом, или что в блокноте окажется записано меньшее число мер. Когда очередь дошла до семьи Бил, Мейси прикрыла глаза. Густой, пряный запах хмеля окутывал ее, пока продолжался подсчет; летела пыльца и пыль, и настрой, с каким Мейси пришла на хмельник, постепенно менялся.

– Отличная работа, мистер Бил. Чисто собираете, – похвалил учетчик, передал Билли блокнот с записью, пошел дальше и повторил ритуал: – Одна... две...

– Ну вот, мисс, теперь можно и почаевничать. Хочу вас кое с кем познакомить.

Он сделал знак Дорин (та ответила понимающим кивком) и повел Мейси, успевшую нацепить рюкзак на одно плечо, прочь с поля. Билли остановился на краю хмельника и позвал:

– Джордж, иди сюда. Мисс Доббс приехала. Ну, та леди, про которую я тебе говорил. Джордж коснулся тульи своей шляпы.

– Уже иду.

Мейси заметила темные круги под глазами Джорджа, прикинула, что для сборщика хмеля он слишком мрачен. Джордж походил на ее отца: рукава рубахи засучены выше локтя, жилетка нараспашку, красный платок лихо повязан на шее. Но поведение Джорджа выдавало озабоченность и тревогу, а также еще одну эмоцию, ненавистную Мейси, – меланхолию, от которой рукой подать до полной капитуляции.

Билли представил их друг другу, и все трое пошли к временкам, где Билли разжег керосинку и грохнул на нее чайник. Мейси уселась на старый стул и, пока закипала вода, разглядывала интерьер временки. Комната была всего одна, тесная; у стен, друг против друга, стояли две кровати. Вероятно, младший мальчик, Бобби, спит с родителями, а старший – с бабушкой, прикинула Мейси. Имелся умывальник с эмалированным кувшином и тазиком, посреди беленого стола красовалась вышитая салфетка, а на ней – вазочка с дикими астрами. Было чисто, прибрано; вся мебель с чердака семейства Бил. Как обычно перед отъездом из Лондона, мебель покрыли свежим слоем краски.

– Валяй, Джордж, выкладывай все мисс Доббс про Артура и Джо, – сказал Билли.

Джордж положил шляпу на одно колено, взял у Билли из рук жестяную кружку с обжигающим чаем, подул, поставил кружку на землю. Мейси не спускала с него глаз. Она уже поняла: Джордж тянет время, возможно, прикидывает, как лучше подать историю, чтобы его сыновья предстали невиновными. Конечно, названные мальчики приходились ему сыновьями.

– Это случилось в понедельник. Мы всего три дня как приехали, – начал Джордж. – Разделались с работой к четырем, минута в минуту, отчитались, пришли, стали мыться и

ужин собирать. – Джордж указал на низенькую кирпичную постройку с трубой, примыкавшую к лагерю хмелеводов. – Мы с женой, Одри ее звать, помылись и в кухню ушли, а мальчики во времянке остались. Грязная это работа, мисс, прорва воды уходит. Так вот. Они у нас хорошие ребята, совсем еще дети – весь-то день, пока работали на хмельнике, только и трещали, что о каштанах. Там, у забора, что Сандермирову усадьбу окружает, каштаны растут. Ну а вы ж знаете: мальчишка, когда каштан видит, больше уж ни о чем думать не может. Артур и Джо, мисс, они хотели найти самый большой каштан, отполировать его, в костре закалить, по новой отполировать – ну а там посмотреть, сколько он чужих каштанов побьет, пока сам расколется.

Джордж взял свою кружку, опять подул, пригубил и заговорил не прежде, чем отпил изрядную порцию.

– Ну и вот, зовет их Одри ужинать. Не откликаются. Снова зовет. Я пошел искать. Одному тринадцать, другому двенадцать, в школе свое уж отучились, теперь работают, но я-то отец, для меня они всегда дети. – Джордж выпрямился, рубанул ладонью воздух. – Я их нашел. Под каштаном. В наручниках. Рядом два полицейских. Мол, ваши сыновья, мистер, арестованы за вторжение в частную собственность, воровство, хулиганство и порчу имущества. Мои все в слезах, в соплях, а этим служакам и дела нет. А тут еще Сандермир, его разэтакое достопочтенство, будь оно неладно, разоряется: надо их наказать примерно, чтоб урок, чтоб другие ни-ни. А наказать – значит посадить, да не на год. – Джордж стукнул себя в грудь. – Одри со стула сползла, когда я ей рассказал. Теперь мы хотим домой, в Лондон, подальше от всего этого – да денег нет, не заработали еще. И мальчиков в кутузке оставить нельзя.

Мейси молча кивала. Собиралась с мыслями, но главным образом хотела, чтобы Джордж сообщил как можно больше. Когда же Мейси заговорила, ее голос звучал мягко, размеренно, веско:

– Джордж, я должна спросить вас кое о чем. Только не обижайтесь, пожалуйста. Скажите, Джордж, какие у вас есть доказательства того, что кражу совершили не ваши сыновья? И какие доказательства виновности ваших сыновей есть у полиции?

– Я своих мальчиков знаю, мисс! – Джордж даже с места вскочил, опрокинув кружку.

– Успокойся, приятель. Мисс Доббс должна задавать вопросы, работа у нее такая. Она помочь хочет, потому ей надо знать все.

С этими словами Билли поднял кружку, долил чаю до половины. Джордж взял себя в руки.

– Ладно. Лучше все вам расскажу. Тут есть один тип из местных, адвокат. Его к моим мальчикам назначили, только ему на них плевать с высокой вышки. – Он снова сел, чуть ли не залпом выпил чай, выплеснул остатки на землю – сухую, потрескавшуюся. – Ребят обыскали и нашли у них кое-что. У Джо в кармане – серебряное пресс-папье, у Артура – медальон.

– А что по этому поводу говорят сами мальчики? – Мейси взяла блокнот, приготовилась писать.

– Что вещи валялись под каштаном.

– А полиция что думает?

– Что у моих ребят был подельник. Якобы он орудовал в доме, вещи перебрасывал им через забор, и они не удержались – утаили пару безделушек. А про каштаны выдумали, уже когда попались.

– Понятно, – вздохнула Мейси и снова взяла кружку с чаем. – А вы как думаете, Джордж, откуда у ваших сыновей серебро?

– Я? – Джордж уставился на Мейси, потом на Билли. Тот ободряюще кивнул. – Я думаю, в доме цыганье орудовало. Это ж сброд, всякому известно. – Он снова посмотрел

на Билли. – А тебе, приятель, надо следить, чтоб хозяйка твоя не очень любезничала с этой чернавкой, Веббовой женой.

Билли побагровел:

– Тут все дело в малышке. Мы с Дорин никак от смерти Лиззи не отойдем, а цыганочка нам дочку напоминает. Только и всего.

Билли отвернулся.

– Мы про ваше горе знаем, да только ведь от цыган вред один. Поверь, Билли, я тебе как друг говорю. – Джордж назидательно погрозил пальцем, затем переключился на Мейси, молчавшую во время перепалки: – Я этого Вебба сам видал. Как его имя, никто не знает. Цыгане просто Веббом зовут. Так вот, этот цыган вечно на холме торчит – а с холма Сандермирова усадьба как на ладони видна. Стоит, шельмец, и смотрит, смотрит. И возле дома околачивался, под забором ходил. Ясно же – он и серебро спер. Его арестовать надо. Полицейские говорят, доказательств нету, мол, нельзя ни Вебба к стенке припереть, ни весь табор прогнать. Они, мол, вреда не делают. – Джордж сложил руки на груди, ботинком поддел камень.

Мейси закончила писать в блокноте, подчеркнула одно слово, подняла глаза, заговорила:

– В подобных ситуациях опасно пороть горячку. Надо сначала разобраться, хоть время и поджигает. Где держат ваших мальчиков, Джордж?

– В Мейдстоуне. Они еще дети, а их к настоящим злодеям посадили.

– Не волнуйтесь. Наверняка ваши сыновья содержатся отдельно от взрослых. Приятного мало, конечно, но опасности никакой. А цыганский табор где расположился?

На этот вопрос ответил Билли, который успел справиться с эмоциями:

– За нашим хмельником. Пройдете по проселку, минуете еще четыре хмельника и выпас – там они и будут, на холме, у леса. В лесу есть поляна, где цыгане разводят большой костер. Как стемнеет, у них там песни-пляски. Вебб – тот на скрипке играет. Есть еще два скрипача. Словом, вечерами нам скучать не приходится.

– А кто у них старейшина?

– Чего? – в один голос переспросили Билли с Джорджем.

– Я говорю о главе рода. О самой старой и уважаемой женщине в таборе. Возможно, ее кибитка находится в отдалении от остальных.

– А, так это не иначе старуха Вебб, мамаша этого ворюги. Будьте осторожны, мисс. Я бы на вашем месте держался подальше от табора.

Мейси улыбнулась, спрятала блокнот и ручку в рюкзак.

– Завтра, Джордж, я поеду в Мейдстоун. А сегодня навещу старую цыганку. Как ее имя, случайно, не знаете? Впрочем, наверняка ее называют тетужкой.

Билли с Джорджем переглянулись, снова уставились на Мейси.

– Спрошу Дорин, если вам так важно, мисс, – заговорил Билли. – Хотя она вряд ли знает. Цыганку, у которой маленькая дочка, Бусал, – ту звать Пейши. Не иначе уменьшительное от Пейшенс.

– Так и есть, Билли. – Мейси поднялась, протянула Билли пустую кружку. – Цыгане любят имена почти библейские – Чарити, Пейшенс, Фейт³. – Она положила ладонь на плечо Джорджу. – Я и с мистером Сандермиром пообщаюсь, хотя пока не представляю, как смогу добиться этой встречи. В любом случае скоро мы докопаемся до истины. Увидимся завтра утром, Билли. А сейчас мне пора.

И она пошла прочь. На миг помедлила, подхватила свои вещи, продолжила путь к проселку.

³ Charity, Patience, Faith (англ.) – Милосердие, Терпение, Вера.

– Ты уверен, что она сможет вызволить моих ребят? – спросил Джордж.

– Даже не сомневайся. Я тебе больше скажу: если кто и способен докопаться до истины, так это мисс Доббс.

Впрочем, Билли отнюдь не был уверен, что для раскрытия дела необходим контакт с цыганами.

* * *

Мейси остановилась у подножия пологого холма, оглядела рощицу на возвышении. По небу бежали быстрые облака: рощу накрыла тень, а в следующий миг она озарилась ярким солнечным светом – будто сцена в лондонском театре. Кибитки стояли почти впри-тык. Мейси насчитала пять, и возле каждой был разбит шатер. А слева, поодаль, располагалась отдельная кибитка. Ниже по склону паслись шесть коренастых лошадок-полукровок. Трава была на диво густая. Мейси приложила ладонь козырьком и наблюдала, как лошадки перебрались на новый участок, а потом вдруг, безо всякой причины, пустились галопом, высоко вскидывая копыта. Набегавшись, они вернулись к своему предыдущему занятию. Мейси вспомнила, как ходила с отцом на цыганскую лошадиную ярмарку в Стоу. Мама тогда осталась дома. Позднее Мейси поняла, что покупать лошадь отец охотнее пошел бы один, но хворой жене нужен был отдых от непоседливой Мейси. Вдобавок Фрэнки Доббс хотел, чтобы дочка немного развеялась, отвлеклась – она уже начала догадываться, что ее мама умирает.

Они с отцом тогда долго ходили между торговыми рядами, смотрели на лошадей и пони. Отец останавливался, задавал вопрос барышнику, шупал бабки жеребца или кобылы.

– Папа, как ты узнаешь, что лошадка нам подходит? – спросила Мейси, а Фрэнки Доббс ответил:

– Я ищу лошадку с крепкими, сильными, мохнатыми ногами. Еще надо, чтоб у нее глаза были блестящие. Погоди, мы пойдем, когда сами приглянемся какой-нибудь животинке.

Домой они вернулись с Персефоной – кобыла следовала в товарном вагоне, а уж с вокзала ее привели в теплое, уютное стойло под сводами моста Ватерлоо.

Когда Мейси проходила мимо, цыганские лошадки подняли головы, посмотрели на нее с интересом, затем продолжили жевать. Приблизившись к табору, Мейси крикнула «Доброго вам дня», впрочем, ответа она не ожидала. Цыгане пробудут на хмельнике минимум до четырех часов. К кибиткам Мейси не приближалась – поиски чего бы то ни было не входили в ее планы, по крайней мере в отсутствие хозяев. Прежде чем Мейси дошла до отдельной кибитки (принадлежавшей, конечно же, главе рода), тропа свернула в лес. Был только второй час дня. Мейси зашагала по тропе и оказалась на поляне, словно колоннами окруженной столбами света. Утренний костер, прогоревший до золы, вдруг выпустил змейку дыма; при каждом дуновении угли загорались янтарно-красными огнями и тут же гасли. Костер умирал, то были его последние выдохи и вдохи.

Вокруг костра располагались бревна. Закопченный котел, полный железной посуды, стоял поодаль. Мейси вспомнила свой сон – и замерла. Нет, страха она не ощущала, ожидание использовала для анализа ситуации, так разветвившейся из простого расследования для Джеймса Комптона. Виновны ли цыгане во вторжении в дом Сандермира? Как это преступление соотносится с другими событиями, описанными Джеймсом и устно, и на бумаге? И какая тайна связала жителей Геронсдина настолько крепко, что они не заявляют в полицию о поджогах и порче имущества? Мейси найдет способ коснуться этой темы и добьется понимания у этих людей. А вот почему, стоило Мейси въехать в Геронсдин, как ее охватила дрожь и волосы на затылке зашевелились? Пожалуй, важнее всего будет прояснить именно

этот вопрос. Неужели причина в недовольстве селян своим арендодателем? Или они против нашествия лондонцев и цыган?

Мейси снова вздрогнула. Теперь она чувствовала слезку за собой. Огляделась. Никого не было вокруг, поэтому, вскинув рюкзак на плечо, Мейси размеренным шагом пошла к краю поляны, туда, где лежала на траве густая древесная тень. Не успела Мейси приблизиться к кибитке, что стояла отдельно от других, как запястье ее угодило будто бы в безбольный капкан. Мейси опустила глаза. Ее рука была в челюстях собаки-ищейки. Правда, зверюга не пустила в ход клыки, словно не хотела причинить вред, словно ее задача — задержать незнакомку до возвращения хозяйки. Мейси сделала вдох и выдох, спокойно заговорила с собакой:

— Славная девочка. Не волнуйся, я буду послушной. Только, раз уж мне придется ждать, можно делать это сидя?

Собака не зарычала, не издала другого звука, но взгляд ее маленьких, острых, блестящих глаз по-прежнему был направлен в глаза добычи. Полукровка, подумала Мейси про собаку; лерчер, помесь серой борзой с колли. Цыгане таких любят. Говорят, они быстры, как борзые, и хитры, как колли. «Лерч» и переводится «вор». Кстати, нет смысла скрещивать двух лерчеров — потомство будет никудышное. Настоящий лерчер — это бастард в первом поколении. Уж кто-кто, а цыгане знают толк и в собаках, и в лошадях.

Собака позволила Мейси присесть на ступеньках одиночной кибитки. Свободной рукой Мейси достала из рюкзака сэндвичи. Конечно, она могла воспользоваться ножом или другим инструментом из своего набора, чтобы избавиться от собаки, но знала: лерчер в любом случае окажется проворнее. Не надо ссориться с животным, которое не станет пускать в ход зубы, пока Мейси сидит смирно. Делать нечего — придется подчиняться. Мейси не отпуская ощущение, что ее прихода ждали. Прислонившись спиной к двери, она надкусила сэндвич и почувствовала, как по запястью бежит горячая собачья слюна.

* * *

Мейси очнулась оттого, что собака отпустила ее руку. Встретив взгляд старой цыганки, Мейси не дрогнула. Длинные седые волосы старухи прикрывала пестрая шаль, в ушах болтались серьги-обручи, глаза окружали темные, глубокие морщины, щеки были впалые. Мейси поднялась на ноги, посмотрела вниз (старуха едва доставала ей до плеча), чуть склонила голову и сказала с улыбкой:

— Мое имя Мейси Доббс, я пришла познакомиться с вами.

Старая цыганка кивнула, опустила на землю ивовую корзину, полную свежих астр.

— Меня зовут Бьюла. — Старуха оглядела Мейси с головы до ног. — Посторонись, а то я в кибитку не войду.

За спиной Бьюлы толпились цыгане, никак не ожидавшие обнаружить в своем лагере гаджо.

— Кушти, — говорила между тем старая цыганка. — Все в порядке. Она нам не враг. Ступайте.

Звуки были гортанны, слова — еле слышны и все-таки заставляли повиноваться, даром что Бьюла ни разу не повысила голос.

Не глядя на Мейси, она достала чайник, хранившийся под днищем кибитки, и таз для омовения рук.

— Подержи-ка, уважь старую тетушку. Не зря ведь ты так далеко забралась, чтобы познакомиться. Давай посидим, потолкуем.

Бьюла свистнула собаку, та пошла за ней, постоянно виляя из стороны в сторону, так что Мейси оставалась на третьем плане. Ни обогнать цыганку, ни идти за ней следом собака не давала.

Глава 4

Из лесу Мейси вышла, когда дневной свет уже сменился ранними сумерками. Приглушенное конское ржание плавно катилось с холма. Возможно, Билли ожидал, что «мисс» заглянет к нему во времянку перед отъездом. Хмелеводы собрались возле кухни, Мейси их видела, но она и так запозднилась и не хотела волновать Фрэнки Доббса.

Выруливая с проселка, Мейси удивлялась тишине и безлюдью в деревне. Казалось бы, в такой славный вечер селяне должны тянуться к пабу, чтобы, сидя за кружкой пива, обсудить погоду, урожай, сбор хмеля. В эту пору жнут ячмень и вяжут снопы на щетинистых, опустошенных, залитых солнцем нивах, запасают сено, бродят узкими проселками, сравнивая прошлогодний урожай с нынешним. В эту пору ставят новое вино и сушат овощи на зиму, готовят ягодный пудинг, прячут его в холодную кладовку и ждут, чтобы черствая булка пропиталась ягодными соками. Но в Геронсдине, похоже, никто не радуется ни последнему теплу, ни обилию плодов, возможно, думала Мейси, благостный настрой селян сбили многочисленные чужаки.

Чужаки. Те самые цыгане, от которых Мейси возвращается. Старая Бьюла привела ее на поляну, усадила на бревно поближе к огню, сама села рядом. Собака устроилась у ног хозяйки, но не выпускала Мейси из поля зрения – стоило гостье шевельнуться, как собака поднимала морду. Имени у нее не было. Ее называли просто «джюклы» – по-цыгански это и значит «собака», «сука».

Мейси и Бьюла беседовали, склонив головы друг к другу, чтобы слова не были слышны посторонним. Каждую секунду Мейси чувствовала на себе пристальное внимание остальных членов табора и особенно парня по имени Вебб, сына Бьюлы. Вебб был высок ростом, синеглаз и длинноволос. Темный шатен, а не жгучий брюнет. Впрочем, у многих цыган в черных шевелюрах имеются каштановые пряди, попадаются даже рыжие цыгане, хотя подавляющее большинство щеголяет, подобно Пейши, жене Вебба, густыми угольно-черными кудрями. Несомненно, такие же были и у самой Бьюлы – пока не поседели. Такие же волосы и у Мейси. Одет Вебб был в поношенную рубаху и темные плисовые брюки, на шее – синий шарф. Широкополая шляпа бросала густую тень на его лицо, в ушах поблескивали серьги – правда, не такие крупные, как у Бьюлы или Пейши. Впрочем, крохотные сережки носила даже маленькая Бусал.

По осанке и походке Вебба Мейси сделала вывод о его возрасте – лет двадцать восемь, может, двадцать девять – чуть больше, чем ей самой. Лицо, с трудом различимое под шляпой, выдавало горький опыт долгой жизни. Жене Вебба было лет девятнадцать, от силы двадцать. Каждые несколько минут Вебб взглядывал на мать. Он делал это, наклоняясь над угольями со спичкой, волоча тяжеленный чугунный котел, в котором женщины собирались стряпать рагу из крольчатины с овощами, купленными в деревне, и лесными ароматными травами, опознавать и использовать которые умеет только цыган. Мейси давно научилась, не выказывая внешнего интереса, делать выводы о человеческом характере по поведению. Конечно, сидя на низком бревне, она не могла отзеркаливать Вебба, но эмоции, доминировавшие в нем, видела отлично. На парня давили гнев и страх. И то и другое было словно четкая маркировка на мешке, намертво прикрученном к Веббовой спине. В свою очередь, Бьюла знала, что гостья оценивает ее сына, – глаза старой цыганки сузились, когда она догадалась, что Мейси пришла к некоему заключению.

– Ты здесь из-за двоих мальчишек-гадже.

Это было утверждение, усиленное жестом руки – цыганка указала в сторону Лондона. Мейси кивнула:

– Да, в том числе из-за них.

– Мы тут ни при чем. – Бьюла отхлебнула чаю, зажмурилась, проглотила обжигающую жидкость.

– Как вы думаете, мальчики из Лондона виновны?

Бьюла уставилась на огонь.

– Не мне решать. У них свои дела, у нас – свои.

– Вашего сына видели возле дома, где произошло ограбление. Возможно, он что-нибудь заметил?

– Вот у него и спрашивай.

Бьюла кивком подозвала Вебба, который рубил дрова. Двое других цыган пилили деревья, повалившиеся еще зимой; такая древесина легко загорается, ведь она отлично высохла за лето.

– Хочешь – поговори с ним.

Вебб поднял глаза ровно в тот миг, когда мать поманила его.

– Румны – женщина – хочет с тобой потолковать, Вебб.

Не выпуская из рук топора, Вебб в несколько широких шагов очутился перед Мейси.

Интуиция заставила Мейси подняться на ноги (ростом она была почти с Вебба) и тем лишить его возможности доминирования. Что касается грозных взглядов, метать таковые Мейси и сама умела. С ее темно-синим оттенком радужки это было нетрудно.

– Мистер Вебб, по поручению родителей мальчиков, которых обвиняют в краже, я расследую вторжение в дом Сандермира. Против этих детей достаточно свидетельств, однако я знаю, что вы были на месте преступления и могли видеть, что там действительно происходило.

Вебб не шевельнулся, не тряхнул головой, не кивнул в подтверждение: дескать, да, я в курсе. Прежде чем открыть рот, он просмаковал в молчании все шестьдесят секунд одной бесконечной минуты. Мейси не отпускала его взгляд, но и не торопила с ответом.

Наконец, куснув губу, Вебб заговорил:

– Я ничего не видел. Просто шел мимо с собакой.

Выговор был не цыганский – никаких гортанных звуков, как у Бьюлы.

– Мой Вебб в школе учился, – прокомментировала Бьюла, словно прочитав мысли Мейси. – Умеет по-вашему говорить. И грамоту знает. Если надо какую бумажку сочинить – он первый человек, и прочесть любой документ может. Когда Вебб с нами, нас не проведешь. Так-то.

– Полезно иметь такого человека в таборе, не правда ли, тетушка Бьюла? – улыбнулась Мейси. – А как вы думаете, мистер Вебб, мальчики действительно виновны? Это они влезли в дом, украли серебро и попытались сбежать?

Вебб снова выдержал напряженную паузу.

– Эти ребята росли в Лондоне. Они не дураки, хоть и малы годами. Если бы они и вправду сделали то, в чем их обвиняет полиция, – они бы не попались. Любой мальчишка быстро бежит. Помню себя в их возрасте. Я был неуловим. Приходилось быть неуловимым.

Вебб отошел, установил полено на пень, размахнулся топором и с силой опустил его, одним ударом расколов полено в щепки. По лесу разнеслось гулкое эхо.

Бьюла тем временем попивала чай, упершись локтями в широко раздвинутые колени, и молча наблюдала за сыном. Наконец она обратилась к Мейси:

– Ты оттуда? – Она вновь движением подбородка указала в сторону Лондона.

– Да. Там я родилась и воспитывалась.

Старая цыганка скроила усмешку.

– Родилась – да. Но воспитывалась ты по-другому, девонька.

Мейси ничего не ответила. Она смотрела на огонь. Днем здесь была лишь горстка золы и несколько головешек; теперь пламя гудело, жадно пожирая поленья и хворост.

– Со стороны матери, да? – уточнила Бьюла.

Мейси кивнула.

– Но мать твоя сама не нашего племени.

– Моя бабушка – цыганка. Из речного народа. У ее родителей была лодка, и однажды они приплыли в Лондон. Дедушка служил матросом на лихтере. Он тогда был совсем зеленый паренек. И бабушка только-только простилась с детством. Он посватался к ней. Прадед долго не давал согласия, но в конце концов сдался. Речной народ говорил, брак долго не продержится – уж очень бабушка была своенравная. Но с дедом они ладно жили и умерли почти одновременно. Мне было всего восемь лет.

– А когда умерла их дочь?

– Мама умерла, когда мне было двенадцать, почти тринадцать.

Бьюла глотнула чаю, наклонилась потрепать собаку по холке.

– Приходи завтра, на закате. Будем чай пить.

* * *

По дороге к дому отца Мейси размышляла о том, как легко открылась перед цыганкой. Ей задавали прямые вопросы, без подвохов – так же она и отвечала. Приглашение на чай было на самом деле приказом. Завтра Мейси сможет задать больше вопросов, проникнуть глубже в суть вещей.

На въезде в Челстоун Мейси сбавила скорость и свернула влево, к особняку Комптонов. Еще один левый поворот на гравийную дорогу – и перед Мейси вырос отцовский домик. План действий на завтра был готов: утром она поедет в Мейдстоун, побеседует с адвокатом. Заодно заскочит в редакцию местной газеты, почитает в старых номерах все, что связано с Геронсдином. Потом наведается в Геронсдин, просто чтобы прогуляться по главной улице и уловить общий настрой селян, возможно, ей светят один-два намека на происхождение этого настроения. Придется ножками топать; в Лондоне это делал бы Билли. Не беда, даже интересно (и полезно) будет вновь ощутить себя стажеркой, только постигающей азы следовательской работы – как в добрые старые времена, с Морисом Бланшем.

Мейси черкнула пару строк в блокноте и лишь потом выбралась из «Эм-Джи». В данный момент ее больше всего занимало, почему Вебб так напряженно следил за усадьбой Сандермира, что для него значат дом и хозяин, что лежит в основе любопытства (если, конечно, «любопытство» – подходящее слово). Мейси отложила карандаш и блокнот, взяла рюкзак. Навстречу уже спешил отец, заранее раскинувший руки, чтобы обнять свою обожаемую девочку.

* * *

Позднее, после ужина из отварной солонины с морковью и картошкой, когда и посуда, и сковородка были вымыты, отец с дочерью устроились в маленькой гостиной с массивными потолочными балками.

– Скоро уже вечерок без огня не скоротаешь, да, дочка?

– Ой, пап, не прощайся с летом раньше времени. Зима и так всегда неожиданно приходит.

Фрэнки откинулся в кресле, закрыл глаза.

– Ты устал, да, папа?

– Нет, милая. Просто маму твою вспомнил. Это сколько будет в апреле, как она умерла, – двадцать один год, верно? А мне порой кажется, еще вчера она была с нами.

Мейси заерзала на стуле. Если задача Времени – утишать тоску по тем, кто покинул этот мир, – значит, Время безбожно халтурит. В отцовских глазах Мейси до сих пор ясно читает боль утраты. А прочтя, сама вспоминает Саймона, даром что обещала себе задвигать подальше все мысли о нем вплоть до воскресенья, на которое намечен визит в ричмондский военный госпиталь. Короткая отлучка из Кента в разгар расследования заодно позволит Мейси проанализировать материалы по делу, которое она мысленно называла «Комптоновским» – и которое успело выйти далеко за границы, Джеймсом Комптоном обозначенные. Кроме того, Мейси сможет присовокупить к делу обстоятельства кражи в доме Сандермира.

– Много работы, детка? А будет еще больше?

Фрэнки порой терялся в разговоре с дочерью, боялся проявить чрезмерное любопытство, задать вопрос, отвечать на который Мейси будет не вправе. Часто ему хотелось, чтобы Мейси вышла замуж, устроила свою жизнь по-человечески или нашла обычную, доступную его, Фрэнки, пониманию работу. С другой стороны, он любил в Мейси именно независимость и ужасно гордился успехами своей девочки.

– Летом все было как-то смутно, неопределенно. А теперь появилась достойная работа. Меня ангажировал Джеймс Комптон; для него я кое-что расследую в Геронсдине. Есть еще пара дел, так что в ближайшее время скучать не придется.

– Это не опасно?

Мейси рассмеялась:

– Нисколько не опасно, пап, не волнуйся. – Помедлив, она добавила: – Странное место этот Геронсдин. У меня ощущение, что в деревне все должно быть по-другому.

– Никогда там не бывал, в смысле, не задерживался. В такие деревни навешиваются либо к родне, либо проездом в другое место. А так там делать нечего. И ярмарок они не проводят.

– Ты прав, папа. Кстати, ты слыхал о Сандермире?

Фрэнки ответил не сразу:

– Слыхал – краем уха. Он вроде охоту любит. А еще говорили, будто имению теперь конец, раз Сандермир его унаследовал. У него, мол, все идеи какие-то, деньги швыряет на станки, которые в производстве кирпича и не нужны вовсе, да еще хороших клиентов отвалил – целых две строительных фирмы, из Лондона. Брат его – тот был толковый, совсем еще мальцом в делах разбирался.

Мейси вздохнула. Она было хотела спросить Фрэнки про лошадей, вверенных его заботам, но он заговорил снова:

– Правда, в войну деревня пострадала – ее чуть с землей не сровняли.

– Как это?

– Где тебе знать – ты тогда во Франции была. А на деревню случился налет. «Цеппелин» снаряд сбросил. Помню, эти мерзавцы к Лондону летели нарочно пониже – тренировались бомбить. В общем, насколько мне известно, тогда в Геронсдине погибли три человека. Правда, с самой войны об этом как-то помалкивают. Ну, будто вот случилось – и случилось, что тут обсуждать. Я еще удивлялся – вон какое событие, в деревнях ведь и пустяки годами мусолят. Наверно, им только и оставалось, что смириться. Перешагнуть и жить дальше. – Фрэнки покачал головой. – Сначала думали, «цеппелин» метит в кирпичный завод, может, летчику казалось, там какое-то крупное предприятие, – а вышло вон как. И с тех пор никто ни гугу на эту тему.

– Когда случилась трагедия?

– Не поручусь, что правильно помню, – только вроде как раз в сезон сбора хмеля. В сентябре шестнадцатого, значит. – Фрэнки поднял глаза к потолку, сам себе кивнул – Да, точно. За неделю до этого Лондон бомбили, дымище на мили был виден, а этот пожар, конечно, мелочью по сравнению с лондонским показался.

– Завтра поеду в Мейдстоун, попробую что-нибудь выяснить.

Фрэнки кивнул, и несколько минут отец и дочь провели в молчании.

– Вот какое дело, папа: я почти ничего не знаю про нану.

– Мамину маму? Старая Бекка была из тех, кого раз увидишь – не забудешь.

– По-моему, ты ее любил. Правда, я толком ничего не помню. Отдельные эпизоды, но зато какие яркие!

– Когда я впервые увидел твою будущую бабушку, у меня, веришь, душа в пятки ушла от страха. – Фрэнки заулыбался, устремил взгляд в воображаемую даль, словно хотел вытащить воспоминания из темного туннеля Времени. – Но старая Бекка любила твоего деда, а тот симпатизировал мне, так что пожениться нам с твоей мамой разрешили без скандала.

Фрэнки рассмеялся.

– Так и вижу: вот она, Бекка, стала, руки в боки, да нудит – то не так, это не этак. А дед твой знай улыбается, в глазах искорки. Дескать, продолжай, говори. Бекка была цыганкой, причем из речных цыган. Маму твою обожала, а в тебе просто души не чаяла. Когда ты совсем крошкой была, она называла тебя или Маленькая Бекка, или Бусал. Или еще как-нибудь ласково.

– Как ты думаешь, нана тосковала по своему народу – ну, после замужества?

– Ответ на этот вопрос – рождение твоей мамы. Впрочем, помню, однажды твой дедушка сказал: когда речные цыгане приближаются к шлюзу, у Бекки глаза так и горят. Она могла даже вскочить на лошадь и берегом, по бечевнику, следовать за цыганами до следующего шлюза. Потом, конечно, домой возвращалась.

– Их когда-нибудь обижали – ну, из-за бабушкиной национальности?

– Твоя мама рассказывала, что да, в них тыкали пальцами, даром что Бекка не носила цыганскую одежду. Она одевалась как все – ну, ты понимаешь. Только с сережками расстаться не могла. Когда твоя мама была маленькой, Бекка глаз с нее не спускала, чтоб не затравили. Конечно – смугленькая, чернявенькая. А уж мама, в свою очередь, за тебя боялась, когда ты в школу пошла. Волосы-то у моей девочки совсем цыганские. Зато мама проследила, чтоб выговор у тебя был как у леди. Знаешь, просто чудо, что тебя не дразнили.

– Еще бы не чудо. Но дело не только в правильном произношении. Я всегда умела найти нужный тон и вовремя вставить нужную фразу. Пожалуй, мама огорчилась бы, если бы услышала, как я общалась в школе. – Мейси помедлила. – Скажи, папа, – нана умерла старенькой?

Фрэнки качнул головой:

– Нет. В смысле, она, конечно, уже начала сдавать, но все-таки была куда крепче твоего деда. Он умер – и для Бекки словно смысл жизни пропал. А еще ее истощила тревога за твою маму. – Фрэнки взглянул на Мейси. – Она уже тогда была очень плоха. Старая Бекка говорила, она все это предвидела, с самого начала, – поэтому и не хотела, чтоб мы женились. Себя во всем винила: мол, зачем рожала в Лондоне, где дышать нечем из-за смога. Ты же знаешь – когда твой дед служил на лихтере, они с Беккой жили в Ротерхайте. Это уж после Бекка на своем настояла – дед устроился смотрителем шлюзов, они перебрались за город. Когда ты родилась, Бекка хотела и нас к себе в дом перетащить, чтобы твоя мама дышала свежим речным воздухом. Но мама не согласилась. Бекка и вбила себе в голову, будто виновата в болезни дочери. Конечно, маме твоей она этого не говорила, да только поклясться могу: Бекка знала, что ее дочь умрет совсем молодой. Знала прежде, чем врачи диагноз поставили.

Мейси беззвучно плакала – заодно и о Саймоне, даром что после встречи с Присциллой запретила себе думать о нем.

– Что случилось, детка? Что тебя гнетет?

Мейси прикусила губу, перебралась со стула к отцовскому креслу, села на пол.

– Папа, Саймон умирает.

Фрэнки обнял дочь, стал укачивать, как маленькую.

* * *

Они засиделись далеко за полночь. Говорили сначала о Саймоне, вот уже много лет находившемся на грани. Его смерти ждали с первых недель после ранения. Однако годы шли, а состояние Саймона не менялось – он завис между двумя мирами. И постепенно обе женщины – Маргарет Линч и Мейси – привыкли к этому. Потом Фрэнки спросил, намерена ли дочь навестить Мориса – тот сейчас в Дувр-хаусе, в Челстоуне. Мейси отрицательно покачала головой, и Фрэнки не стал развивать тему.

* * *

После завтрака, впрочем, он снова поднял вопрос, предварительно плюхнув дочери на тарелку глазунью из одного яйца, два ломтя бекона и румяный гренок – все с пылу с жару. Затем наполнил собственную тарелку, уселся напротив Мейси за тяжелый деревянный стол и разлил чай по чашкам.

– По-моему, доктор Бланш был бы рад тебя видеть.

Фрэнки говорил, не поднимая глаз – был занят нарезанием гренка и обмакиванием кусочков в яркий растекшийся желток.

– Сейчас мне некогда, папа.

Фрэнки отложил нож с вилкой.

– Мейси, я без обиняков скажу. Упрямство хорошо до поры до времени, если, конечно, знаешь, что права. А ты почти всегда права – этого не отнять. Что там у вас произошло с доктором Бланшем, я не в курсе...

– Пап, не надо...

Фрэнки взмахнул рукой.

– Послушай меня, детка. Послушай отца.

Мейси резала бекон; Фрэнки терпеливо ждал. Наконец она оставила нож в покое и приготовилась слушать.

– Вот что я тебе скажу, дочка. Когда много лет назад ты стала брать уроки у доктора Бланша, я был не в восторге. Конечно, я благодарен леди Роуэн за то, что она предоставила тебе такую возможность, но только...

Фрэнки замолк. Он не привык произносить длинные тирады, раскрывать душу.

– Честно говоря, я ревновал. Боялся, что этот доктор, ученый человек, станет для тебя важнее, чем я, родной отец. С тех пор как я служу в Челстоуне, я ближе узнал доктора Бланша. Помнишь мою травму? Он тогда проследил, чтоб за мной был хороший уход и все такое. И я понял: доктор Бланш к тебе со всем уважением. Он твои успехи ценит, дочка. Не знаю, из-за чего вы повздорили. Я человек необразованный, не тебе чета, да только я не дурак и кое о чем догадываюсь. Так вот. Может, доктор Бланш что-то от тебя и утаил – но не потому, что не доверяет тебе. Он просто хотел избавить тебя от проблем, защитить. Наверно, ошибся – так ведь не по злему умыслу. – Фрэнки снова взялся за нож и вилку. – Порой приходится даже и на попятную идти, Мейси. Помиришься с доктором Бланшем – а заодно и с самой собой. Зачем кукусься? Лучше быть друзьями.

Мейси вздохнула и принялась за еду.

– Я...

Тут она поняла, что собиралась в очередной раз оправдывать свои действия (или свое бездействие), и просто добавила:

– Ладно, папа, давай спокойно позавтракаем, иначе все остынет.

– И то правда. Я только хотел свое мнение высказать.

– Я рада, что ты это сделал. – Мейси подняла взгляд над тарелкой и поспешила сменить тему: – Сегодня попробую заночевать в Геронсдине – если, конечно, найду комнату. Надо провести там пару суток, проникнуться обстановкой. В пятницу к тебе приеду.

Фрэнки кивнул, встал из-за стола, поставил тарелку в тазик с водой. Вымыл руки, чмокнул Мейси в темечко.

– Ну, мне к лошадам пора. – С этими словами Фрэнки снял с гвоздя куртку. – Будь осторожна на проселках. По ним ездить – тоже сноровка нужна.

– Хорошо, папа.

* * *

Мейси долго сидела за столом. Наконец, вздохнув, взялась за мытье посуды, после чего собрала свои вещи. Еще не пробило семь утра, когда Мейси надела резиновые сапоги и вышла через заднюю дверь в сад. Длинный и узкий участок был засажен преимущественно овощами, однако по периметру, с трех сторон, росли розы. Собственно, Фрэнки Доббс и Морис Бланш сошлись на почве любви к розам. Их участки граничили между собой; конечно, усадьба Дувр-хаус, примыкавшая к владениям Комптонов, была куда внушительнее, чем клочок земли, выделенный челстоунскому конюху. Из-за особенностей рельефа вдобавок казалось, что Дувр-хаус свысока смотрит на домик Фрэнки Доббса.

Мейси пошла через сад, по росистой траве. Добралась до забора, стала смотреть на поля и лес. Слава богу, что папа еще в четырнадцатом году переехал в Челстоун, слава богу, что ему разрешено жить в этом домике до конца его дней. Мейси с ужасом думала об этом конце – больше родных у нее не было, а папе перевалило за семьдесят.

Она хотела уже повернуть к дому, но задержала взгляд на Дувр-хаусе. Видны была только крыша да стеклянная стена оранжереи, где Морис любил завтракать. Мейси представила: вот он берет еще горячую булочку (свежий хлеб – одна из его немногих слабостей), вот макает ее в крепкий кофе. Так Мейси стояла, вспоминая добрые старые времена, когда они с Морисом полушепотом обсуждали то или иное дело. Вдруг за оранжерейным стеклом мелькнула тень. Морис Бланш смотрел на Мейси, зажав под мышкой газету. Ладонь он козырьком приложил к глазам, защищаясь от резких лучей утреннего солнца, что вторглись в оранжерею. Затем помахал Мейси. Поразмыслив, Мейси помахала в ответ. Морис явно ждет, чтобы она открыла задвижку на калитке и прошла к нему по тропинке, через лужайку, через розарий. Наверное, уже и распорядился принести вторую чашку с блюдцем – вдруг Мейси согласится выпить кофе? Нет, она не пойдет ни в оранжерею, ни на попятную. По крайней мере, сегодня.

Глава 5

На въезде в Мейдстоун, увидев в ряду магазинов красную телефонную будку, Мейси заглушила мотор. В справочной ей быстро назвали адрес и номер телефона компании «Уайт, Берtrand и Спелтон». От немедленного соединения с компанией Мейси отказалась.

Она оставила «Эм-Джи» возле старой хлебной биржи. Офис на Хай-стрит обнаружился без труда. Предварительной договоренности о встрече у Мейси не было, немедленно попасть на прием к адвокату она не стала и пытаться – не хотела получить отказ. Вместо беседы с мистером Спелтоном, адвокатом мальчиков, Мейси пообщалась с секретарем мистера Спелтона и узнала, что мальчики отправлены пока в исправительную школу. Их обвиняют во взломе, порче имущества и воровстве. В лучшем случае они отделаются несколькими (от трех до шести) месяцами заключения, учитывая, что прежде не привлекались к ответственности. Впрочем, пострадавшая сторона категорически против таких мягких мер. Хорошо, что мальчикам нет еще шестнадцати лет, не то их упекли бы в колонию.

– Там бы они узнали, почем фунт лиха, – добавил секретарь.

Прежде чем уйти, Мейси задала еще несколько вопросов. По крайней мере, мальчиков не будут сечь – ни розгами по филейным частям, ни ремнем по ладоням. Хотя, конечно, и без телесных наказаний исправительная школа – далеко не рай. Впрочем, речь не о степени суровости наказания; Мейси должна просто предотвратить его, и все.

Она свернула на Уик-стрит, где располагалась редакция местной газеты. Здесь освещались все кентские новости, как важные, так и пустячные. Секретарша оказалась толковая: на просьбу Мейси поговорить с кем-нибудь из старых репортеров, работающих в редакции пятнадцать и более лет, девушка отвечала, что у них текучки нет, а значит, годится любой репортер.

– Лучше всего, мисс, вам будет встретиться с Битти. Она с самой войны работает, все знает, что в Кенте происходило. – Поколебавшись, секретарша добавила: – Все равно мужчины-репортеры сейчас в «Королевском гербе».

Поджидая хваленую Битти, Мейси листала газету. Отметила, что кражам из Сандермировой усадьбы отведено несколько дюймов соответствующей колонки. Имеется даже комментарий самого Альфреда Сандермира: «С начала войны мы страдаем от вторжений малолетних бандитов. Пора преподать им урок! Мало нам цыган – так еще и мальчишки безобразничают!» Далее следовал репортерский текст, затем снова включался Сандермир: «Я лично прослежу, чтобы малолетних негодяев судили по всей строгости закона. Пусть неповадно будет прочим преступникам!»

– Вы – мисс Доббс?

Мейси подняла взгляд и увидела женщину среднего роста, в деловом костюме-двойке из светло-серой тонкой шерсти и в белой блузке. Юбка-клинк с модными складками и черные туфли демонстрировали стремление к комфорту. «Наверное, за день редко когда присядет, – подумала Мейси про Битти. – Выбрала нейтральный серый цвет, чтобы потенциальный интервьюируемый не спешил составить о журналистке мнение».

– Да, очень приятно. Спасибо, что согласились встретиться со мной, мисс...

– Просто Битти. Мое имя Беатриса Драммонд, второе имя – Тереза. Вместо «Битти» я бы предпочла сокращение «Трисия», но «Т» в «Терезе» решило дело. Зовите меня Битти. – Она взглянула на часы в деревянном корпусе, более уместные в викторианской школе, чем в редакции газеты. – Может, выпьем кофе? Здесь недалеко, через дорогу. Пятнадцать минут выделю – а потом, извините, должна буду вас покинуть.

– Спасибо, только я, наверное, вас разочарую – новостей для газеты у меня нет.

Битти усмехнулась:

– Так уж и нет, мисс Доббс? Поверьте, я слежу за вашей деятельностью.

Мейси изобразила улыбку, хотя сообщение Битти отнюдь ее не порадовало. О ней редко писали газеты, и Мейси не стремилась к такого рода известности, даром что после каждого упоминания заказы проливались на нее золотым дождем. Ремарка Битти насторожила Мейси – с этой журналисткой надо будет держать ухо востро.

В открытые окна кофейни залетал освежающий ветерок, нашептывал: бабье лето в разгаре. Мейси заказала две чашечки кофе и две эклские слойки с изюмом. Битти тем временем заняла место за столиком у окна.

– Хорошо, что вы без блокнота.

Мейси решила говорить, что думает. Тут важно выбрать правильный способ подачи – в данном случае комментарий был сделан как бы походя, пока Мейси, придерживая поднос, расставляла на столике чашки и блюдца.

Битти взяла чашку, потянулась за слойкой.

– Битти, могу я начать вот с какого вопроса: как вы стали репортером?

Битти откусила изрядный кусок, расплылась в блаженной улыбке, рукой смахнула крошки с губ. Подняла палец: дескать, сейчас прожую и отвечу. Смачно проглотила.

– Я голодная, как сто волков. Все утро кручусь, даже чаю попить было некогда. – Она отхлебнула кофе, вернула чашку на блюдце. – В газету я пришла в шестнадцатом году. Мне тогда было шестнадцать. Почти всех ребят из типографии призвали в армию, а станок – он работать должен, вот и стали нанимать женщин. Конечно, в типографии заправляли те, кто для войны был староват, и скоро я доросла до наборщицы. Читать я всегда любила и пописывала тайком; вот и просила начальство перевести меня в репортеры. Надо мной откровенно смеялись. Я начала сама искать новости, строчила заметки, приходила с ними к редактору – а он, глядя мне в глаза, швырял мою писанину в мусорное ведро.

– Это несправедливо.

– Еще бы. Только я не из тех, кто сдается. Я претендовала на место помощницы литературного редактора – и получила таковое, может, отчасти потому, что многие сотрудники погибли на войне. Однако мои заметки по-прежнему стабильно отправлялись в мусорницу. Но вот однажды все наши репортеры-старички зависли в пабе, сами себе, по обыкновению, сократив рабочий день, а я раскопала историю о молодой женщине, которая совершила самоубийство, узнав, что ее муж погиб под Пашендалем. Опередила всех этих пивохлебов. Они еще ни сном ни духом, а у меня заметка готова. И вообразите, эту заметку не выбросили. Оказывается, о войне надо не в патриотическом ключе писать – тогда и печатать будут. А я как раз военной темы краем коснулась. Я просто написала про погибшего парня и его молоденькую жену.

– Таким образом, вы совершили прорыв.

– В известном смысле. Начальство решило, что мне удаются очерки, а у такого утверждения есть подтекст. Мне грозило до конца дней моих освещать выставки цветов и конкурсы на лучшее варенье, не говоря уже о блинных бегах. Но я через эту ступень перепрыгнула; я научилась вынюхивать настоящие события. Только знаете, что обидно? Когда статью сочиняет кто-нибудь из наших доморощенных корифеев, ее подписывают полным именем и фамилией. А когда я сочиняю – ограничиваются фамилией с инициалами: Б.Т. Драммонд. Никак не уяснят, что мир за последние десять лет изменился. В конце концов, какая разница, кем написана статья – мужчиной или женщиной? Главное, что ее напечатали.

– Я вас понимаю, Битти.

– Не сомневаюсь. – Битти жмурилась над чашкой кофе, сквозь ароматный парок глядела на Мейси. – Впрочем, вряд ли вы, мисс Доббс, приехали в Мейдстоун с целью послушать про мою жизнь. – Не отводя глаз от Мейси, она нащупала свою слойку.

– Меня интересует все, что связано с Геронсдином. Вы работаете в газете с самой войны, образно выражаясь, держите руку на пульсе графства Кент. Конечно, всюду никому не поспеть... – Дальше Мейси стала очень тщательно подбирать слова: – Но вот зачем я к вам обратилась – нет ли у вас, случайно, собственных соображений насчет этой деревни? Возможно, вам известны некие факты, возможно, для вас не являются тайной некие настроения, связанные с событиями, что имели место после, скажем, шестнадцатого года...

Битти коснулась языком указательного пальца, использовала его для сбора крошек с блюда, облизнула и лишь тогда отреагировала на вопрос Мейси:

– Вы ведете расследование, мисс Доббс?

– Да. Только пока никому ни слова.

Битти еще повозила пальцем по пустому блюду.

– Согласна. Но с одним условием: если история стоящая, мне – первые сведения. Пока дражайшие коллеги не пронюхали.

– Я смотрю, вы спите и видите, как бы продвинуться.

– Не столько продвинуться, сколько выдвинуться, мисс Доббс. В смысле, выдвинуться из этой дырищи. Хочу в Лондоне работать, в крупном издании, – а для этого мне нужна сенсация. Без нее никуда. Ну так что, обещаете сенсацию, мисс Доббс?

Мейси наклонила голову:

– Не уверена, Битти, что мои изыскания потянут на громкое дело, но клянусь держать вас в курсе.

Битти протянула руку, и женщины скрепили договоренность пожатием.

– Что требуется от меня?

– Во-первых, сказать наверняка: это у меня воображение разыгралось или действительно в Геронсдине что-то, гм, прогнило?

Журналистка надула щеки.

– Первый вопрос – и сразу «в яблочко». – Битти расправила плечи. – Вы самую суть уловили, мисс Доббс. Я, хоть мне это и претит, пишу заметки о каждой деревенской ярмарке и каждом празднике. Объездила все деревни Южного Кента. Совершенно с вами согласна: в Геронсдине другое... другой...

– Настрой?

– Верно. Другой настрой. Не знаю, как там у них раньше было, – я сама, кстати, местная, в Хедкорне родилась. Не знаю, в чем причина, только все приезжие утверждают, будто с шестнадцатого года Геронсдин сильно изменился.

– Это произошло после «цеппелина»?

– Похоже, у вас есть другой источник информации.

– Да – мой отец.

– Ну, тогда ладно. – Битти залпом допила кофе. – Судя по всему, именно атака «цеппелина» тем или иным образом изменила жизни геронсдинцев. Конечно, и другие населенные пункты перенесли много горя – где юноши погибли все в один день, где семьи осиротели, – но в Геронсдине все как-то иначе. Будь это не деревня, а человеческое существо, можно было бы ему посоветовать смириться, к врачу обратиться, что ли. Знаете, я там освещала один ежегодный праздник – так мне казалось, меня за следователя принимают. А я всего-то и спросила, кто испек бисквит Виктории⁴, который занял первое место в конкурсе.

– Есть соображения, откуда такая подозрительность?

Битти наморщила лоб, на несколько секунд устремила взор в окно, как бы оживляя в памяти каждую подробность деревенского праздника.

⁴ Любимое лакомство в целом аскетичной королевы Виктории. В отличие от простого бисквита, в тесто добавляется сливочное масло. Высокие, пышные коржи прослаивают клубничным джемом и взбитыми сливками.

– Вы правильно выразились – это именно подозрительность, – сказала она, снова повернувшись к Мейси. – Может, причина – в мелких кражах и хулиганстве. Последние лет десять какие-то злоумышленники просто одолевают Геронсдин. Вдобавок этот их землевладелец – держит себя барином, а в делах ни бум-бум. Если учесть, что деревня живет на доходы от кирпичного завода, картина получается мрачная. Честно говоря, я мечтаю написать репортаж о банкротстве этого субъекта.

– Про мелкие правонарушения мне известно. А скажите, что за человек этот Сандермир? Неужели деревня находится от него в такой сильной зависимости?

– Хороший вопрос. Только правильнее было бы вот как выразиться: какая степень зависимости деревни от себя любимого устроила бы Сандермира?

– Поясните, будьте добры.

– Сандермиру принадлежит земля. Следовательно, он обладает властью в отдельно взятой местности, притом огромной властью. Но вот какое дело: люди Сандермира на дух не выносят, однако очень стараются, фигурально выражаясь, не гладить его против шерсти. Буду с вами откровенна: тот факт, что Сандермир владеет кирпичным заводом, не объясняет покорности деревенских жителей. Честно говоря, мы, журналисты, давно уже отказались от попыток написать репортаж о правонарушениях в Геронсдине, особенно о пожарах. Все потому, что селяне не заявляют о них в полицию. Конечно, сам Сандермир полицейских вызывает, в том числе и по пустякам, что не нравится начальству в Танбридж-Уэллсе. Но он – единственный. Остальные сидят тихо, как мыши. Сандермир, кажется, очень угодил бы селянам, если бы относился к покражам в своем доме хотя бы с толикой их собственного стоицизма.

– Нельзя же оставлять преступления безнаказанными.

– А вот геронсдинцы оставляют. Почти всегда. Пожалуй, недавняя история с лондонскими мальчишками – исключение. И приятное разнообразие в журналистской работе. Публика подобные репортажи любит. Видите ли, каждый деревенский житель считает, что лондонцы хороши в Лондоне, и больше нигде. Правда, от них доход лавочникам и содержателям питейных заведений. И они, лондонцы, хоть и противные, а все же не цыгане. Цыган плох всегда и всюду, поэтому в нашей газете обязательно найдется местечко для отчета о том, как парень в синей униформе отловил бродягу или попрошайку.

Мейси взглянула на часы. То же самое сделала Битти Драммонд.

– Еще один вопрос, Битти. Вам известно, кто именно погиб при налете «цеппелина» на деревню?

Битти прищурилась, словно сквозь годы пыталась прочесть старую газетную статью.

– Если не ошибаюсь, погиб лавочник. Могу уточнить, специально для вас.

Мейси встала из-за столика:

– Не утруждайтесь. Я и сама найду информацию.

Битти рассмеялась:

– Это точно. Вы – найдете.

Они вышли на залитую солнцем улицу.

– Вот что я вам посоветую, мисс Доббс. Поговорите с владельцем гостиницы. Фред Йомен его зовут. Он щепетильностью не страдает, рад будет, если вы ему пиво проставите – все равно, полпинты светлого или полпинты темного. Тогда, глядишь, и вспомнит подробность-другую.

– Обязательно воспользуюсь вашим советом, Битти. Спасибо.

– Не забудьте: сенсация – моя.

Битти помахала рукой и пошла обратно в редакцию. Даже по походке чувствовалось: жизнь Битти отныне наполняет новый смысл. Прямо на ходу она достала блокнот и принялась делать записи. Мейси, видевшая это, ничуть не обеспокоилась. Идя к своему «Эм-Джи»,

она думала о том, что Б.Т. Драммонд не добилась бы откровенности от жителей графства Кент и не заняла бы соответствующее место в журналистской среде, если бы не была по-своему честным, дельным, добросовестным человеком.

* * *

До Геронсдина Мейси добралась уже после обеда, припарковалась напротив гостиницы. Еще не прозвучала просьба к посетителям сделать последний заказ; Мейси сообразила, что гостиничный бар целый день открыт для постояльцев, даже когда напитки не продают.

Мейси толкнула старинную дубовую дверь, нагнулась, чтобы не удариться о низкую притолоку, и вошла в небольшую уютную гостиную под вывеской «Только для постояльцев». Бар располагался таким образом, чтобы хозяину поспевать со всеми заказами – и от деревенских завсегдатаев, и от тех, кто живет в гостинице. Облокотившись о барную стойку, Мейси наблюдала, как хозяин, нагруженный кружками пива, семенит к группе игроков в дартс. Было шумно; сигаретный дым проникал в салон, расположенный между гостиной для «своих» и баром для всех остальных. Женщины, которые приходили в бар с мужчинами, обычно усаживались как раз в салоне. Вывеска за барной стойкой дублировала написанное у парадной двери: «Цыганам вход запрещен».

– Можно вас? – Мейси махнула хозяину, тот кивнул и улыбнулся: мол, вижу, сейчас подойду.

– Совсем закрутился. Извините, мисс, – выдал хозяин, вытирая полотенцем руки и косясь на безымянный палец Мейси. – Все, видите ли, торопятся сделать последний заказ. Чем могу служить?

– Я путешествую по Кенту и хотела бы остановиться у вас на пару ночей.

Фред Йомен полез в стол, извлек grossбух.

– Два номера свободны. Правда, у нас их всего-то четыре...

– Тогда я остаюсь.

– Милости просим. – Хозяин выхватил из-за уха карандаш, чудом там державшийся. – Отличное время выбрали для путешествия по Кенту, мисс. Вы из Лондона, верно?

– Да. Но и эта местность мне хорошо знакома.

– Вот здесь подпись поставьте, а здесь – домашний адрес.

Пока Мейси расписывалась, Фред Йомен продолжал разглагольствовать:

– Нынче многие молодые леди путешествуют сами по себе. Особенно с тех пор, как правительство понавешало всюду рекламы: дескать, езжайте в деревню, дышите воздухом. Пешие прогулки полезны для здоровья! Только девушки все больше группками попадают.

Обычно Мейси не спекулировала своим прошлым, но сейчас сочла его полезным инструментом:

– Знаете, во Франции, в войну, я такого насмотрелась, что в своей родной стране уж как-нибудь не стущуюсь. Да и чего бояться? Деревня у вас – просто игрушечка.

Хозяин кивнул, во взгляде появилась заинтересованность, которой не было прежде.

– Вы медсестрой служили?

– Да.

– Фред Йомен, к вашим услугам.

Не поднимая глаз над grossбухом, он протянул Мейси ключ.

– Лучший номер. Ступайте за мной, мисс Доббс.

Йомен хлопнул деревянной крышкой, выбрался из-за стойки, проследовал в гостиную для постояльцев и указал на дверь между камином и окном, набранным из небольших стек-

лянных ромбов. Отодвинул щеколду, распахнул дверь. Явилась узкая винтовая лестница. Верхнюю площадку заливал свет из слухового окна.

Йомен привел Мейси в комнату с окнами на задний двор.

– Кровать мягкая, удобная. По вечерам у нас шумновато – сборщики хмеля, бывает, раздухаются, – но к одиннадцати уже тишь да гладь. К нам не за выпивкой приходят, не той руки заведение наше – если вы понимаете, о чем я. Ну а раз напиться нельзя, так лондонцам и неинтересно. – Йомен держал ладонь на дверной ручке. – К восьми утра моя жена накрывает горячий завтрак в гостиной для постояльцев. Если желаете – ужин вам прямо в номер доставим. Можно и сэндвичи с собой упаковать.

– Спасибо, мистер Йомен. Я попозже чаю попью, так что к вечеру вряд ли проголодаюсь. А комната прелестная.

– Моя жена сама шила занавески и стеганое покрывало. – Он с гордостью оглядел комнату. – Уборная у нас возле лестницы, сразу направо. Никакой беготни в сортир среди ночи. Полотенце вам принести?

– У меня свое, спасибо, мистер Йомен.

Он отдал Мейси ключ.

– Для вас – Фред. Зовите меня просто Фредом, мисс.

– Спасибо, Фред.

Мейси улыбнулась. Йомен вышел из комнаты, бесшумно закрыв за собой дверь.

Комната была средних размеров, под ногами скрипел дощатый пол, застланный коврой дорожкой. Мейси подошла к окну. Еще у входа она примерно определила год постройки – тысяча триста пятидесятый. Типичный средневековый дом с единственной комнатой на первом этаже; центральное место в ней занимал очаг. Верхние этажи изначально представляли собой галерею, где обитатели спали чуть ли не вповалку. Мейси подозревала, что на отдельные комнатки галерею разделили веке примерно в семнадцатом, что же касается газового освещения и ватерклозетов, их добавили во время правления Эдварда Седьмого. Следующим номером шло электричество. Наверняка Фред Йомен подумывает о гостевой ванной, пока же все гигиенические процедуры приходится выполнять над умывальником.

Из окна открывался отличный вид на поля; вдалеке Мейси разглядела крышу Сандермирова особняка. Вытянула шею – и увидела хмельники и даже поезд, пыхтящий через Пэддок-вуд. Что ж, на пару ночей комната вполне сойдет. Мейси заперла за собой дверь, ключ положила в карман жакета. На выходе помахала Йомену. Она решила прогуляться по главной улице, посмотреть, послушать.

Слева от нее был всего один магазин – универсальный, из тех, где продается все – от муки до лампового масла, от сковородок до распашонок и ползунков. За магазином стояли в ряд несколько домов, далее располагался лужок. Вероятно, летом там играют в крикет, в солнечные июньские дни устраивают застолья. Мейси представила Битти Драммонд, шныряющую среди геронсдинцев, напрасно пытающуюся вытащить из них хоть одну маломальски интересную историю. Кстати, о геронсдинцах. Мейси огляделась. Погода отличная – так почему же на улице почти безлюдно? Вчера магазины рано закрылись, значит, сегодня они еще только открываются – владельцы как раз пообедали и выходят торговать.

* * *

Деревенская школа располагалась на окраине; приглушенные расстоянием, звонкие детские голоса, исполнявшие народную песню, сообщали о том, что идет урок музыки. Еще дальше по улице дымила трубой какая-то постройка, наверное, кузня. Приблизившись, Мейси увидела двух ломовых лошадей – их привели, чтобы подковать. Длинными хвостами лошади отгоняли мух с мощных круп, периодически кусали себя за бока, там, где их дони-

мали насекомые. Некоторое время Мейси смотрела на лошадей, потом продолжила путь, который лежал теперь мимо пустыря. Никаких следов дома, никаких признаков, что этой землей кто-то занимается – пашет, возделывает, использует как пастбище. Это странно, ведь сельские жители не привыкли разбрасываться земельными участками.

Мейси повернулась и пошла назад. Кузнец как раз показался из кузни, взял за повод жеребца.

– Извините, – сказала Мейси, воспользовавшись моментом. Проворонишь – и кузнец опять уйдет стучать по наковальне.

Он оттопырил ухо свободной рукой, огляделся.

– Я здесь, – подала голос Мейси и шагнула к нему, попутно погладив конскую шею. – Извините, что отвлекаю от работы.

– Что вам угодно?

Кузнец спросил не грубо, но и учтивости тоже не проявил.

– Я впервые в Геронсдине. Вот что странно – почему здесь пустует участок? Кто хозяин?

– Я хозяин. Земля не продается.

– Я и не собиралась ее покупать. Просто любопытно, почему вы ее не используете.

Кузнец тряхнул головой и стал смотреть в алый зев своего святилища.

– Земля с войны простаивает, с тех пор как мой сарай бомбили. Еще повезло, что кузня уцелела. Спасибо соседям – потушили вовремя пожар.

– Я вам очень сочувствую. Наверное, это было ужасно. Теперь будете строить новый сарай?

– Может, и буду – когда деньгами разживусь. А пока все так останется. Слушайте, мисс, мне работать пора.

С этими словами кузнец развернулся, причем так быстро, что, не отскочи Мейси в сторону, ее бы зашиб жеребец.

Несколько мгновений Мейси наблюдала, как кузнец ведет коня, как привязывает его к кольцу, встроенному в стену. Конь повернул крупную голову к Мейси, однако кузнец больше не говорил с ней и даже не смотрел в ее сторону. Мейси пересекла улицу и побрела обратно в деревню, мимо своего автомобиля, мимо гостиницы – к церкви.

В Геронсдине определенно погибли три человека, но кузнец, говоря про атаку «цеппелина», даже не упомянул об этой трагедии. Так размышляла Мейси, глядя на церковь и на старинное кладбище. Она старалась не смотреть на военный мемориал рядом с кладбищем, но потому подумала: люди, погибшие из-за «цеппелина», могут быть упомянуты среди тех, кто лишился жизни в период с четырнадцатого по восемнадцатый год. Со вздохом Мейси приблизилась к памятнику, скользнула взглядом по списку погибших, не желая будить воспоминания. Их только тронь – и они набросятся, жестокие, беспощадные, как мигрень, которую до сих пор вызывает у Мейси слишком яркий свет или слишком резкий звук. Нет, на памятнике не было трех искомых имен.

Мейси огляделась, сличила свои теперешние впечатления от пустыря с впечатлениями первыми. Перешла дорогу, чтобы подробнее осмотреть прямоугольник, заросший бурьяном, изолированный, отчужденный. Некоторое время Мейси стояла на зловещей границе, не в силах шагнуть вперед. Под сорной травой безошибочно угадывался фундамент дома, даром что на поверхности от него почти не осталось следов. Мейси закрыла глаза – и щеку ей задела струя холодного воздуха. Откуда взялся этот порыв солнечным сентябрьским днем? Утренняя роса давно успела высохнуть. Нет, не естественный даже для ласковой осени бриз, не намек на будущее ненастье заставил Мейси содрогнуться всем телом, не прохлада, но ощущение, будто темная тень, углубляясь в ее взбудораженное сознание, коснулась кожи ледяным пальцем. «Господи, что здесь произошло? Какое зло было содеяно?» Мейси попя-

тилась. Если бы в этот момент не раздался звук автомобильного клаксона, Мейси потеряла бы сознание прямо на дороге. А так ей удалось даже сохранить твердость поступи.

«Здесь они встретили смерть». Мейси нутром чувствовала: на этом месте концентрированная злоба оборвала три жизни, пропитала, отравила самую землю. Мейси трясло, однако она медлила, все глядела на пустырь, который оживляли только островки диких астр. Тут-то она снова вспомнила бабушку. Гуляя с отцом, маленькая Мейси нарвала для бабушки этих лиловых цветов. «Ах ты, моя деточка! Красавица моя, ангельчик! Принесла старой нане цветочки!» – умилялась бабушка. Сморщенной рукой в старческих пигментных пятнах она погладила Мейси по щеке, склонилась над букетом, стала вдыхать приторный запах. Дикие астры расцветают перед Михайловым днем; архангел Михаил славен тем, что победил Люцифера.

* * *

Мейси повернула к церкви, пошла по мощеной дорожке. Постепенно слабела хватка ледяных тисков. Задвижка была тугая, Мейси открывала ее обеими руками, зато, едва ступив в церковь, почувствовала огромное облегчение. Сладко пахло стариной и свежими цветами, что принесли деревенские женщины; кисло – отсыревшими молитвенниками и потертыми подушками. Впрочем, Мейси пришла сюда не за успокоением, какое дает храм. Нет, Мейси искала знака, что о троих погибших в результате атаки «цеппелина» помнят, что за них молятся. На стенах были начертаны имена первых жителей Геронсдина; поблескивали таблички, прославлявшие щедрость благотворителей. Возраст этих знаков исчислялся столетиями. Но три жертвы страшной из катастроф не удостоились даже упоминания. Мейси вышла на воздух, побрела по церковному двору. Здесь теснились надгробия, замшелые до такой степени, что едва можно было различить имена и даты. С одного края покоились военнопленные наполеоновских времен; им воздали должные почести, похоронили по-божески. Наконец Мейси заметила три небольших камня под тисом, на приличном расстоянии от остальных могил. Надгробия без художественных излишеств, шрифт самый простой. Три имени – одна семья: Джейкоб Мартин, Беттина Мартин, Анна Мартин. Даты жизни затянуты сорной травой, но можно прочесть – все трое погибли в сентябре шестнадцатого года. И цитата из Евангелия от Луки: «Прости им, ибо не ведают что творят».

Глава 6

С того дня, когда Мейси в последний раз видела Билли и его семью, сборщики хмеля переместились на новый хмельник. Старый был опустошен, на бурой земле валялись только жухлые хмелевые плети. Держа ладонь козырьком, Мейси шурилась на иссушенные акры глинозема, за которыми лежал едва початый хмельник. Подойдя ближе, она смогла различить, что лондонцы трудятся на одном его краю, в то время как цыгане заняли другой край.

Снова она окунулась в атмосферу деловитой внимательности и пошла навстречу Билли. Он сам, его жена, мать и сыновья ловко обрывали с липких плетей шишечки и складывали их в корзину. Работали молча; правда, Билли поднял взгляд, улыбнулся Мейси.

– Доброго утречка, мисс. Ну как, узнали что-нибудь про ребят Джорджа?

Когда Билли заговорил, Дорин демонстративно отвернулась от него. На приветствие Мейси она ответила скупой улыбкой – то есть сердилась не на начальницу своего мужа, а на него самого, притом сердилась изрядно.

– До выяснения обстоятельств мальчики содержатся в исправительной школе в пригороде Мейдстоуна. Им вменяются: кража ценных вещей из усадьбы Сандермира, причинение материального ущерба, взлом и вторжение на чужую территорию. Хорошо, что это их первое столкновение с законом – если, конечно, слово «хорошо» здесь уместно. Поскольку раньше Артур и Джо «не привлекались», в случае, если их признают виновными, срок будет от трех до шести месяцев.

Билли помрачнел, отставил корзину с хмелевыми шишечками.

– Я думал, вы их вызволите!

– Вызволю, Билли, только не так сразу. – Мейси вскинула руку. – Поймите: против Артура и Джо полно свидетельств, а мы, хоть и верим в невиновность мальчиков, должны еще ее доказать. Поиск доказательств требует времени. Пока поводов для паники нет. Наша задача – выяснить, что еще было похищено, и понять, кто совершил кражу.

Мейси взглянула на Дорин Бил. Собирая хмель, женщина кусала нижнюю губу; движения были резкие, отрывистые. Своих притихших сыновей она будто вовсе не замечала, равно как и свекровь, с которой всегда была в очень теплых отношениях. Супруги определенно поругались. Поводом скорее всего послужил пустяк, а там, слово за слово, разразилась и настоящая ссора, с обвинениями в преувеличенных грехах.

– Билли, мне бы надо поговорить с отцом мальчиков, желательно в вашем присутствии. Семья вас отпустит? – Мейси улыбнулась Дорин, та покосилась на мужа.

– Я его не держу, пускай идет, – выдала она, как ножом полоснула.

Билли проигнорировал замечание, передал корзину сыновьям и махнул Мейси – мол, ступайте за мной.

– Джордж – он вон где работает, мисс.

Едва они удалились на несколько ярдов, Мейси зашептала:

– Билли, это, конечно, не мое дело, но сознайтесь – Дорин на вас обиделась?

* * *

Они миновали последнюю группку работников и шли теперь по нетронутому хмельнику. Тяжелые от шишечек плети свешивались со шнуров, подобно ярко-зеленым гардинам. Никого не было вокруг, однако Билли ответил полусшепотом:

– Мне пришлось сказать свое веское слово, мисс. Ну, вы ж знаете – Дорин завела приятельские отношения с цыганами.

Мейси нахмурилась. Отлично понимая, что глупо вмешиваться в семейную ссору, она тем не менее заговорила, причем сама слышала раздражение в собственном голосе:

– Зачем вы препятствуете этим отношениям?

Билли даже остановился.

– И вы туда же? Сначала мать меня выбрала, теперь начальница осуждает!

В сердцах он сорвал и раздавил пальцами шишечку.

– Пока Дорин просто останавливалась поболтать с этой цыганкой, Пейши Вебб, у которой маленькая дочка, – я молчал. А напрягаться стал, когда заметил: Дорин нарочно подгадывает, чтобы с ней стакнуться. Цыганка за водой – а моя жена уж там, стоит поджидает. То же самое в других ситуациях. А людям-то глаза не завяжешь. Вмиг сообразят, что с моей Дорин неладное творится. – Билли тряхнул головой. – Я-то знаю, как ей важно помянуть малышку, хотя бы и цыганочку, а что люди подумают?

– То есть вас, Билли, волнует чужое мнение?

– А куда без него, мисс? Кое-кто говорит «плевать мне на людей», только в жизни это не очень получается. С людьми ладить надо, иначе пропадешь. Через пару недель сбор хмеля закончится, цыгане уедут в Уимблдон-коммон или еще куда. А я, мисс, сызмальства знаю почитай что всех, кто на нашем хмельнике работает. Мне с этими людьми жить. А теперь смекайте: Джорджевы ребята попались на краже, сам Джордж думает, это бродяги виноваты. А моя Дорин к цыганке в подружки навязывается. – Билли перевел дух. – У этого цыганья бог весть что на уме. Еще решат, будто Дорин дурного их девчонке желает. Они ведь и расправиться могут с моей женой. Об этом вы подумали?

Мейси вздохнула:

– Не надо, Билли, называть этих людей бродягами и цыганьем. Они ничуть не хуже вас. Цыгане иначе выглядят, иначе одеваются, иначе говорят, но у них свои принципы, свои законы и свои табу. По их стандартам, кстати, мы с вами проделываем порой совершенно неприемлемые вещи.

– Это какие же, мисс?

Мейси и Билли сами не заметили, что остановились и продолжают разговор посреди хмельника.

– Сейчас объясню. Скажите, Билли, у вас ведь наверняка имеется во времянке эмалированный таз? В нем вы купаете по вечерам ваших мальчиков, так?

– Ну да.

– А потом вы этот таз споласкиваете и моете в нем посуду. Я права?

– Где ж еще ее мыть?

– И в этом же самом тазу вы и одежду стираете.

– К чему вы клоните, мисс?

– К тому, Билли, что с точки зрения цыган вы совершаете неприемлемые действия. Сами цыгане имеют отдельные емкости для омовений, мытья посуды, стирки и прочего. И никогда эти емкости не путают. Ни один цыган не станет стирать в том же тазу, в котором взбивал пену для бритья.

Билли потупился.

– Допустим. И что с того?

– Вы что-то еще хотели сказать.

– Дорин слыхала, что одна цыганка, тетушка Бьюла ее звать, умеет предсказывать будущее, ворожить и все такое.

– Понимаю. – Мейси чуть успокоилась. – Продолжайте, Билли.

– Все это только лишними слезами закончится, мисс. Вряд ли старая Бьюла видит дальше, чем мы с вами, а Дорин незачем обольщаться насчет этого самого будущего. Знаю

я ее: сейчас начнет выпытывать у цыганки, родится ли у нас другая дочка, уедем ли мы в Канаду и вообще... сможем ли... ну, как это... смириться со смертью Лиззи.

– Дорин скорбит, Билли. Еще года не прошло, как Лиззи умерла; вы оба пережили сущий ад. Дорин хочет увидеть свет в конце туннеля, а гадание обнадежит ее, заставит поверить, что хорошее для вас с ней еще возможно.

– Да, конечно, мисс. Только я не хочу, чтобы моей жене мозги пудрили. – Билли засунул руки в карманы, подфутболил ком земли. – Вообще непонятно, с чего люди взяли, будто цыгане умеют предсказывать будущее! Что им такое известно, чего мы с вами не знаем?

Мейси махнула рукой в знак того, что пора идти к Джорджу.

– Вряд ли цыгане знают больше нашего, Билли, но разница все-таки есть. Цыгане живут на лоне природы. Они не обременены информацией, как мы с вами. Можете считать, что мои слова отдают мистицизмом, только мне известно: цыгане, пусть и бессознательно, склонны обращать внимание на мысли и чувства, предшествующие тому или иному событию. Мы так не делаем; пожалуй, напрасно. Напрасно мы так редко задействуем этот, как бы получше выразиться, мускул. В общем, вера в собственную интуицию сама же эту интуицию и развивает. А мы к себе не прислушиваемся – и вот результат.

Билли пожал плечами.

– Ну да, я точно не прислушиваюсь. А в вас, мисс, уж извините, есть что-то цыганское. – Помолчав, Билли добавил: – По-вашему, надо повиниться перед Дорин и позволить ей поступать, как она хочет?

– Не мне судить, Билли. – С полминуты Мейси подумала, затем продолжила: – И все-таки у меня есть пара соображений. Во-первых, вы с Дорин слишком много пережили вместе – нельзя допускать, чтобы эта размолвка выросла до размеров непробиваемой стены между вами. Во-вторых, вам бы не мешало поговорить по душам, обсудить, действительно ли гадание о будущем необходимо, действительно ли вы хотите знать, что вам уготовано.

Вдали показался Джордж, Мейси ему помахала.

– Подумайте, Билли, как было бы полезно для вас обоих решить, чего вы хотите и что нужно сделать, чтобы семейная лодка двигалась в нужном направлении.

– Еще бы не полезно. Только гораздо полезнее в таких случаях иметь деньги.

– Чтобы задействовать воображение, деньги не нужны, Билли.

– Зато они нужны, чтобы переехать в Канаду.

* * *

Джордж вздохнул с облегчением, когда Мейси сообщила, что сыновья его не в тюрьме; впрочем, мысль об исправительной школе явно точила его.

– То есть наша задача теперь – доказать, что мальчики невиновны, да?

– Не только. Где-то должны быть украденные ценности. Вопрос – где? – ответила Мейси и продолжала, глядя на Билли: – Обычно я не рвусь обыскивать пострадавший дом. Это занимает много времени, а усилия лучше направить в другое русло. Однако в данном случае, по-моему, обыск – лучше, чем ничего. Мальчики нашли серебро под каштаном, где собирали плоды. Предположим, что истинный вор, перелезая через ограду, обронил медальон и пресс-папье. Убегая, он мог обронить еще пару-тройку вещичек. Возможно, его следы, фигурально выражаясь, не остыли и по сию пору.

– Это навряд ли, мисс.

– У вас есть другие соображения?

Билли покачал головой.

– Отлично. Тогда вы с Джорджем пойдете искать следы вора. Но не сейчас, а как стемнеет. Начинайте от каштана, двигайтесь через дорогу. Может, вас и осенит, может, интуиция подскажет, в каком направлении скрылся вор.

– Лучше, чем сидеть сложа руки, верно, Джордж?

Джордж кивнул, даром что лицо его выражало сомнения.

– Что ж, вреда в том нету.

Мейси взглянула на часы.

– Я еще успеваю заглянуть к Альфреду Сандермиру. Надеюсь, удастся с ним поговорить. А потом у меня дружеский ужин. – Мейси, чуть помедлив, дала Билли совет: – Как на перепутье окажетесь, прислушайтесь к своим мыслям и ступайте в ту сторону, куда интуиция подскажет. Она, как правило, не ошибается.

– Хорошо, мисс.

Мейси попрощалась. Билли с Джорджем дождались, пока она отойдет на приличное расстояние.

– О чем это твоя начальница толковала, а, Билли? – мрачно спросил Джордж.

– Так, ни о чем. Пошли, работа не ждет. Еще часа два вкалывать.

* * *

Мейси выбралась с хмельника на проселок и дошла до своего «Эм-Джи», припаркованного возле фермы Дикона. Села за руль, завела мотор, выехала на дорогу, ведущую прямо к усадьбе.

Мейси очень сомневалась, что нынче Билли и Джорджу улыбнется удача; просто она хотела занять обоих мужчин, чтобы не путались под ногами.

* * *

– Мисс Доббс, сердечно рад вас видеть. Адвокаты виконта Комптона уведомили меня, что вы приедете. Правда, я не ждал вас так скоро.

Альфред Сандермир спустился по лестнице; протягивая Мейси руку, пошел ей навстречу. Пол в холле был выложен черно-белой плиткой. «Наверняка мы с Сандермиром – точь-в-точь шахматные фигуры, – думала Мейси. – Каждый вычисляет, какой ход сделает противник».

К удивлению Мейси, ее не провели в приемную, где она могла бы дожидаться хозяина. Нет, Сандермир очень быстро отреагировал на известие о ее появлении и поспешил спуститься со второго этажа, из своего кабинета, и лично приветствовать ее.

Он был одет так, будто только что вернулся с конной прогулки: бежевые брюки для верховой езды, полушерстяная рубашка, жилет, твидовый пиджак и шелковый платок на шее. Волосы примялись, а красноватая полоска на лбу свидетельствовала, что Сандермир надевал кепку. Сапоги коричневой кожи, явно вычищенные перед прогулкой, покрыты слоем пыли. Мейси невольно посочувствовала горничным. Нелегко убирать, когда хозяин ежедневно втаптывает грязь в ковровый ворс. Впрочем, едва ли аристократам свойственно задумываться от труде горничных. Интересно, Джеймс Комптон тоже не имеет привычки, войдя в дом, переобувать пыльные сапоги?

– Я остановилась в деревенской гостинице. Думаю пробыть здесь пару дней. Вот решила заехать к вам, хотя не слишком рассчитывала, что у вас найдется минутка. Вы проявили огромную любезность, согласившись принять меня.

Сандермир оглядел Мейси с ног до головы – так оценивают породистых лошадей.

– Предлагаю расположиться в гостиной. Эй, Мейсон! – кликнул он дворецкого. – Чай в гостиную!

Лаконичное распоряжение, без всяких там излишеств, вроде «пожалуйста» или «будь добр».

В гостиной, раздумывала Мейси, верно, все осталось по-старому, как при жизни родителей Сандермира. Похоже, с начала века здесь даже косметический ремонт не делали. Беспорядок, нагромождение мебели, потертый кожаный диван. Несколько кресел придвинуты к камину, который заслоняет вышитый гарусом экран. Шторы до пола, затхлые, из красного бархата, не дают насладиться отличным видом на фермы, рощи и деревню Геронсдин, как бы смещенную вправо. Кирпичный завод, фактически находящийся в поле зрения, нельзя разглядеть из-за деревьев. Должно быть, специально так устроено, думала Мейси, чтобы не оскорблять аристократический глаз столь вульгарным зрелищем.

Сандермир расселся на диване, спиной к подлокотнику, а ноги в пыльных сапогах расположил на столике. Без сомнения, именно на этот столик дворецкий водрузит поднос с чаем – больше просто некуда. Кивком и жестом Сандермир указал Мейси на кресло с протертой обивкой. Мейси опустила рядом с креслом черный портфель и уселась.

Она хотела заговорить, но тут вошел дворецкий, поставил поднос в непосредственной близости от хозяйских ног, налил чаю в две чашки. Мейси улыбнулась и намеренно отчетливо поблагодарила, Сандермир едва кивнул.

– Мистер Сандермир, прежде всего я бы хотела прояснить цель моего визита. Я здесь по поручению виконта Комптона, главы «Комптон корпорейшн», занимаюсь вопросами, связанными с приобретением вашего поместья, за вычетом, разумеется, дома и непосредственно прилегающей к нему земли. Я пришла вовсе не затем, чтобы обсуждать границы этой земли или такие детали, как, например, право прохода по ней.

Сандермир вскинул бровь, с весьма неэстетичным звуком отхлебнул чаю. Мейси напряглась, но продолжала говорить. Поведение Сандермира ее корбило; она всеми силами не давала неприязни перерасти в недоверие.

– Однако меня крайне интересуют случаи воровства, которые столь часто имеют место в ваших владениях, а также хулиганство и порча имущества на кирпичном заводе и в конюшнях. Счастье еще, что ваши лошади остались невредимы, мистер Сандермир.

Мейси заглянула в документы, вынутые из черного портфеля.

– Впрочем, полагаю, вы получили страховку.

– А как же. Без страховки, мисс Доббс, я бы не смог ни снова запустить кирпичный завод, ни укрыть от непогоды моих лошадок.

– А застрахованы вы в «Ллойдс».

– Именно так.

– Я слышала о краже, которую совершили в вашем доме на прошлой неделе.

– Чертовы лондонцы! Я понимаю, хмелеводам без них не управиться. Но сами подумайте: чего ожидать, когда по окрестностям разгуливают целые толпы уроженцев Ист-Энда? Просто удивительно, как они все из дому не вынесли. Ладно, по крайней мере, двух мерзавцев уже поймали.

– Какое, должно быть, облегчение для вас, мистер Сандермир! – Мейси выдержала паузу. – Две вещицы уже найдены – ведь воришек задержали на месте преступления. Впрочем, львиная доля похищенного канула неизвестно куда.

– Ох, не травите душу. Все фамильные реликвии пропали. То, что нашли у мальчишек, – обычные безделушки. Список ценностей уже в полиции и в страховой компании.

– Какая жалость, что эту утрату невозможно компенсировать простой выплатой страховочной суммы.

– Вы правы. Я несказанно огорчен.

Мейси снова взяла свою чашку, сделала глоток чаю. Затем, держа блюдце на ладони, еще раз поднесла чашку к губам, но пить не стала. Сделав все же второй глоток, она посмотрела Сандермиру прямо в глаза.

– Похоже, мистер Сандермир, вы стали объектом чьей-то мести. Позвольте спросить: у вас есть какие-нибудь соображения относительно того, кто устраивает пожары? Ограбление легче объяснить – как вы сами сказали, лондонцы в больших количествах вредны. Но вот что насчет пожаров? В последние годы Геронсдин поджигают регулярно. Как вы думаете, кражи как-то связаны с пожарами?

– Честно говоря, я считаю, у каждого пожара в деревне своя причина. Кто-то сковородку на плите забыл, кто-то с закладкой дров перестарался. У меня, кстати, лес постоянно воруют, но это так, к слову пришлось. Нет, деревенские пожары никак не связаны между собой. А касательно поджогов в моей усадьбе... – Сандермир подался вперед, сузил глаза. – Буду с вами откровенен, мисс Доббс. Все, что вы видите из окна, принадлежит мне. Мои далекие предки владели и самой деревней – каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок в Геронсдине был их собственностью. – Сандермир снова откинулся на подлокотник дивана и улыбнулся, но не отеческой улыбкой, о нет! Улыбка была надменная. – Конечно, феодализм давно канул в прошлое, но большинство жителей деревни имеют, через своих предков, тесную связь с усадьбой. Понимаете? Ни один из жалких домишек нельзя представить отдельно от усадьбы! За редким исключением, все геронсдинцы платят мне ренту.

– Понимаю. – Мейси поставила чашку, полистала свои бумаги, взглянула на Сандермира. – Вы хотите сказать, что пожары в усадьбе – это результат враждебности, которая зародилась в давние времена и дожила до наших дней. Дурная кровь, что текла в жилах предков ваших арендаторов, находит выход в тридцать первом году двадцатого века.

– Если вам угодно так выразиться.

– Считаете ли вы, что в случае продажи новым владельцам можно будет не опасаться воровства, поджогов, порчи имущества?

– Конечно. Как только мстители увидят результат своих действий – ведь кто-то же явно мстит за бог весть какую несправедливость, совершенную по отношению к давно почившему предку, – сама необходимость в дальнейшем мщении отпадет.

Мейси спрятала бумаги в портфель и поднялась.

– Благодарю вас, мистер Сандермир. Пока больше вопросов к вам не имею.

Сандермир тоже поднялся, сунул руки в карманы куртки, пошел проводить Мейси до двери.

– Полагаю, когда вы закончите отчет, поверенные виконта Комптона приступят к оформлению купчей.

– Я не посвящена в детали сделки, мистер Сандермир. Как я уже говорила, моя задача – составить непредвзятый отчет о землях, прилегающих к усадьбе, и о кирпичном заводе, собрать сведения о событиях, могущих навлечь проблемы на будущего владельца столь обширной территории и столь прибыльного предприятия.

– Очень хорошо, – наклонил голову Сандермир.

Явился дворецкий, чтобы сопроводить Мейси к выходу, и она попрощалась с Сандермиром. Уже на пороге она внезапно обернулась и позвала хозяина, который начал было подниматься по лестнице.

– Ах, мистер Сандермир! Чуть не забыла! Еще один вопрос, если позволите.

– Я вас слушаю.

– Просто любопытно – вы знали Мартинов? Джейкоба, Беттину и Анну?

Сандермир пожал плечами:

– Конечно, я слышал о них, мисс Доббс. Они погибли при бомбежке, во время войны. Меня тогда здесь не было, я на тот момент уже вернулся в школу.

И Сандермир продолжил подниматься по лестнице.

Мейси дошла до автомобиля, села за руль, хлопнула дверцей. Кусая себя за щеку, еще долго смотрела на Сандермиров дом, наконец завела мотор и выехала на главную дорогу. Она спешила к месту, которое не смогла разглядеть из окна гостиной. Выйдя из машины, Мейси зашагала к конюшне.

Рассчитанная на семь лошадей, конюшня встретила Мейси тишиной. Конюха нигде не было видно. Наверное, он в подсобке, натирает седельным мылом кожаную сбрую, подумала Мейси. Или готовит мешанку из отрубей. Мейси насчитала трех гунтеров и двух серых упряжных лошадей. Один гунтер лоснился от пота, от него пахло линиментом. Положив ладонь ему на бок, Мейси определила, что гунтер загнан до изнеможения. Конюх явно выгулял его, чтобы остудить, затем накрыл фланелевой попоной, набитой сеном, которое должно было впитать влагу, струившуюся с боков. Гунтер мигом нашел кусочек сахара в протянутой к его носу ладони, и, пока жевал, Мейси почесывала ему ухо и нашептывала: «Будь здесь конюхом Фрэнки Доббс, этот Сандермир не посмел бы так с тобой обращаться. Он быстро понял бы, кто настоящий хозяин!»

Потом Мейси пошла к стене, пострадавшей от пожара. Подсобка оказалась слева от нее. Конюха там не было. Огромную дыру затянули брезентом – и крышу, и стену еще предстояло чинить. Мейси подняла взгляд к стропилам, затем нагнулась к обугленным остаткам перегородки между стойлами. Нет, Мейси не была специалистом по пожарной экспертизе, однако сразу догадалась, что ей намеренно солгали.

Глава 7

Как и в первый раз при подъеме на холм, где лагерем стали цыгане, Мейси замедлила шаг, огляделась. На лугу сбились в группку лошади; со стороны моря плыли тучи. Нет, дождь не прогонит сборщиков с хмельника – они лишь накинута на головы брезент и продолжают работу.

Обывательские представления о цыганской карнавальной пестроте, о романтике ски-таний вдребезги разбивались о скопление кибиток – темных, как сама земля. Впрочем, эти сооружения отличали прочность и продуманность конструкции. Было почти пять вечера. В это время «в хороших домах» принято выпивать чашечку чая. У простых людей существует другой обычай – как следует поесть после трудового дня. В ожидании раннего ужина мужчины-цыгане – рома – подправляли колеса и латали брезент.

Мейси подошла ближе – и немедленно появилась ищейка, уселась, откинув хвост, вперила в гостью внимательный взгляд. Ветер дул Мейси в спину – значит, помог собаке скорее почувствовать чужой запах. Когда Мейси перешагнула границу, видимую только ищейке, та в два прыжка очутилась рядом с гостьей и, не издавая звуков, стала конвоировать Мейси к лагерю.

Закопченный котел висел над костром. Пейши и другая цыганка, Эстер, крошили в варево ароматные травы, собранные в полях, добавляли еще какие-то ингредиенты. С точки зрения Мейси, в Эстер было еще больше цыганского, чем в Пейши и Бьюле. Смуглое лицо обрамляли иссиня-черные волосы, откинута назад и прихваченные резными деревянными гребнями. Прическа создавала впечатление, будто Эстер носит мантилью. Из-под гребней пряди каскадом рассыпались по плечам. На обеих женщинах поверх сборчатых юбок были широкие белые передники. Мейси знала: передник носят не столько для защиты одежды от пятен, сколько в качестве барьера между женским телом и пищей в котле или кастрюле. По убеждению цыган, женщина, прижав к себе кастрюлю, оскверняет таким образом пищу, делает ее непригодной для употребления.

Бьюла сидела на своем любимом бревне. Мейси остановилась и стала ждать, пока ее заметят. Собака сунулась к хозяйке, ткнула мордой ей под локоть, и Бьюла обернулась, кивком пригласила Мейси садиться рядом. Ищейка устроилась подле Бьюлы и принялась сторожить.

– Садись, румны, – сказала старая цыганка. – Нынче джюклы добыла пару славных шоши. – Бьюла указала на котел. – Нынче досыта тебя накормим.

– Вот это было бы хорошо, – улыбнулась Мейси. Она не владела цыганским языком, но знала достаточно слов и поняла: собака промыслила пару кроликов. Мейси стала ждать, когда Бьюла снова к ней обратится.

– Значит, ты в большой дом ходила, сапу видала. – Старая цыганка махнула в сторону Сандермирова особняка.

«*Сап*» – по-цыгански «змея», – вспомнила Мейси.

– Да, это так.

– Зачем?

– Я знаю человека, который собирается купить эти земли. – Мейси обвела жестом окрестности. – Этот человек хочет, чтобы все было чоп.

То есть чтобы все было как полагается. Конечно, скрепляя сделку, стороны не ограничатся, по цыганскому обычаю, рукопожатием и честным словом. Нет, будут иметь место предложения и контрпредложения, понадобятся целые тома земельного права, написанные архаичным языком, акты и дополнительные соглашения – изобретения крючкотворов с

целью обезопасить обе стороны. Зато, если бы продавец и покупатель доверяли друг другу, Мейси лишилась бы работы.

Бьюла опустила руку в карман, извлекла деревяшку, взяла ее в рот и принялась жевать. Несколько секунд она молчала, затем выдала:

– Мурш – дылэно.

«Этот человек – дурак».

Бьюла бросила жевать, сунула деревяшку обратно в карман.

– Вы с ним сталкивались? – спросила Мейси.

В этот момент из лесу вышел Вебб с охапкой дров. Положил дрова у костра, кивнул своей жене, Пейши, затем Эстер. Женщины взяли по паре поленьев и сунули в костер, придерживая передники, чтобы их не опалило искрами.

Бьюла покачала головой:

– Я сама – нет. Только опосредованно.

Трудное это слово у нее вышло как «посредно»; она не сводила глаз с Вебба.

Мейси в очередной раз поймала на себе взгляд молодого цыгана. Вебб щурился от дыма, что летел в его сторону, гонимый ветром.

– Здравствуй, мистер Вебб, – чуть улыбнулась Мейси, надеясь, что ее сдержанная сердечность взломает ледяную корку, в которую, казалось, был закован сын Бьюлы.

Вебб в знак приветствия коснулся шляпы и пошел обратно в лес, за новой охапкой поленьев. Мейси сочла за лучшее подождать с вопросами до тех пор, пока цыгане поужинают и как следует обогреют у огня ноющие спины. Сама она совсем чуть-чуть поработала на хмельнике, но этого оказалось достаточно: руки и плечи как чужие, кожа саднит, особенно при мытье. Эти люди трудятся уже много дней, а после работы женщины вдобавок ходят за травами и кореньями, собирают цветы на продажу, делают лилии из цветной бумаги и носят их от дома к дому, а мужчины охотятся и мастерят деревянные вешалки.

Вскоре кроличье жаркое уже благоухало так, что у Мейси начало сосать под ложечкой и слюнки потекли. Женщины вынесли из кибиток эмалированные миски. Поодаль ребятишки ждали, когда же их умоют из специальных тазов. Подтягивались с хмельника мужчины.

Мейси прислушивалась к разговорам. Цыгане изъяснялись по-английски, но густо приправляли речь словами своего языка. По большей части темы были те же, что у лондонцев: особенности работы на разных хмельниках, нрав фермера, привычки учетчика, заработок. Говорили о вероятном дожде и радовались, что брезента достаточно. Бьюла пожаловалась на больной зуб: дескать, от него вся челюсть ноет; какой-то малыш повизгивал, пока мать оттирала ему локти горячей мокрой фланелью.

Пейши рассказывала Эстер, что гаджо-румны (женщина-нецыганка), которая прежде агукала над маленькой Бусал, нынче отвернулась, увидев ее возле колонки. Эстер уперла руки в боки, тряхнула волосами, сделала красноречивый жест и сообщила, что женщина ничуть не лучше остальных гадже и, пожалуй, сварила бы малышку заживо. Очень возможно, что она и не человек вовсе, а бэнг – дьявол в женском обличье. Мейси смотрела на пламя. Не открыть ли Пейши с Эстер истинную причину? Не рассказать ли, что Дорин тоскует по своей умершей дочке, что ей становится легче, когда она нянчит цыганочку, что теперь она опутана предубеждениями, ведь простые англичане не доверяют цыганам и подозревают их во всех грехах. Пожалуй, лучше помалкивать, решила Мейси, лучше не лезть с советами. В конце концов, табор тоже отравлен страхом.

Пейши подала Бьюле миску, полную кроличьего рагу, с куском хлеба на краешке. Старая цыганка указала на Мейси – дескать, и гостью нашу попотчуй. Пейши повиновалась. Аромат кушанья раздражил вкусовые рецепторы, Мейси улыбнулась.

– Спасибо, Пейши. Так вкусно пахнет!

Молодая цыганка ничего не сказала, лишь отреагировала на благодарность коротким кивком и продолжила раздавать рагу в эмалированных мисках. Мужчины получали на добрую треть больше, чем женщины.

Ели молча – все изрядно проголодались. Наконец миски опустели, а остатки из котла вынесли собакам. Правда, джюклы накормили первую – ведь это она добыла кроликов.

Мейси решила, что можно приступить к расспросам:

– Скажите, тетушка Бьюла, почему жители деревни такие напуганные?

Бьюла засмеялась – словно закудаhtала. Такой смех мог бы быть у сказочной «чеваханы» – ведьмы.

– Они собственной тени боятся. Все оглядываются – думают, за ними привидения по пятам ходят.

– Какие привидения? О чем вы?

Бьюла покачала головой:

– Те самые привидения, что каждого мучают. Призраки тех, кого мы обидели.

– В каждой деревне есть и обиженные, и обидчики, но такая тяжелая атмосфера – только в Геронсдине.

Бьюла вздохнула, а Мейси увидела, что сзади к матери подходит Вебб. Старая цыганка продолжала:

– Это дело давнее. Куда им, геронсдинцам, что-то менять!

Вебб наклонился к Бьюле, зашептал ей на ухо. Тем временем цыгане принесли из шатров скрипки и тамбурины, деревянные палочки и свистульки. Пейши появилась с футляром для скрипки, передала его Веббу. Мейси отметила, что остальные цыгане проявляют к своим музыкальным инструментам куда меньше пиетета, чем продемонстрировали Пейши и ее муж. Даже когда Вебб щелкнул замочком футляра и взял в руки скрипку, завернутую в линялый золотисто-желтый бархат, – он сделал это с благоговением, словно касался иконы.

Вебб поднес скрипку к уху, тронул струны, проверил, хорошо ли они натянуты. Прижал деревянный корпус подбородком, прислушался. Остальные цыгане тоже настраивали инструменты. Не обращая внимания на какофонию, Вебб закрыл глаза – и все исчезло, повседневность отступила, подобно отливу, остался лишь мягкий, нетронутый песок. Вебб открыл глаза и оглядел всю компанию. Цыгане замерли, когда он поднес смычок к струнам. В полной тишине ласкал Вебб струны, и от звуков, им извлекаемых, на глаза Мейси навернулись слезы. Вебб словно стал единым целым со своей скрипкой; в кленовом корпусе, покрытом красновато-золотистым лаком, отражались языки пламени. Костер разделял музыкантов и слушателей. Вебб играл грустную, заунывную мелодию. Мейси казалось, даже лес притих, не шелестит листьями, не хрустит сучками – слушает цыгана и его скрипку. Вот Вебб ускорил темп, стал притопывать в такт, качать головой, водя смычком по струнам. Вот поднял глаза на других скрипачей – и скорбный напев трансформировался в джигу. Цыгане вступили дружно, с энтузиазмом наяривали смычками, держались темы, заданной Веббом, – словно пилигримы, что следуют за вожатым по извилистой тропе.

Вышли с тамбуринами две цыганки, стали танцевать, едва касаясь земли. Дети ритмично стучали деревянными палочками, били камешками по жестянкам, и скоро табор почти в полном составе плясал под скрипку Вебба. Ни пауз, ни переговоров насчет очередной мелодии; Веббу достаточно было взглянуть на музыкантов, и те уже знали, что играть. Лишь Бьюла и Мейси по-прежнему сидели на бревне, и то Бьюла хлопала ладонями по коленям, а Мейси чувствовала, как импульсы земли, гудящей от пляски, проникают в душу. Буйная музыка снимала запреты, набухала страстью, славилась жизнью. Мейси начала притопывать и прихлопывать. Как ей хотелось слиться с табором в пляске, через каждую клеточку тела пропускать эти первобытные звуки! Как ей хотелось, по примеру цыган, жить только этими секундами!

Вебб взглянул жене в глаза, и та, не прерывая танца, направилась к Мейси. В зрачках Пейши отражалось пламя, она взяла Мейси за обе руки и потянула вверх, заставляя встать, присоединиться к цыганам. Мейси мотала головой, сопротивлялась – мол, танцевать не умею, лучше буду слушать и смотреть. Слова тонули в музыке. Цыганка крепко держала ее за руки, и Мейси запаниковала. Оглянулась на старую Бьюлу – и та жестом велела ей идти в круг. Мейси охватил ужас. Разве можно отдаться этим звукам, капитулировать перед напором цыганской пляски?

Пейши сильнее потянула Мейси за руки, и старания увенчались успехом. Раз оказавшись в кругу, выйти из него было уже нельзя – иначе цыгане обидятся. Оставалось отбросить робость. Земля пульсировала под ногами, дрожь проникала в тело снизу, стремилась к сердцу – и Мейси плясала свободно, ничем и никем не сдерживаемая. Ни изысканный фокстрот, ни свинг с его выверенными па так не исполняют; им не отдаются без остатка. А Мейси забыла обо всем. Темп изменился, но мелодия не прервалась; музыканты все играли, уже почти скрытые сумерками.

Наконец Бьюла подняла взор к звездам и сделала знак своему сыну. Лишь тогда прекратилось веселье. Мейси пора было уходить. Зная, что цыганам необходим отдых – завтра рано вставать, – Мейси не хотела, чтобы ей давали провожатых. Вести ее к автомобилю пришлось бы сразу двум цыганкам, ведь, по представлениям табора, женщина не должна оставаться наедине с мужчиной, если только он ей не муж. Также не должна цыганка ходить в одиночестве по ночному лесу. Улыбаясь, все еще тяжело дыша после пляски, Мейси поблагодарила за ужин и участие в вечерних развлечениях и собралась уходить. Бьюла свистнула джюклы, и та мигом оказалась рядом с Мейси. Вскинув руку в знак признательности, Мейси, в компании ищейки, пошла прочь от цыганского лагеря.

Путь лежал через луг, мокрый от росы (верный признак завтрашнего ливня). Собака бесшумно ступала по мягкой земле, то и дело тычась холодным носом Мейси в ладонь. Вскоре они добрались до автомобиля, и собака дождалась, пока Мейси откроет дверцу и сядет за руль.

– Иди домой, джюклы, иди домой! – Мейси махнула на луг, который они только что пересекли. Собака тотчас растворилась в ночи. Правда, вырвав на дорогу и оглянувшись, Мейси увидела два глаза, ярких, как хрустальные бусины. Собака ждала, пока гостья уедет.

* * *

Среди ночи Мейси очнулась от глубокого сна без сновидений. Веки были тяжелы, сердце ухало. Мейси не сразу поняла, где находится. Несколько секунд понадобилось, чтобы осознать: она в деревенской гостинице. Но что разбудило ее? Мейси села в постели. Сон слетел моментально. В комнате было темно, как в шахте. Мейси пригнулась. Дым. Отбросила одеяло, подбежала к окну – быть может, костровым дымом пропиталась одежда, отсюда и запах. Блузку Мейси вечером постирала и повесила сушить за окно; там же разместила и юбку, надеясь, что за ночь вещи проветрятся. Теперь она нашарила то и другое, понюхала. Намеки на дым сохранились в самой глубине волокон.

Тем временем резкий запах усиливался. Мейси увидела: что-то горит на заднем дворе гостиницы. И это не костер, манящий путников и контролируемый; это опасный пожар – результат намеренного поджога. Теперь уже было ясно: пылает угольный сарай, почти прилегающий к двум флигелям, в одном из которых хранятся бочонки с пивом. А прочь от сарая бежит человек – не разглядеть, мужчина или женщина, только отдалиться он успел на приличное расстояние, пересек обширный сад и вот-вот скроется на поле.

Не теряя ни секунды, Мейси схватила пеньюар и распахнула дверь.

– Горим! Пожар! Вставайте! Скорее вставайте! Горим!

Мейси бежала по коридору, колотя во все двери подряд, потом бросилась в ту часть здания, где, по ее предположениям, спал хозяин с семьей.

– Пожар! Фред, где вы? Гостиница горит!

За спиной слышались голоса. Ощупью Мейси добралась до лестницы, побежала вниз. Огонь, пылавший снаружи, освещал ей путь. Мейси ворвалась в кухню, оттуда – в буфетную. В раковине стояло большое ведро для мытья полов. Мейси повернула кран, бросилась искать еще ведра. Вскоре к ней присоединились Фред и его жена.

– Мэри, выводите людей на улицу! Всех прочь из дому! Подними тревогу!

Следующие двадцать минут прошли как в тумане. Мейси и Фред, к которым вскоре присоединились геронсдинцы, разбуженные набатным колоколом, бегали с ведрами туда-сюда, а когда собралось достаточно народу, начали передавать ведра по цепочке. Поначалу казалось, пожар не потушить; будто сам Локи, бог огня и коварства, пляшет среди людей, глумится – то вроде уступает натиску, то вновь велит пламени разгореться. Потом люди стали брать верх, и наконец обугленные, мокрые руины исторгли последнюю струйку дыма.

Над пепелищем, на том месте, где еще недавно были флигель и угольный сарай, стояли измученные, обессиленные геронсдинцы; среди них – Фред и Мейси. Мокрые головешки шипели и потрескивали; люди молчали, замерев.

Мейси знала: это первая реакция, очень скоро шок уступит место бурным эмоциям. И воспользовалась моментом. Взяв Фреда под локоть, Мейси произнесла:

– Нельзя этого так оставлять. Пусть сначала полиция все осмотрит, а потом мы будем наводить порядок.

– Вы нас спасли, мисс Доббс. – Фред оглядел пожарище, поднял глаза на основное здание гостиницы. – Если бы не вы, я бы все потерял, все, что имею. Я ваш должник.

– Вы бы тоже учуяли дым.

– При пожаре время слишком дорого. Каждая минута промедления означает лишний день на ремонт и уборку. – Фред куснул губу. – Не скромничайте, мисс Доббс. Мое имущество спасено благодаря вашему самообладанию. Теперь мне ребята помогут, а вы ступайте отдыхать. Мэри приготовит для вас горячую ванну. – Неожиданно Фред издал короткий смешок. – Моя жена сейчас топит печку, греет воду. Будете мимо проходить, скажите ей, чтобы не переборщила с поленьями.

Мейси подождала еще несколько секунд. Люди по-прежнему не двигались с мест и молчали.

– Фред, а почему вы не вызвали пожарных?

– Время терять не хотел. Им пришлось бы ехать из Пэддок-вуда.

– Но это же недалеко. У кого тут есть телефон? Необходимо осмотреть пожарище – вдруг остались очаги возгорания? А еще надо вызвать полицию, чтобы нашла поджигателя.

– Ступайте к Мэри, мисс. Дальше мы сами разберемся. Пожар – дело житейское. Я тут с вечера возился, светил себе углями из очага. Очень может быть, я и виноват – обронил уголек-другой. А ведь искры достаточно, особенно когда рядом угольный сарай. – Спина Фреда напряглась, голова втянулась в плечи. – Нет, я только себя виню. Надо быть осторожнее.

– А я вот видела, как из вашего сада, и дальше, полем, убежал какой-то человек.

Хозяин гостиницы покачал головой:

– В темноте вы толком не разглядели, мисс. Наверняка это была лисица. Она тут по ночам рыщет возле мусорных ящиков. Точно: это она, паршивка. А при этакой-то луне, – Фред ткнул черным пальцем в небо, – немудрено принять зверя за человека.

– Нет, не думаю...

– Вам надо отдохнуть, мисс. Мэри, наверное, уже и ванну для вас набрала. Мы вам очень благодарны, мы все. Но дела не ждут, к утру в гостинице должен быть порядок.

Мейси оглядела геронсдинцев, мужчин и женщин, которые прислушивались к разговору, и – делать нечего – направилась к черному входу в гостиницу. Нагнув голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, Мейси поневоле покосилась назад. Женщины расходились, но мужчины, наоборот, стали тесным кружком. Не сводя глаз с пепелища, с отвратительных мокрых головешек, они приглушенными голосами обсуждали пожар.

* * *

В комнате, смежной с кухней, стены были оклеены обоями с цветочным рисунком и обшиты белыми деревянными панелями. Там-то Мэри и приготовила для Мейси горячую ванну, положила на стул два белоснежных полотенца, еще пахнущих, после сушки во дворе, сладким сентябрьским ветерком. На комод Мэри оставила отутюженную фланелевую ночную сорочку и домашний халат. Перед тем как начать раздеваться, Мейси поймала собственное отражение в овальном зеркале, что висело, вероятно, на месте картины. Лицо как у трубочиста, волосы прилипли к щекам, глаза красные от дыма и жара. Пижама и пеньюар так пострадали от искр, что не подлежат починке. Со вздохом Мейси разделась, погрузилась в воду и протянула руку за куском зеленого хозяйственного мыла, что лежал на полотенцах.

Сарай подожгли специально, в этом нет никаких сомнений. Но вот почему Фред и слышать не хочет о человеке, которого Мейси заметила в темноте? Почему не вызвал пожарных? Набатный колокол наверняка разбудил жителей соседней деревни, дал понять, что в Геронсдине что-то стряслось. Почему оттуда никто не пришел на подмогу? В записях Джеймса Комптона сказано, что вот уже несколько лет Геронсдин страдает от пожаров; может, жители соседних деревень к этому привыкли, перестали обращать внимание на чужую беду? Или их помощь, раз предложенная, была отвергнута?

Об этом размышляла Мейси, смывая сажу и пот. Сокрушалась о поломанных ногтях и сбитых костяшках пальцев. Ох и пришлось ей побегать с полными ведрами, пока не подоспели деревенские жители! Из головы не шли эти люди, молчаливые, с серыми от пепла лицами. Мейси опустила веки, воспроизвела в памяти их поведение, а главное, выражение глаз. Геронсдинцы не удивились пожару, ни на мгновение не испытали шок. Другая эмоция охватила их, эмоция, с которой Мейси почти привыкла сталкиваться в Геронсдине. Страх. Но не только он. Кроме страха, были покорность и смирение. Казалось, эти люди ждали пожара, причем именно нынче.

Глава 8

Завтрак прошел в тишине. Остальные гости постарались разехаться пораньше. Желание убраться с места ночного происшествия оказалось сильнее любопытства. Мейси прекрасно понимала: люди напуганы общим настроением в деревне, природой «несчастливого случая» – хоть и не отдают себе отчета в причине страхов. Сама же она съела яичницу с беконом, приготовленную Мэри, и успокоилась только тогда, когда намазала конфитюром очередной гренок и налила себе очередную чашку чаю. А еще Мейси выжидала. Она хотела снова поговорить с Фредом Йоменом, измерить, если получится, глубину его молчания насчет поджогов. Фред возился в погребке, переставлял пивные бочонки, бурчал себе под нос, идя к барной стойке – готовился к открытию.

– Доброе утро, Фред! – крикнула Мейси.

Подбитые гвоздями башмаки затопали по плиточному полу в сторону гостиной для постояльцев.

– Доброе утро, мисс Доббс. А вы будто и не тушили ночью пожар – вон какая свежая, румяная. Видно, вам удалось выспаться, даром что ребята ведрами да швабрами громыхали.

Мейси промокнула уголки губ салфеткой.

– Горячая ванна творит чудеса, Фред, – сказала она, качнув головой. – Стоило мне лечь, я заснула, и спала как сурок. – Мейси выдержала паузу. – Большой ущерб, да?

– Могло быть хуже, если бы вы тревогу не подняли. Я не возьму с вас денег за постой, мисс Доббс.

Подумав несколько секунд, Мейси не стала противиться. Похоже, для хозяина гостиницы это единственный способ выразить ей благодарность не на словах, а на деле. Глупо отказываться от такого предложения.

– Спасибо, Фред, вы очень добры.

– Не за что, мисс Доббс.

Фред продолжал полировать фланелью дубовую барную стойку. За века воздействия пчелиного воска древесина приобрела роскошный красновато-коричневый оттенок и благородный блеск.

– Может, вам это и не понравится, Фред, а я все-таки скажу, – начала Мейси, беря заварочный чайник. – Допустим, эти пожары – просто череда случайностей, но тогда невезение посещает Геронсдин с подозрительной частотой. Кто-то мне говорил – не вы ли? – что в прошлом году сгорела оранжерея четы Смит.

Хозяин гостиницы пожал плечами.

– Не Смит, а Уайт, – поправил он. Зрачки расширились, взор затуманился, будто Фред смотрел на пламя пожара. – И не оранжерея, а обычная теплица. – Фред поднял глаза, стряхнул видение. – По-моему, у нас ничуть не больше возгораний, чем в других деревнях. Не понимаю, к чему об этом толковать.

– А мне вот известно, что последние примерно лет десять в Геронсдине что ни осень, то пожар, – сказала Мейси. Поднесла чашку к губам, но пить не стала. – А то и не один.

Фред облокотился о барную стойку, качнул головой:

– Об заклад биться готов – это все либо лондонцы, либо цыгане. Понаедут осенью и давай безобразничать. Я бы, мисс Доббс, на месте властей вообще запретил всякому цыганью появляться в порядочных деревнях. Лондонцев мы вынуждены пускать, даром что они от этих чумазных бродяг недалеко ушли. – Он помолчал, потер фланелькой барную стойку. – Впрочем, хоть я и не люблю цыган да лондонцев, а во вчерашнем пожаре я сам виноват. И прочие пожары тоже не на совести чужаков. И не так их много было, если разобраться, да и не каждый год случались.

Мейси поднялась из-за стола.

– Мне пора, а то опоздаю. Вы уверены, что не хотите взять с меня плату за постой?

– Совершенно уверен, мисс Доббс.

– Ну, спасибо вам, Фред. На следующей неделе опять приеду, у вас остановлюсь.

С улыбкой Мейси отворила дверь на лестницу – нужно было подняться в номер, забрать вещи.

На улице шел проливной дождь. Придерживая одной рукой воротник твидового жакета, а другой – шляпку, Мейси побежала к своему «Эм-Джи», припаркованному на противоположной стороне, забросила внутрь портфель. Подняла откидной верх автомобиля, торопливо уселась за руль. Как она и рассчитывала, хозяин гостиницы не понял, что Мейси неизвестно ни какую семью коснулся пожар в прошлом году, ни какая именно собственность пострадала от огня. Фамилию Смит она назвала как самую распространенную в деревне. Фред поправил Мейси чисто автоматически. Теперь осталось выяснить, где живет чета Уайт. Это ей кто-нибудь другой подскажет.

* * *

Но сначала нужно на хмельник, сообщить Билли, что Мейси едет в Мейдстоун, затем – в Челстоун и оттуда – в Лондон, а вернется во вторник. Необходимо навестить Саймона, а также задать несколько вопросов Джеймсу Комптону. Что-то тревожило Мейси в связи с Комптоном. По словам Джеймса, он прибег к услугам Мейси с целью убедиться, что продажа будет «чистая», а также с целью выяснить степень значимости правонарушений в Геронсдине. Понятно, почему уважаемая компания столь опасается запятнать свою репутацию сомнительной сделкой. Но вот какое соображение посетило Мейси: пожары, воровство и прочее могут существенно снизить цену земель Альфреда Сандермира. С одной стороны, Сандермир вынужден постоянно тратиться на ремонт и улаживать дела со страховщиками, с другой стороны, загадочные пожары и взломы сказываются на цене – «Комптон корпорейшн» может изрядно сэкономить, покупая у владельца с плохой финансовой репутацией, и потом выгодно перепродать землю.

Путь Мейси лежал мимо военного мемориала. Перед самым поворотом к ферме Дикона она заметила краем глаза нечто яркое, этакий цветной мазок. Мейси опустила окно и выглянула. Слева от нее был зловещий пустырь. Там, среди бурьяна, пятном выделялся букет. Мейси заглушила мотор, вышла из автомобиля, пересекла проселочную дорогу. Дождь, довольно теплый, но противный, давал почти стопроцентную влажность воздуха. Мейси казалось, руки у нее липкие от сырости. А вот от пустыря, как и в первый раз, повеяло могильным холодом. Мейси закрыла глаза и, по обыкновению, исполнила ритуал для самозащиты – вообразила себя в столбе ярко-белого света. Открыв глаза, она сделала глубокий вдох и шагнула на пустырь – будто в дом из ледяных кирпичей. Возле букета Мейси присела. Возможно, неизвестный оставил, кроме цветов, и какой-то знак, позволяющий определить его личность. Стебли успели размягчиться, лепестки отсырели – следовательно, георгины и хризантемы лежат здесь уже некоторое время. Пожалуй, с вечера. Ни записки, ни какой-либо вещицы рядом не было. Лишь удостоверившись в этом, Мейси поднялась и пошла по пустырю. Фундамент сохранился, бурьян скрывал остатки стены. Мейси раздвинула заросли, коснулась обугленных камней. Здесь бушевал огонь, огонь, уничтоживший целую семью.

Мейси хотела уже уходить, но вдруг заметила, что на пустыре она не одна. Трое ребятшек следили за ней, в округлившихся глазенках застыл страх. Два мальчугана в коротких штанишках на помочах, в бумазейных косоворотках не по росту, в поношенных шнурованных ботинках и кепи походили на маленьких старичков. Девочка была в цветастом

платишке и старых кожаных сандалетах, которые явно донашивала после старшей сестры. Белокурые волосы растрепались, будто девочка играла в лесу; несколько длинных локонов перехватывала на макушке лента.

Не успела Мейси шагнуть к дороге, как ребятишки с криком пустились наутек. Девочка сразу отстала, закричала тоненько:

– Подождите! Подождите меня! Это привидение! Это Пим пришел за нами! Пим пришел за нами!

Мейси улыбнулась и даже крикнула детям вслед:

– Не бойтесь, я человек, а не привидение!

Уже в автомобиле она пожалела, что дети не остановились. Интересно, кто такой этот Пим. Герой местного фольклора? Книжный персонаж вроде диккенсовских Скруджа и Мэг-вича? Страшилка, придуманная, чтобы отвести детей от пустыря, где они могут, играя с обломками, пораниться и заработать заражение крови? Или таинственный Пим – фигура поважнее?

* * *

Отыскать дом мистера и миссис Уайт оказалось несложно. Мейси сразу указали на особняк в георгианском стиле, с садом, куда можно было пройти прямо с главной улицы.

Мейси постучалась. Вышла экономка. Сообщила, что хозяев целый день не будет.

– Когда же они вернутся?

Экономка ответила не сразу:

– Я так думаю, мисс, что поздно вечером. Они на побережье поехали, воздухом подышать. – Экономка кивнула в сторону гостиницы. – Нынче ночью они, как пожар увидели, сразу бросились на подмогу, а утром миссис Уайт и говорит: нам, говорит, надобен свежий морской воздух, чтобы легкие проветрились.

– Это верно, морской воздух очень полезен. – Мейси скроила сочувственную мину. – Очень смелые у вас хозяева – не задумываясь побежали тушить чужой пожар. Это после того, что с ними в прошлом году случилось!

Экономка сложила руки на груди и подалась ближе к Мейси:

– Ваша правда, мисс. Господам здравого смысла не занимать и выдержки тоже. Они знают, что такое огонь. Вдобавок мы все привыкли держаться вместе.

– Это и понятно. – Мейси в свою очередь наклонила голову к экономке, как будто была с ней в сговоре. – А как случился пожар у мистера и миссис Уайт?

– По недосмотру, мисс. В теплице керосинку оставили – вечера холодные стояли, так чтобы посадки не померзли. А жалюзи-то и вспыхни. Так все и сгорело. То-то был огонь! Слава богу, хоть я со второго этажа заметила неладное.

– Ведь и люди могли пострадать. Кстати, тот пожар случился в сентябре – как и нынешний?

Экономка кивнула:

– Аккурат в это самое число, мисс. – Тут экономка начала пятиться в дом. – Ну, извиняйте – дела не ждут. Как господам передать – кто их спрашивал?

Мейси качнула головой:

– Не утруждайтесь. Я зайду в другой раз. – Она помедлила и шагнула к экономке. – Можно вас попросить, миссис...

– Марчант. Миссис Марчант.

– Так вот, миссис Марчант, вы же наверняка помните ту бомбежку. Ну, когда «цеппелин» прилетал.

Экономка поджала губы:

– Ужас что такое это было, мисс. Потому мы, геронсдинцы, забыть стараемся. Ничего страшней во всю жизнь не видала. А теперь мне пора. Прощайте.

И дверь перед Мейси закрылась.

«Аккурат в это самое число». Фраза вертелась в голове у Мейси, пока она шла к автомобилю. Усевшись за руль, она сделала пометку в блокноте: заехать к Битти Драммонд.

* * *

– Ни серебра, ни других ценностей мы не нашли, мисс, – отчитался Билли, отвлекшись от хмелевых шишечек. – И тропы свежей в лесу тоже нету. – Он постучал себя по виску. – Глядели в четыре глаза и мозги включили – а без толку.

– Не расстраивайтесь, Билли. Пока мальчишки в исправительной школе, им, по крайней мере, никто не причинит вреда. А что они невиновны, мы все равно докажем.

– Похоже, вы в этом уверены, мисс.

– Я не сказала «легко докажем».

Билли вздохнул:

– Вот невезение так невезение. Оба сейчас стажировку проходят. Вы же знаете, как нынче туго с работой. Конечно, ученикам меньше платят, чем опытным, и удивляться тут нечего, что у ребят преимущество перед взрослыми. И у женщин преимущество – им тоже меньше платят, а значит, и работать берут охотнее, чем мужчин.

– Не забывайте, Билли, что в стране хватает безработных женщин. Многие из них – солдатские вдовы, им детей кормить нужно.

– А я про что, мисс? Я же и говорю – что это за страна такая у нас? С голоду животы подводит, вдовы бедствуют, дети мрут – мест, видите ли, в больницах не хватает.

Мейси видела, что Билли разозлился не на шутку, что снова нахлынула боль от утраты маленькой Лиззи, а заодно и недовольство своей долей. Она хотела уже напомнить ему поговорку «Везде хорошо, где нас нет», но Билли ее опередил:

– А эти-то, бродяги-то? Откуда их нелегкая принесла? Понаехали и знай урожай собирают, фрукты да хмель! Нам из-за них работы не хватает!

– Наверняка, Билли, жители Кента то же самое думают о лондонцах.

Билли только хмыкнул и вернулся к своему занятию.

– Завтра поеду в Лондон. Я напала на кое-какие следы, так что успокойтесь. – Мейси собралась уходить, но вдруг положила руку на плечо своего ассистента. – Поберегите сердце. Его надорвать – как делать нечего.

* * *

Покинув хмельник, Мейси потянулась к своим старым медсестринским часам. Она всегда носила их на лацкане жакета или пальто. Не нащупав прохладного серебряного корпуса, Мейси поняла: часов при ней нет. Дыхание перехватило. Как она могла потерять прощальный подарок своей покровительницы? В шестнадцатом году, перед отъездом Мейси во Францию, леди Роуэн Комптон преподнесла ей часы. Механизм работал исправно, часы всего один раз побывали в ремонте. Мейси привыкла считать их своим талисманом, ведь они оставались при ней, даже когда Мейси была ранена во время бомбежки эвакуационного пункта. От того же самого снаряда пострадал Саймон, только осколки попали ему в мозг, а Мейси отделалась шрамами – на коже головы и на душе.

Она пошла обратно на хмельник, затем по собственным следам вернулась на ферму, обшарила каждый дюйм в местах, где покидала автомобиль. Она даже вернулась на пустырь. Часов нигде не было.

Наконец Мейси переступила порог гостиницы, и почти сразу до нее донеслись голоса из общего зала. Говорили на повышенных тонах.

– Ты что, обслуживать меня отказываешься?

Мейси сразу узнала этот голос. Он принадлежал Сандермиру.

– Я только сказал, что вы нынче достаточно употребили. Присаживайтесь, я вам чайку принесу.

– Сам пей свой чаек, а я хочу двойной виски. Или наливай по-хорошему, или я без тебя справлюсь.

– Послушайте, мистер Сандермир...

– Нет, это ты послушай, червяк! – У Сандермира явно язык заплетался. – Я здесь хозяин. Вся эта чертова деревня мне принадлежит. И я буду делать что захочу.

Последние слова сопровождались звоном разбитого стекла – Сандермир метнул в стену стакан.

– Давай носи виски! А плату с Уайта возьмешь!

Мейси слышала, как забулькал напиток. На пару секунд наступила тишина – этого времени Сандермиру хватило, чтобы осушить стакан. Он шарахнул пустым стаканом по барной стойке и пошел прочь, бросив:

– Так-то лучше. Мы должны вместе держаться. У нас тут, в Геронсдине, своя ма-а-аленькая, те-е-есная компания, верно? Пойду взгляну, как там твой сарай выгорел.

Мейси выждала несколько секунд, подошла к двери, открыла ее, с силой закрыла и крикнула:

– Добрый день! Есть кто-нибудь?

Тотчас появился Фред и поздоровался с Мейси. Руки у него тряслись, лицо было пепельно-серое. А еще Фред стискивал зубы и прятал покрасневшие глаза.

– А, мисс Доббс! Знаю, знаю, почему вы вернулись.

Фред нырнул под стойку регистрации, достал серебряные медсестринские часы.

– Слава богу! Спасибо, Фред! Эта вещь мне очень дорога. Здорово, что вы нашли мои часики.

– Они на столе в вашем номере лежали, мисс, там, где вы их и оставили. Мэри моя, как только их увидела, сразу говорит: ценная, важная это вещь, а не простые часы. – Фред встретил взгляд Мейси. – У вас с ними многое связано, да, мисс Доббс? Я видел дату на крышке.

Мейси кивнула, взяла часы и приколотла к лацкану жакета.

– Да. Часы были при мне, когда я работала во Франции, медсестрой на эвакуационном пункте.

– Вам немало повидать выпало, верно?

– Больше, чем мне бы хотелось. – Мейси помедлила. – Впрочем, пережить налет «цепелина» тоже никому не пожелаешь. Вас ведь по двадцать четыре часа в сутки обстреливали?

Хозяин гостиницы только вздохнул и головой покачал.

– Что с вами, Фред?

– Так, вспомнилось. – Еще вздох, взгляд Мейси в лицо. – Как вы после всего этого к ним относитесь? Я имею в виду, как вы относитесь к немцам?

– Мы их немало приняли на эвакуационном пункте. Помощь оказывали, когда требовалось. Бок о бок с нами работали два пленных немца-врача. Никогда не опаздывали, не отлынивали. Впрочем, как и наши врачи, взятые в плен немцами. Если ваше призвание – спасать человеческие жизни, оно всегда будет превалировать над жаждой мести. – Мейси пожала плечами, помолчала. – Вот что я вам скажу, Фред. Раненый солдат, какой бы национальности он ни был, всегда зовет в бреду свою мать, жену или невесту. Я держала за руки

умирающих юношей, и среди них были британцы, американцы, немцы. И в связи с этим говорить можно только о моем отношении к самой войне – но не к тем, кто воюет.

– А вот есть мнение, что скоро будет новая война. Даже до нас слухи доходят. Мол, и десяти лет не минет, как полыхнет.

– Никакие войны, Фред, не начинались бы, если бы это зависело от простых людей. – Мейси улыбнулась. – А сейчас мне пора. В Мейдстоун еду.

– Счастливого пути, мисс Доббс. Надеюсь увидеть вас на следующей неделе, как вы и обещали.

* * *

Из деревни Мейси уезжала с еще двумя детальками головоломки. Во-первых, мистер и миссис Уайт и не думали сегодня дышать свежим воздухом на побережье; они просто спрятались от Мейси. Во-вторых, теперь понятно, что Сандермир при манипулировании геронсдинцами использует некие очень действенные рычаги. Конечно, при феодализме (отголоски которого еще слышны во многих деревушках) Сандермир представлял бы собой типичного помещика. Выражение «всех в кулаке держать» казалось Мейси отлично подходящим к случаю; в таких способностях Сандермира она успела убедиться. Но было здесь что-то другое, более зловещее, чем обычное подчинение власти одного человека. Связь между Сандермиром и геронсдинцами явно не укладывалась в схему «хозяин – слуга». Мейси еще раз уловила шепот страха. Уж не оттого ли он происходит, что геронсдинцы и «феодал» повязаны общей правдой?

* * *

Мейси добралась до окраины Геронсдина, миновала рощу с густым подлеском – сучья на молодых деревьях были обрезаны и сложены в кучи, дожидались, пока их заберет фермер. Тут-то Мейси и увидела старую Бьюлу в сопровождении собаки, вечно ждущей подвоха. Бьюла осторожно ступала по делянке, где несколько дней назад орудовали топорами и пилами деревенские жители. Обеими руками, точно плуг, Бьюла держала ветку-рогатку. Мейси притормозила. Бьюла не могла ее видеть, зато собака вскинула морду, посмотрела в направлении автомобиля, затем пошла по следам своей хозяйки. Тем временем рогатка дернулась, ткнулась в землю. Цыганка остановилась, наклонилась, пошарила, сощутив глаза, среди опавших листьев. Когда она выпрямилась, в руке у нее блеснул какой-то предмет. Возможно, трехпенсовая монетка, а скорее, брелок. Цыганка отерла находку о юбку, стала рассматривать, держа в вытянутой руке. Затем спрятала в карман и пошла дальше со своей рогаткой, выискивая мелочь, оброненную лесорубом, когда тот доставал носовой платок или наклонялся за охапкой сучьев.

Понаблюдав за Бьюлой, Мейси поехала дальше. «Значит, Бьюла владеет древним искусством лозоходства». Впрочем, стоит ли удивляться? А навык полезный, ничего не скажешь.

* * *

Битти Драммонд прибежала сразу, как только ей позвонили из приемной.

– Я сегодня одна справляюсь. А что вы хотите – пятница, вторая половина дня. Мужчины разошлись. Знали бы вы, как мне нужна сенсация! Что, она уже при вас?

– Пока нет, Битти. Снова надеюсь на вашу помощь.

– То есть вы не можете сообщить ничего достойного статьи?

Мейси покачала головой:

– Терпение, Битти, терпение. Зато у меня вопрос к вам. Полагаю, вы сможете на него ответить, хотя вам, вероятно, придется справиться в своих записях. Я заметила, что вы постоянно ведете записи.

– Конечно.

– Вопрос касается пожаров в Геронсдине. Вы говорили, что на заметку они не тянут, тем более что геронсдинцы отпираются изо всех сил.

– Ну да, а что?

– Нет ли у вас случайно списка лиц, чье имущество пострадало от пожаров? Желательно еще и даты. Правда, я располагаю общими сведениями – но не датами.

Битти вскинула брови:

– Кое-что мне удалось разузнать. Это все равно что зубы рвать у коня – очень уж геронсдинцы скрытны. Но из даты и фамилии заметку не состряпаешь. Нужны такие ингредиенты, как соображения и подозрения. Наконец, слезоточивые подробности: как бабуля получила в подарок ценный пропавший сервиз, кто был изображен на портрете, сгоревшем дотла.

– Меня интересуют имена и даты. Информация от моего клиента недостаточно полная. Также постарайтесь выяснить как можно больше о семье, которая погибла при налете «цеппелина».

Битти кивнула, принялась строчить в блокноте.

– Что-нибудь еще?

– Пока все. То есть нет. Один вопрос: в деревне имеется викарий?

– Как раз тут я в курсе. Потому что сама в свое время этим вопросом задалась. Видите ли, Геронсдин больше не может позволить себе такую роскошь, как викарий. Епископат счел, что деревня слишком маленькая, ей положен только местоблюститель. По воскресеньям он проводит службу, совершает таинства крещения, венчания и отпевания. Не находите, что мне бы не мешало написать об англиканской церкви? А этот персонаж – местоблюститель – не способен быстро собрать паству, уж мне поверьте.

– Я так и думала. А давно он занимает свой пост?

Битти покачала головой:

– Нет, не очень давно. Старый викарий, преподобный Стэплс, несколько лет назад отошел от дел. Тогда-то и назначили этого юнца.

– А где теперь преподобный Стэплс?

– Могу выяснить.

– Сделайте одолжение.

– Сделаю, только при одном усло...

– Я помню, помню, – перебила Мейси. – Сенсация – ваша.

* * *

Мейси сидела у массивного дубового стола. Книжные полки в адвокатском кабинете стремились под самый потолок, адвокатский секретарь, с которым у Мейси уже был разговор, сегодня излагал ей обнадеживающие новости о судьбе Артура и Джо.

– Похоже, у полиции концы с концами не сходятся. Против мальчиков только два фактора. Первый – что они приезжие, второй – влияние Сандермира. Хотя правильнее будет сказать – бывшее влияние Сандермира.

– Вы говорите об Альфреде Сандермире?

– Да. Он загубил репутацию всего рода.

Мейси догадалась, что о Сандермире этому молодому человеку известно ненамного больше, чем Битти Драммонд или самому Джеймсу Комптону.

– Он из категории непутевых, да?

– Непутевых? Это мягко сказано. Никогда ангелом не был, даже в раннем детстве. Ну а теперь это просто какой-то ловкач, беспринципный человек. Похоже, он мысленно застрял в эпохе феодализма. Не понимает, что Англия уже не будет прежней.

– Что же смущает полицию в деле Артура и Джо?

– Нет доказательств, что мальчики проникли в дом. У них – в смысле, у полицейских – хватило соображения не размахивать конфискованными вещами, а снять у ребят отпечатки пальцев и сравнить с обнаруженными на серебре. Если повезет, мальчиков выпустят в двадцать четыре часа. Правда, им, пожалуй, придется пока остаться в Кенте – как-никак, вещи обнаружили у них, судья может задать вопрос типа: «Вы что же, думали, это манна небесная, а не чужое имущество?»

– В любом случае новость хорошая. Думаю, если ребят отпустят, Сандермир будет вне себя от досады.

Секретарь, сам еще почти мальчик, посмотрел на Мейси поверх очков со стеклами в форме полумесяцев. Явно выбирал сей аксессуар «для солидности».

– Скажем так: лично мне бы не хотелось оказаться в этот момент поблизости от Сандермира. О его норове дурная слава идет еще с тех пор, как он был ребенком.

– Могу я спросить – откуда вы столько знаете о Сандермире?

Секретарь улыбнулся:

– Я помню его по школе. Правда, он старше меня на несколько лет. Альфред Сандермир словно сошел со страниц романа «Школьные годы Тома Брауна»⁵; настоящий тиран, честное слово. Его регулярно выставляли за дверь – он третировал более слабых учеников. Несколько раз его отстраняли от занятий. Полагаю, хоть и не уверен – я сам тогда еще в школу не ходил, – так вот, имела место некрасивая история, когда Сандермир втянул в свои делишки одного мальчика из деревни. Разумеется, Сандермир-старший задействовал все связи, чтобы имя не запятнать. Все свалили на деревенского простачка, отправили беднягу в исправительную школу. Наверное, для колонии он был слишком мал.

Мейси прикусила губу:

– А в какой школе вы учились?

– В школе Святого Ансельма. Она небольшая, находится в Лондоне. Славится фундаментальной академической базой плюс так называемый упор на гуманитарные науки и гарантированное поступление в Оксфорд и Кембридж. – Секретарь помедлил. – Полагаю, вкупе эти характеристики призваны формировать характер.

– Почему же тогда в вашем голосе слышится оттенок сожаления?

Молодой человек покачал головой:

– Нет, все так и должно быть. Я лично старался не высовываться, чтобы не стать объектом травли. Ведь в закрытых школах без того не обходится. Интересно, в кого вырастают юные тираны? Впрочем, тут достаточно взглянуть на Сандермира.

С этими словами секретарь достал часы из жилетного кармана.

– Мисс Доббс, я понимаю, ваши вопросы вызваны искренним желанием помочь мальчикам. Однако мне не следовало давать столь развернутые ответы. Впрочем, все очень скоро появится в газетах, особенно если учесть, что поблизости рыщет Битти Драммонд. А теперь вынужден вас покинуть – дел невпроворот.

– Огромное вам спасибо.

⁵ Роман Томаса Хьюза (1823–1896) о частной английской школе первой половины XIX в.

Выйдя из офиса, Мейси раскрыла зонтик. Незачем возвращаться на ферму; рано выкладывать Джорджу новости насчет возможного освобождения мальчиков уже завтра утром – так и сглазить недолго. Сейчас лучше связаться с Присциллой. Сообщение, что Альфред Сандермир учился в той же школе, куда Присцилла определила своих детей, явилось для Мейси неожиданностью – но не обескуражило ее. Слишком много в Англии школ, куда поместное дворянство, коммерсанты, аристократы, дипломаты, а заодно и европейские монархи и азиатские правители любят посылать сыновей, но раз некто отдал предпочтение небольшой школе, тем проще будут дальнейшие поиски. Мейси не склонна была рассматривать факт как шокирующее совпадение – лишь как улыбку удачи.

Глава 9

Отца Мейси не застала дома, поэтому, бросив портфель в своей комнате и облачившись в поношенные вельветовые брюки, грубые ботинки, белую рубашку, знававшую лучшие дни, и прихватив проверенный временем кардиган вместе с зонтиком, вышла под дождь. В сентябре дожди еще не холодные, капли не колют лицо, как зимой. Фрэнки Доббс такие дождики называл очищающими, мол, они – последыши августовской сырости.

Фрэнки оказался там, где и ожидала найти его Мейси, – на конюшне, ставил в стойло кобылу с жеребенком. Кобыла так и льнула к Фрэнки, а жеребенок бежал следом за матерью. Мейси обожала смотреть, как отец работает, как уверенно мелькают его руки, безошибочно беря нужную щетку или узкий длинный обрывок бархата, чтобы до блеска отчистить забрызганную лошадиную шкуру. Лошади с готовностью подставляют ноги, а Фрэнки почти не приходится повышать голос – разве что какой-нибудь жеребенок не в меру расшалится. Более крутые меры не нужны – Фрэнки Доббс умирят баловника одним только выговором.

Дождавшись, когда кобыла окажется в стойле, Мейси окликнула отца и сама зашагала к нему.

– Папа, тебе помочь? – Она чмокнула щетинистую щеку, огляделась. – Шута еще не вернули. Джеймс Комптон катается.

Фрэнки качнул головой:

– Если только он хоть чуть в лошадях смыслит, должен приехать с минуты на минуту. Сейчас солнце рано садится, а Джеймс, видать, в своей Канаде про то позабыл.

Тут же послышался стук копыт по мощеной дорожке – словно кастаньеты в ход пустили.

– Легко на помине, – подмигнул Фрэнки.

Джеймс Комптон не забыл как следует остудить Шута – не в пример Сандермиру. Шут, высокий в холке гунтер с родословной, был особенно дорог Джеймсу Комптону. Он заботился об этом мерине и даже подумывал, не остаться ли в Англии на сезон охоты.

– Хорошо прогулялись, сэр? – спросил Фрэнки, беря поводья и по привычке щупая лошадиный нос, а затем кладя ладонь на круп, чтобы проверить, не переутомился ли Шут. – Отличный конек, сэр. Как он вам показался?

– По-моему, он из разряда неутомимых. Видимо, Доббс, вы его правильно кормите. С тех пор как я последний раз был в Челстоуне, Шут здорово окреп.

Джеймс спешился, достал из кармана кусочек сахара, на раскрытой ладони протянул Шуту.

– А, и вы здесь, Мейси. Не скажу, что удивлен. Вы ко мне приехали?

– Да, к вам.

Мейси выждала, пока Фрэнки поведет Шута в стойло.

– Не возражаете, мистер Комптон, если я немного помогу отцу? А потом мы с вами поговорим. Вы пока переоденетесь.

Джеймс опустил взгляд на куртку, ботинки и сапоги для верховой езды. Одежда была залепана засохшей грязью – дождь размочил кентские поля.

– Да, пожалуй. Приходите к семи. Уверен, матушка будет вам рада.

Мейси кивнула, и Джеймс зашагал через двор к особняку.

Фрэнки между тем обтер Шута влажной фланелькой, затем прошелся по конской шкуре щеткой и сухим полотенцем.

Мейси тоже взяла фланель и занялась другим боком Шута. Конь сунулся мордой к ее рукам, и она игриво шлепнула его по носу.

– Скажи, папа, тебе до сих пор странно видеть, что я вхожу в особняк через парадную дверь и пью с Комптонами чай в гостиной? – спросила Мейси.

Фрэнки только вздохнул:

– Твоя правда, дочка: это в голове как-то не укладывается. Не пойму, кто я такой есть в усадьбе. Сперва думаю, чем ты обязана Комптонам, после – чем они тебе обязаны. Ее милость очень тебя превозносит.

– А благодаря тебе ее гунтеры выжили в войну. Вдобавок ты столько полезных советов дал леди Роуэн насчет разведения скаковых лошадей – ну-ка, посчитай! Ты здесь даже не главный конюх – ты, папа, эксперт по скаковым лошадям. И леди Роуэн это отлично понимает.

Фрэнки поднял взгляд.

– А все ж мне это странно – как ты и сказала, дочка. По-моему, лучше, когда каждый свое место знает. И со мной всякий согласится, будь ты хоть трижды исключительная.

Мейси ничего не ответила. Через несколько секунд отец обхватил лошадиную шею и сказал:

– Ну вот, приятель, теперь я задам тебе овса. Ешь да отдыхай.

* * *

Фрэнки, по деревенской привычке, привык ужинать сразу по окончании дневных дел. Как и у цыган и сборщиков хмеля, на ужин полагалось мясо с овощами – сытная еда, призванная восполнить калории, израсходованные в течение дня. Поев вместе с отцом, Мейси пошла через лужайку к черному входу в особняк. Причин не воспользоваться парадной дверью не было, статус женщины с профессией и собственным бизнесом позволял Мейси войти как подобает. Однако она хотела пообщаться со старыми друзьями, взглянуть на место своей прежней работы. Конечно, тогда она была подростком, развитие которого можно направить в любую сторону, слепить любой характер. На поиски формы ушел не один год, но до сих пор Мейси казалось, она гнется, подобно отводку, ищет правду о том, какой именно сок струился под корой старого ствола, прежде чем тот выпустил новый побег.

Миссис Кроуфорд, прежняя кухарка, давно ушла на покой, зато Картер, дворецкий, как и во времена юности Мейси, занимал особое положение среди домашней прислуги. Впрочем, и Картер начал сдавать; видимо, скоро Комптонам придется подыскивать ему замену. Некогда безупречная выправка старшего сержанта была уж не та; плечи Картера поникли, точно под бременем, и отлично пошитый пиджак теперь висел на них, как на вешалке. Вдобавок Картеру приходилось прикладывать ладонь к уху – он стал плохо слышать. Леди Роуэн, конечно, притворяется, что не замечает этих печальных изменений. В свое время она могла спровоцировать спор на званом ужине с единственной целью – расшевелить гостей, но давно уже испытывала отвращение к переменам любого рода, предпочитая оставлять все как есть.

– Мейси Доббс! Какими судьбами? – Картер подошел к ней, взял за обе руки.

– Мистер Картер, как я рада вас видеть. Простите, что раньше не заглядывала. Я и с папой-то побыть не успеваю толком.

Картер покачал головой:

– Смотрю на вас – а вижу девчонку, из-за которой чуть места не лишился.

Последовало пояснение для новой кухарки, худощавой, не в пример миссис Кроуфорд, которая была пышной и уютной. Именно миссис Кроуфорд врачевала в душе Мейси пустоту, оставленную войной.

– Вообразите, голубушка, ее милость застукала эту девчонку в собственной библиотеке, в два часа ночи! Она там господские книжки читала! Впрочем, чтение, по всему видно, на пользу пошло – верно, Мейси?

Мейси рассмеялась, взглянула на часы.

– Еще несколько минут я свободна, а потом меня ждет мастер Джеймс. Так что, если чайник горячий, я бы выпила чашечку чая.

Старые слуги величали Джеймса Комптона «мастером». Причем с подачи его отца: Джеймс давно стал взрослым, но продолжал демонстрировать повадки юного баловня. Поэтому его милость объявил: оставаться Джеймсу в статусе «мастера» до дальнейших распоряжений. Мейси считала, что Джеймс Комптон действительно в отдельных случаях заслуживает обращения «мастер» – хотя он и был ранен на войне, и ведет дела отца в Канаде.

Кухарка сдержанно кивнула Картеру и отвернулась к плите. Тем временем в кухню подтягивалась остальная прислуга, чтобы поздороваться с Мейси. Когда чай был готов, Картер пригласил Мейси в «кабинет» – крохотную комнатку, смежную с его спальней. Туда уже принесли поднос, Мейси разлила чай по чашкам.

– Удивляюсь, каких вы успехов добились, Мейси, – начал дворецкий. – Наверное, следует называть вас «мисс Доббс».

– Ни в коем случае, мистер Картер! – Мейси протянула старику чашку с блюдцем, помедлила перед тем, как задать вопрос: – Скажите, мистер Картер, вам известно что-нибудь о деревне Геронсдин? Я понимаю, вы здесь уже много лет живете, но раньше, пока господа не перебрались в Кент, вы ведь бывали в деревне по несколько раз за год, не так ли?

– Вам, Мейси, лучше бы спросить миссис Кроуфорд. Ей деревенская жизнь знакома в подробностях. Я все время занят по части усадьбы и дома. Сами понимаете – всюду пригляд нужен, да за всем не уследить. А вот миссис Кроуфорд – та с деревенскими дело имела, потому что заказывала продукты для господ. Миссис Кроуфорд умела поставщиков выбирать – чтоб и цена пониже, и ответственность. А ежели ее милости вздумается премьер-министра на ужин пригласить, чтоб спор о политике затеять – а споры жаркие бывали, как сейчас помню: все кричат, каждый свою линию гнет, – в таких случаях миссис Кроуфорд чудеса творила по части деликатесов.

Мейси нахмурилась.

– Меня интересует сама деревня. Я думала, вам что-нибудь о ней известно, мистер Картер.

Дворецкий пожал плечами. Он, хоть и подался к Мейси, плохо расслышал ее слова и потому продолжал о своем:

– Что до хлеба, пирогов и пирожных, миссис Кроуфорд всегда покупала у мистера Мартина. Вот уж был непревзойденный пекарь. Помните, Мейси, какой он пирог сотворил, когда мы вас в Кембридж провожали? Это миссис Кроуфорд специально заказала. Сама признавалась: даже ей лучше не испечь. Да, мистер Мартин цены не завышал и с качеством ни разу не подвел.

– Вы говорите о Джейкобе Мартине?

– О нем. – Дворецкий помолчал, помешал ложечкой чай, к которому так и не притронулся. – А потом принесла нелегкая этот «цеппелин» – вы, Мейси, во Франции тогда были – и все Мартины погибли.

Картер поднес чашку к губам и сразу снова поставил на блюдце, заговорил прежде, чем Мейси успела задать вопрос:

– И надо же такому случиться – одновременно с родителями погиб и сын, только тот – во Франции. Но знаете что? Для парня это было даже лучше, да простит меня Господь за такие слова. Представьте: возвращается он в деревню – а там пепелище. Вот ужас так ужас.

– Значит, у них был сын?

Картер кивнул:

– Был, Мейси, был. Мистер Мартин частенько миссис Кроуфорд про своих деток рассказывал. Правда, сам я мало знаю.

Тут раздался стук в дверь, за которым последовало появление Джеймса Комптона собственной персоной.

– Простите, Картер, что вторгаюсь в ваши владения. Мне сообщили, мисс Доббс у вас. Мейси, я заказал телефонный разговор с Канадой на полвосьмого, так что давайте прямо сейчас побеседуем. Вы же знаете – Канада от нас по времени отстаёт, у них там разгар рабочего дня.

Мейси поднялась:

– Да, конечно, идемте. Большое спасибо за чай, мистер Картер. Было очень приятно с вами повидаться.

Выходя из подлестничных «владений» Картера, Мейси уловила воркотню новой кухарки:

– Вот этот дом так дом! Сперва бывшая прислуга является, которая теперь, видите ли, образованная стала и много о себе понимает. Так много, что прямиком в комнаты идет! А потом виконт самолично спускается в мою кухню за имбирным печеньем! Ни тебе «здрасьте», ни «пожалуйста»! Ему, понимаешь, миссис Кроуфорд завсегда печенье пекла! Ну а я не миссис Кроуфорд и такого обращения не потерплю. Раньше-то всяк сверчок знал свой шесток, а нынче?

Мейси рассмеялась, а Картер привычно приложил ладонь к уху:

– Что вы говорите, голубушка? Ась? Не слышу!

* * *

Мейси прошла за Джеймсом в библиотеку, не столь роскошную, как в лондонском особняке на Ибери-плейс, ныне запертом. Потолок здесь был ниже, сама комната – уютнее. Почти все книги перекочевали сюда с Ибери-плейс, из лондонской библиотеки Комптонов.

Джеймс указал Мейси на стул рядом с секретером красного дерева, а сам расположился у письменного стола, заваленного пухлыми папками.

– Извините за беспорядок, Мейси.

Джеймс обвел жестом кипу документов, присел, откинулся так, чтобы стул балансировал на двух задних ножках. Разговаривая с Мейси, Джеймс подался вперед, взял папку и снова занял нестабильное положение.

Это заинтересовало Мейси. Вероятно, Комптон-младший привык балансировать, любит ситуации, когда нужно добиваться ускользающей цели, или просто расположен к расшатыванию основ. Эти черты Мейси наблюдала ранее у бизнесменов и считала их родственными склонности биться об заклад, удовольствию от погони и возбуждению от сомнительных сделок. Люди такого склада не любят переговоров, проходящих без сучка без задоринки; для них вся соль – в риске.

Джеймс снова заговорил, перебив мысли Мейси:

– Мне нужно заключить сделку самое позднее через десять дней. Ну, Мейси, что вы там накопили? Излагайте. А потом я отвечу на ваши вопросы – у вас ведь имеются вопросы, не так ли?

Мейси рассказала, что знала, и сделала предположение: источник неприятностей где-то рядом, но в то же время скрыт от глаз. И добавила: она его отыщет, причем в отведенный ей срок.

– А вопросы к вам у меня действительно есть, – сказала Мейси.

– Я весь внимание.

Джеймс продолжал раскачиваться на стуле. Малейшая ошибка – и он рухнет либо назад, либо вперед, думала Мейси.

– Во-первых, я хочу спросить о страховке. Сандермир, конечно, застрахован в «Ллойдс». Но я сама видела его конюшню, и вот какое у меня сложилось впечатление: ремонт произведен кое-как, в нарушение требований страхового полиса. Вам об этом известно?

Джеймс ухватился за край стола, подтянулся и взял папку, после чего вновь занял сомнительную позицию на двух задних ножках стула.

– Когда наши землемеры прибыли в поместье, Сандермир уже получил разрешение страховщиков начать ремонт. Уложиться планировали в пару дней. То есть сейчас работы должны быть завершены.

– Я пока не добралась до кирпичного завода, – сказала Мейси. – Что касается конюшни, там практически ничего не сделано. Ограничились тем, что затащили дыры брезентом. К счастью, в последнее время погода в основном ясная – но ведь она непременно изменится к худшему.

Джеймс кивнул:

– Конюшня останется у Сандермира. Я уже очерчивал пределы собственности, которую мы приобретаем. Она начинается от сада, непосредственно прилегающего к особняку, и доходит до границ, обозначенных на карте. Разумеется, Сандермировы хозяйственные постройки нам не нужны.

– Полагаю, вам не нужна и неопределенность при заключении сделки. А она, эта неопределенность, может случиться, если останутся сомнения в том, что Сандермир вел дела со своими страховщиками добросовестно.

Джеймс взял ручку.

– Верно, Мейси!

– У меня к вам еще один вопрос. Он не имеет прямого касательства к нашему с вами делу, однако мне бы хотелось получить исчерпывающий ответ.

– Я вас слушаю.

– Мне вполне понятно ваше стремление провести чистую сделку. Но ведь об усадьбе, да и о деревне, идет дурная слава; разве это обстоятельство не позволяет вам сбить цену, даром что она и так не слишком высока? – Мейси наклонила голову. – Разве дурная слава не дает вам дополнительную власть?

Джеймс подался вперед на стуле, но все-таки не установил его на все четыре ножки.

– Вообще-то дает. Но мы не хотим власти такого рода.

Мейси расправила плечи, положила руки на колени, закинула ногу на ногу.

– Я не в этом смысле. Просто я и раньше выполняла работу для «Комптон корпорейшн» и понимаю, что честность является вашим девизом. И все же вы будете настаивать на снижении цены, не так ли?

Джеймс ответил не сразу.

– Конечно, будем. Я ведь бизнесмен. Мы не пойдем на конфликт, но воспользуемся возможностью пересмотреть условия контракта.

– Я так и думала, – произнесла Мейси.

– Так что вы хотели узнать? Вопрос касается сделки?

Мейси подалась вперед:

– В определенном смысле. Чтобы прийти к выводам, чтобы предоставить вам исчерпывающую информацию, я должна уяснить природу отношений между «Комптон корпорейшн», вашими представителями – и Сандермиром. Ибо ваши ответы, Джеймс, лишь заставили меня задаться новыми вопросами относительно действий Сандермира.

– Я вас не совсем понимаю.

Мейси вздохнула:

– Если использовать военную терминологию, Джеймс, я бы так выразилась: Сандер-мир вот-вот устроит самострел. Иными словами – займется членовредительством.

– Тем лучше для нас!

Мейси встала:

– Не в том случае, если вам нужна чистая сделка, о которой я от вас столько слышала. Вдобавок самострел произойдет в неудобное вам время.

Она протянула Джеймсу руку.

– Я на связи. Сейчас, пожалуй, поздновато свидетельствовать почтение леди Роуэн; вероятно, она с лордом Джулианом в гостиной, смакует херес. – Мейси шагнула вперед, положила ладонь на спинку Джеймсова стула. – Джеймс, вам необходимо соблюдать осторожность. Подобные колебания до добра не доводят. – Мейси улыбнулась. – Не стоит беспокоить Картера. Я сама помню, где выход.

* * *

В глубокой задумчивости Мейси направилась к отцовскому домику. Информация, сообщенная Картером о семье Мартин, возбудила ее интерес, не в последнюю очередь связанный с трагическим совпадением, которое случилось во время войны. Погибли все: трое – у себя дома, один – за морем. Да, пожалуй, для сына так лучше. Мейси представила, каково было бы ей самой вернуться из Франции, с ранением и душевной травмой – и обнаружить, что она теперь еще и круглая сирота. От одной только мысли глаза защипало от слез. Мейси побежала к дому и бросилась на шею отцу – тот как раз вышел за дровами.

– Мейси, детка, что стряслось? Почему ты плачешь? – бормотал Фрэнки, обнимая дочь. – Кто тебя обидел, ласточка моя?

– Никто, папа. Так, подумалось просто.

– А вот поменьше надо думать. Ты дома, так что не заморачивайся. Я, к примеру, никогда не заморачиваюсь. Пойдем-ка лучше, поможешь дрова нести. Ночи-то холодные стали, да и дождик бог весть откуда берется. Только что не было – и вот он, извольте радоваться. Пойдем. Согреешься у камина – и дурные мысли как рукой снимет.

Глава 10

Мейси оставалась в Челстоуне по субботу включительно, а ранним воскресным утром уехала, чтобы попасть в Ричмонд к одиннадцати. В это время в ричмондском реабилитационном центре, где Саймон находился с самой войны, начинались утренние посещения пациентов. С часу дня был перерыв. У Мейси будет один час на свидание с человеком, неспособным говорить с ней и даже понимать сказанное, не узнающим ее, не реагирующим на ее присутствие.

Как обычно, она припарковалась под древним дубом, что рос в конце гравийной дорожки. Перед главным корпусом дорожка делала поворот. Здесь, в бывшем частном особняке, содержались солдаты, матросы, летчики, потерявшие на войне разум. Большинство составляли пехотинцы. Что касается воинских званий, в госпитале преобладали офицеры, да и сам он действовал на средства состоятельных офицерских родственников.

Мейси прошла по гравийной дорожке, миновала лужайку, приблизилась к каменной стене, выходящей на Темзу. Особняк стоял на холме, откуда открывался панорамный вид. Мейси коснулась каменной кладки, закрыла глаза, стала делать глубокие вдохи. Успокоительные упражнения она освоила давно, умела и разум вывести из смятенного состояния, и набраться отваги, и устроить себе сеанс медитации. Сейчас Мейси пыталась усмирить мучительную мысль: еще совсем немного – и она лишится возможности видеть человека, которого любила даже тогда, когда жизнь покинула его разум. Мейси спрятала лицо в ладони. «Мы уже не те, мы оба. Молодость прошла». Почему же тогда она до сих пор видит Саймона почти мальчишкой, прямо из медколледжа; военврачом, в которого влюбилась, который разделял ее чувства? Много-много раз она садилась на стул у его койки, накрывала ладонью его руку и шептала: «Это я, Мейси. Я пришла тебя навестить», и наклонялась над Саймоном, и целовала его в лоб, в то самое место, где черепную коробку пробил осколок, навсегда лишив Мейси возлюбленного.

С Темзы дул ветер. Мейси отошла от стены, сделала очередной глубокий вдох и направилась к парадной двери.

– Доброе утро, мисс Доббс. Неважная сегодня погода, верно? Вот здесь распишитесь, пожалуйста. Сейчас вызову старшую сестру. Капитана Линча перевели в другое отделение.

Молоденькая регистраторша отчетливо проговаривала каждый звук, голосок у нее был мелодичный, помада насыщенного вишневого цвета, как всегда, гармонировала с лаком на длинных ногтях. Пока Мейси расписывалась в журнале для посетителей, девушка набирала телефонный номер.

– Похоже, я сегодня первая посетительница, – заметила Мейси, возвращая журнал.

– Да, мисс Доббс. Правда, матушка капитана приезжает почти каждый день.

Мейси обернулась, чтобы поздороваться со старшей медсестрой.

– Доброе утро, мисс Доббс. Следуйте за мной. Я отведу вас к капитану Линчу.

Они шли коридорами, где деревянные полы были натерты до блеска, а на жардиньерках красовались вазы с цветами. В обычных больницах запах человеческих выделений маскируют средствами дезинфекции и хлоркой; здесь не пахло ничем. Миновали оранжерею, где во время оно чинно прохаживались благородные леди. Мейси вспоминала свои прежние посещения. Она садилась рядом с Саймоном у фонтана или у открытого окна. Саймон, в бледно-голубой пижаме и темно-синем халате, с толстым клетчатым пледом на коленях, становился собеседником Мейси – безмолвным, безучастным. Она рассказывала о работе, уверенная в сохранении полной конфиденциальности, или об отце. Иногда, понизив голос, Мейси упоминала о мужчине, с которым ужинала или ходила в театр. И неизменно говорила о многих годах, в течение которых страхи и неопределенность, сопровождавшие собствен-

ное непростое выздоровление Мейси, удерживали ее от визитов в ричмондский реабилитационный центр. Причиной страхов был окопный шок. Подобно дремлющему дракону, он мог очнуться в любой момент, схватить Мейси за горло своими раскаленными челюстями, сокрушить ее физически посредством одних только воспоминаний.

Например, так случилось всего лишь год назад. В разгар очередного расследования дракон вдруг начал выходить из спячки, которой Мейси добилась постоянным самоконтролем. Ее затянуло в пучину; конечно, Мейси вынырнула, но многие месяцы находилась на узкой грани, рискуя снова сорваться. Постепенно к ней пришло понимание: чтобы контролировать дракона, нужно взглянуть ему в глаза; не прятаться от воспоминаний, а давать им волю. Лишь тогда Мейси освободится сама.

Саймон лежал в отдельной палате. Его дыхание было затруднено, в вену на локтевом сгибе посредством трубочки поступал физраствор. Когда Мейси училась на курсах медсестер, о таких приспособлениях еще слыхом не слыхивали. Война, выходит, простимулировала развитие медицины.

Медсестра взяла Саймона за правую руку – вялую, безжизненную, посчитала пульс, потрогала лоб пациента. Несколько секунд Саймон дышал нормально, затем последовал ряд судорожных вдохов и выдохов, после чего дыхание снова выровнялось.

– Буду с вами откровенна, мисс Доббс. Не представляю, за счет чего капитан продержался в этом мире столько лет. Возможности организма поистине удивительны, не так ли?

Мейси кивнула. Медсестра отошла от койки, и Мейси уселась на стул для посетителей, взяла Саймона за руку.

– Сегодня, мисс Доббс, вам можно побыть с капитаном не час, как обычно, а всего пятнадцать минут.

– Конечно. Я понимаю.

Медсестра уже открыла дверь, но Мейси окликнула ее:

– Извините... как вы думаете... сколько он еще сможет...

Выдержка изменила Мейси.

Медсестра пожала плечами, надула щеки.

– Честно говоря, мисс Доббс, на прошлой неделе мой ответ был бы «день, от силы два». Но вы видите – он пока с нами. Мне тяжело произносить эти слова, мисс Доббс... – Медсестра помедлила, поджала губы, качнула головой. – Теперь уже недолго. Я думаю, капитан дотянет максимум до субботы.

Мейси давно привыкла к подобной прямоте. Зная, что она тоже была медсестрой, в реабилитационном центре не пытались скрывать от нее правду. На любой вопрос Мейси получала честный ответ от младшего персонала, в то время как с родственниками пациентов на подобные темы говорили только врачи.

– Спасибо за откровенность.

Медсестра вернулась, положила руки Мейси на плечи. Мейси ответила тем, что стиснула на прощание дружескую ладонь.

Со вздохом она склонилась над Саймоном.

– Сегодня мы должны попрощаться, Саймон. На всякий случай. Я, наверное, буду далеко, когда... когда...

Мейси не закончила фразу, вперила взгляд в пару сцепленных рук.

* * *

Пятнадцать минут спустя она покинула стены госпиталя и поспешила сесть в автомобиль. Вцепилась в руль, опустила голову на руки, закрыла глаза.

Так она сидела несколько минут. Вдруг в автомобильное стекло резко постучали.

– Присцилла! Ты-то что здесь делаешь?

Мейси распахнула дверцу, выскочила, повисла у подруги на шее.

Присцилла обняла Мейси и почти сразу отстранила, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Родная моя, как тебе сейчас плохо. В смысле, нам всем плохо – всем, кто знал Саймона. Я-то его с детства помню. Но ты – ты его любила.

Мейси только головой покачала и нашарила платок в кармане плаща.

– Я в порядке, Прис. Но зачем приехала ты?

– Не за чем, а за кем. За тобой, конечно. Ты же навещаешь Саймона по воскресеньям, вот я и поймала такси. Видишь, я не ошиблась. Вот он, миниатюрный «Эм-Джи», а вот она – моя Мейси. Слушай, поехали в Ричмонд. Надо перекусить.

– А к Саймону ты разве не зайдешь?

– Нет, – качнула головой Присцилла. – Не могу, и все тут. Саймон, которого я знала, погиб в семнадцатом.

Присцилла обошла машину, уселась на пассажирское сиденье.

– Ну, поехали скорей. Мне и так в этом твоём спичечном коробке находиться – сущая пытка.

* * *

Следуя указаниям Присциллы, Мейси доехала до гостиницы у подножия холма, возле реки. Из гостиничного ресторана открывался отличный вид на воду. Официант провел подруг к столику на двоих. Столик помещался в уголке, предоставлял обзор сразу в двух направлениях.

– Мне, пожалуйста, джин с тоником. Джина побольше, тоника поменьше.

Делая заказ, Присцилла стягивала перчатки – методично, с каждого пальца по очереди.

– А мне имбирный эль, будьте добры, – сказала Мейси.

Подруги изучили меню, определились с едой. Каждая откинулась на спинку стула.

– Тебе нужно выпить, Мейси.

Мейси покачала головой:

– Ни в коем случае. Меньше всего я хочу топить горе в стакане.

– Алкоголь помогает снять напряжение.

– А мне, Прис, напряжение как раз необходимо.

Появился официант с напитками, Мейси сказала: «Благодарю». Присцилла дождалась, пока официант уйдет, достала из сумочки серебряный портсигар и зажигалку.

– Ну что, понервируем старых клуш?

– По-моему, сейчас курящая женщина уже никого не нервирует.

– А жаль.

– Как мальчишки? – спросила Мейси.

Присцилла закатила глаза:

– Меня вызвали в школу. Завтра пойду. Моих лягушат отчисляют.

– Опять драка?

– Да. Но самое скверное – мальчишки не хотят, чтобы мамочка с папочкой их выручали. Это у них считается трусостью.

– Все так серьезно?

– Судя по письмам, которые я получаю, все ужасно. Многие на моем месте скажут, это ерунда, потасовки укрепляют характер, нельзя менять школу из-за подобных мелочей – иначе мальчишки не смогут сопротивляться жизненным бурям. Но мы с Дугласом – правда, он все еще во Франции – считаем, у наших детей будет уйма шансов научиться мужеству. Пускай сначала вырастут. – Присцилла со вздохом покачала головой. – Не знаю, может, я

всему виной. На войне я помогала собирать трупы ребят всего несколькими годами старше Тимоти Питера. Наверное, поэтому не могу видеть, как мои мальчики дерутся; поэтому так бурно реагирую на каждую их ссaдину.

Присцилла выпустила колечко дыма и стряхнула пепел в хрустальную пепельницу.

– В смысле, когда они друг друга в детской мутузят, я не напрягаюсь. Но вот когда их третируют за непохожесть на остальных, картина меняется. Это ужасно жестоко – травить человека только потому, что он – иной. Правда ведь?

Мейси кивнула:

– Послушай, Присцилла, можно мне завтра поехать с тобой в школу?

– Зачем? Чтобы опосредованно почувствовать, каково быть матерью? Поверь, это не лучший способ.

– Нет, это нужно для моего расследования. Всех деталей я тебе открыть не могу, так что не проси и не обижайся. Мне бы хотелось задать пару вопросов об одном из прежних учеников. Дело довольно давнее, а вот если меня представит родительница – глядишь, директор благосклоннее будет.

Присцилла раздавила окурок в пепельнице. В этот момент официант подкатил сервировочный столик с серебряными колпаками на блюдах.

– Знаешь, в чем слабина твоего плана? Родительница, на которую ты возлагаешь надежды, того и гляди станет персоной нон грата. С другой стороны, – продолжала Присцилла, откинувшись на стуле, чтобы официанту было удобнее расставлять тарелки и приборы, – я могу сказать, что хочу сначала пообщаться с сыновьями, а уж потом – с директором. У тебя будет время на твои вопросы. Директора зовут доктор Коттингем, он руководит школой Святого Ансельма лет двадцать пять, не меньше. Пришел еще до войны, простым учителем. Определенно помнит всех мальчишек до единого, особенно трудных.

– Спасибо, Прис.

Мейси вторично поблагодарила официанта, а когда они с Присциллой остались одни, понизила голос:

– Не знаешь, миссис Линч поедет сегодня к Саймону?

– Наверняка поедет. Она сейчас старается бывать с ним почаще, хотя ей и трудно, с ее-то ревматизмом. Я уже говорила – она хочет тебя видеть. Может, после ленча съездишь снова в госпиталь? Попадешь на дневные приемные часы...

Мейси покачала головой:

– Нет, только не сегодня.

– Видишь ли, для Саймона «сегодня» не так уж много осталось.

– Знаю.

– Не тни с этим, ладно, Мейси? – Присцилла улыбнулась, сжала руку подруги, а потом взялась за нож с вилкой. – Давай есть, а то остынет. Кстати, я не против доехать до города на твоей машине. Я сейчас подыскиваю дом в Мейфэре.

Мейси принялась за еду. Думала она не о расследовании и не о будущем доме Присциллы, а о перспективе встречи с Маргарет Линч. Встречи, которой она так долго избегала.

* * *

После обеда Мейси повезла Присциллу сначала в Мейфэр, к поверенному по продаже недвижимости, который любезно согласился принять клиентку в выходной день – разумеется, с мыслями о вознаграждении за труды. Потом Мейси подбросила подругу в «Дорчестер» и поехала к себе в офис. За неимением других дел она, просмотрев почту, отправилась домой, в Пимлико. Некоторые документы она взяла с собой, в том числе карту, которую они

с Билли распечатали перед его отбытием в Кент. Поразмыслить над делом можно и дома, прикинула Мейси.

В нетопленной квартире было зябко. Мейси поймала себя на том, что скучает по Сандре, бывшей горничной Комптонов на Ибери-плейс, с которой несколько месяцев делила квадратные футы. Сандра нашла другую работу в Лондоне, когда леди Роуэн решила, что дом на Ибери-плейс не окупается и лучше его запереть до тех времен, когда Джеймс переберется из Канады в Англию. Большинство слуг вместе с Комптонами уехали в челстоунский особняк, но у Сандры свадьба была на носу, она искала временную квартирку, вот Мейси и предложила ей жить пока вместе. Несмотря на разницу в возрасте и образовании, Мейси нравилось общество Сандры; с ней квартира не казалась пустой. Теперь Сандра замужем, живет в однокомнатной квартирке без горячей воды, над гаражом, где работает ее муж.

Мейси положила портфель на обеденный стол, вместе с четырьмя стульями обнаруженный Сандрой на распродаже подержанной мебели. (Сандра, к слову, неплохо умела сбивать цену, шла ли речь о продуктах питания или об одежде.) Схему дела Мейси развернула на столе и придавила по углам книжками, вынула из портфеля цветные карандаши, прихваченные в офисе. Затем прошла в крохотную кухню, поставила чайник на огонь и лишь после этого сняла шляпку и плащ. И засела за работу.

По правде говоря, Мейси и сама смутно представляла, что ищет. Знакомая дрожь охватила ее, стоило ей приступить к делу. Мейси бросили вызов; перед ней, как всегда, множество тропинок, одна из которых может привести к разгадке. В данном случае – к ответу на вопрос: что же случилось в Геронсдине? Что скрыто от взгляда поверхностного наблюдателя? Кто стоит за кражами, взломами и поджогами? Мейси знала: подобно тому, как река имеет много притоков и один исток, каждая запутанная история непременно берет начало в некой точке, раскручивается с одного события или поступка. И где этот исток? Приступая к анализу информации, Мейси отдавала себе отчет: торная тропа далеко не всегда оказывается верной. Собственные наблюдения Мейси, предвзятые представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, а также предубеждения – все это может изменить восприятие или затуманить взор.

Мейси рано легла в постель. Некоторое время она, вытянувшись под одеялом, слушала тишину пустой квартиры, наконец заснула. Но сразу после полуночи затрезвонил звонок у входной двери. словно кошка, разбуженная опасным врагом, Мейси вскочила, бросилась к выходу, спросонок путаясь в рукавах пеньюара. Не запирая квартиры, ощупью пробралась к стеклянной двери на первом этаже, вжалась в стену, скосила глаза. Кого это принесла нелегкая? На крыльце стояла Присцилла.

Мейси отомкнула замок.

– Что стряслось, Прис?

Мейси спрашивала, уже зная ответ, и от этого у нее противно заныло под ложечкой.

– Скорей одевайся, Мейси, нельзя терять ни минуты. Я взяла такси. Мы едем в Ричмонд.

Пока Мейси торопливо надевала юбку, белую блузку и теплый твидовый жакет, а также коричневые туфли на низком каблуке, Присцилла продолжала говорить:

– Мне позвонила Маргарет Линч. В госпитале считают, Саймон не дотянет до утра.

Мейси молча кивала. Слезы щипали ей глаза. Ничего не оставалось делать – только ехать с Присциллой. Она потом подумает, потом, утром, когда все будет позади. Когда все наконец будет позади.

В поздний час шоссе опустело, и до Ричмонда добрались быстро. Всю дорогу Присцилла держала Мейси под локоть. А той казалось, они едут не через Западный Лондон, а через время; один за другим позади остаются целые временные пласты, а Мейси смотрит, осмысливает себя – кто она, кем была, какой путь проделала до теперешнего состояния –

женщины, приближающейся к зрелому возрасту, много лет поддерживающей огонь своей любви? Эта любовь затеплилась, когда Мейси едва сравнялось восемнадцать, и не гасла, даром что имелись претенденты на благосклонность Мейси. Кем она будет без Саймона, без этого шрама на душе? Как сложилась бы их судьба, если бы оба вернулись с войны невредимыми, лишь обремененными опытом? Неужели их ждал бы счастливый, как в сказках, конец, неужели хрустальная туфелька пришлась бы Мейси впору? Или между влюбленными встало бы стеной сословное неравенство? Мейси потеряла ладонью запотевшее окно, поймала свое отражение в темном стекле. Теперь она – самостоятельная женщина, а не влюбленная девчонка. Своей кончиной Саймон дает ей свободу – другими способами не получалось. Как изменила бы Мейси смерть Саймона, случись она много лет назад, останься в прошлом? Возможно, давила бы все эти годы темной тенью?

Под колесами захрустел гравий. Присцилла обняла подругу; так, в обнимку, они и переступили порог реабилитационного центра. Сторож оторвался от своей газеты.

– Чем могу служить?

– Миссис Присцилла Партридж и мисс Мейси Доббс – к капитану Линчу. Нас ждут.

С этими словами Присцилла махнула рукой, давая понять, что знает дорогу, и вместе с Мейси они побежали к палате Саймона.

– Давай сделай глубокий вдох. Теперь выдох. Молодец. Иди. – Присцилла достала портсигар. – Я здесь побуду.

Румянец, вызванный пробежкой по больничному коридору, исчез. Мейси, бледная как полотно, теребила край жакета. Потом пригладила волосы и открыла дверь.

Маргарет Линч, сидевшая у изголовья сына, подняла взгляд. Старшая медсестра поздоровалась с Мейси коротким кивком и вымученной улыбкой, не сказав ни слова, вышла. Мейси отлично помнила, как познакомилась с Маргарет Линч – на званом ужине, устроенном в доме Линчей по случаю отбытия Саймона во Францию. Миссис Линч отличали надменный нрав и утонченная элегантность – на ней было темно-лиловое платье, волосы собраны в аккуратный узел на затылке. Мейси она приветствовала весьма любезно – как подругу Присциллы Эвернден. Мейси с Присциллой смотрели на танцующих гостей, и вдруг Мейси перехватила взгляд Маргарет Линч. Взгляд был направлен на Саймона, единственного сына. Миссис Линч прижимала ладонь к губам, лицо ее исказила тревога.

И теперь, много лет спустя, Маргарет Линч по-прежнему укладывала седые волосы в аккуратный узел; голубой цвет платья подчеркивал выпуклые вены на ее висках. Глаза были красные, заплаканные; в кулаке Маргарет тискала носовой платок.

– Как я рада, что ты здесь, Мейси. Умница, что приехала.

Маргарет поднялась навстречу Мейси, та нагнулась над ней, поцеловала в щеку – словно и правда, не распорядись война по-другому, могла бы стать невесткой Маргарет. Затем она взяла руку пожилой женщины, и вместе они приблизились к койке. Саймон дышал еще тяжелее, чем утром. Мейси помогла Маргарет усесться, дотронулась до лба Саймона. Его глаза были закрыты, но веки вдруг затрепетали. Когда же Мейси отняла ладонь, Саймон не подал знака, что чувствовал ее прикосновение. Мейси стала в изножье, взглянула на доску для записок. Судя по всему, за Саймоном здесь, в госпитале, отличный уход, так что смерть он встретит с комфортом.

Вернулась старшая медсестра, принесла еще один стул. Мейси села рядом с Маргарет. Некоторое время они не сводили глаз с Саймона, с его ходившей ходуном грудной клетки. Воздух подолгу не мог вырваться из горла, легкие сотрясались, а потом еще долго женщинам слышались отзвуки этой борьбы – что-то вроде редких щелчков.

– Очень хорошо, Мейси, что в последние два года ты навещала Саймона.

Мейси прикусила нижнюю губу, не умея объяснить, почему не приходила в реабилитационный центр раньше.

– Я... я просто...

– Не волнуйся. Я все понимаю. Вы были так молоды, и вам на долю выпало так много бед. Раньше, когда Саймона еще только привезли домой, я злилась на тебя – почему ты его не навещаешь? Но время укротило мой нрав; я стала понимать, что и тебе тоже досталось на войне.

Маргарет взглянула на Мейси. Глаза были старчески мутные, но зрение оставалось острым.

– Не представляю, как бы я на твоём месте снесла такой удар. Еще раз повторю: я рада, что ты здесь.

– Спасибо, миссис Линч.

– Теперь нравы и правила не те, что в мое время, – продолжала Маргарет Линч шепотом – говорить в полный голос казалось кощунственным. – Признаюсь тебе, Мейси: мы с отцом Саймона, хотя и находили тебя очаровательной девушкой, были весьма обеспокоены. Теперь я могу быть с тобой откровенной – я слишком стара, чтобы лукавить. Так вот, мы с покойным мистером Линчем полагали, что ты не пара нашему сыну. Но была война, мы обожали Саймона – и решили ничего не предпринимать до его возвращения с фронта. – Маргарет покачала головой. – Сейчас-то я бы слова поперек не сказала, на ком бы Саймон ни вздумал жениться, чем бы ни вздумал заняться. Лишь бы он жил, лишь бы не был вот таким.

И Маргарет Линч прикрыла рот платком.

Мейси, не задумываясь об этикете, обняла Маргарет, притянула к себе.

– Я понимаю. Нам и в страшном сне не снилось, что все может так обернуться. Но сейчас мы обе здесь – ради Саймона, ради вашего сына.

Саймон задышал резче, глаза вдруг широко открылись, тело непроизвольно содрогнулось. Легкие уже не справлялись со своей работой. Грудная клетка вздыбилась, заставляя изогнуться позвоночник. Началась агония. Мейси встала, обеими руками надела на плечи Саймона и заговорила нежно и тихо под рыдания Маргарет Линч, перемежаемые восклицаниями: «Саймон! Сынок! Сыночек!»

Саймон затих. Он еще дышал, редко и тяжело. Звуки были такие, будто брадобрей точит тупую бритву. Взор Саймона был устремлен не на Мейси и не на мать – а куда-то вверх и вперед, в ему одному видимую точку. Постепенно прекратились и конвульсии, и все кончилось. Не стало прерывистого дыхания, замутились глаза. На койке лежала оболочка человека, погибшего еще в семнадцатом году.

Мейси сама закрыла Саймону глаза, сама сложила его руки на груди, как бы защищая сердце.

– Побудьте здесь, Маргарет, а я схожу за сестрой. И... поговорите с ним, не бойтесь. Скажите ему «прощай».

– А ты, Мейси, разве не будешь прощаться?

Мейси взглянула на бездыханного Саймона.

– Я попрощалась сегодня утром.

Голос звучал глухо, глаза смотрели на мертвое тело.

– Да, мы с Саймоном уже попрощались.

Мейси выпустила холодеющую руку и вышла из палаты.

Глава 11

Мейси и Присцилла оставались с Маргарет Линч, пока она улаживала формальности, потом проводили ее в такси до дома, убедились, что она в относительно порядке, а прислуга предупреждена об утрате, и лишь тогда уехали. Прощаясь с Мейси, Маргарет Линч выказала сердечность, тронутую печалью, долго не выпускала руки Мейси из своих рук, будто не хотела расстаться с женщиной, знавшей и любившей ее сына. Зазывала Мейси в гости; Мейси обещала ее навещать. Конечно, Маргарет захочет из первых уст (и в первый раз) услышать отчет о трагедии, случившейся на фронте. Пожалуй, это будет полезно обеим женщинам: Маргарет – послушать, Мейси – рассказать. Присцилла, невзирая на протесты Мейси, доехала с ней до ее квартиры в Пимлико. Оказавшись дома, Мейси сразу легла в постель и провалилась в глубокий сон без сновидений.

* * *

На следующий день Мейси проспала и приехала в отель «Дорчестер» в последнюю минуту. Присцилла, как и Мейси, вся в черном, уже ждала у парадной двери. Швейцар распахнул дверцу «Эм-Джи», Присцилла сунула ему чаевые, и подруги поспешили в школу Святого Ансельма.

– Ради всего святого, Мейси, когда ты проведешь в квартиру телефон? – Опустив оконное стекло, Присцилла достала сигарету.

– Телефон есть в конторе, и лично я считаю, это мотовство.

– Мы опаздываем.

– Нет. Вовремя приедем. Да что с тобой такое? Тебя, наверное, в детстве часто к директору вызывали, поэтому ты так разволновалась.

Присцилла хихикнула, рукой попыталась направить облачко сигаретного дыма в окно.

– Ты права. Ненавижу такие разговоры. Может, лучше поселиться за городом и нанять мальчикам домашних учителей? Впрочем, это будет означать капитуляцию – я ведь сама хотела, чтобы по выходным в доме была целая толпа мальчишек, чтобы они играли в теннис, строили шалаши в лесу. А если я заберу сыновей из школы, они навсегда останутся для всех чужаками. Надо придумать что-то другое.

– Слушай, Прис, разве обязательно отправлять детей в закрытую школу на полный пансион?

Присцилла качнула головой:

– В том-то и вопрос. Поговорю с Дугласом – сразу, как только выйду из директорского кабинета. Хвала небесам, мой муж вернется уже на следующей неделе. Мы с лягушатами ужасно по нему соскучились.

– Ну вот мы и приехали.

Мейси проскочила в школьные ворота, припарковалась рядом с другим автомобилем на полукруглой стоянке.

– Видишь, у нас в запасе еще целых пять минут.

– Ты, Мейси, подожди в вестибюле, а я загляну к Коттингему. Скажу, что ты бы хотела с ним встретиться, а я сама пока поговорю с сыновьями. Так у меня появится возможность выяснить, во что они впутались, и оценить ущерб. Будем надеяться, Коттингем настроен благодушно.

Присцилла выбралась из автомобиля, Мейси дала ей визитку. План сработал, вскоре Мейси пригласили к доктору Коттингему, а Присциллу провели в комнату для посетителей. Туда же должны были прислать мальчиков, сняв их с занятий.

– Я вам очень признательна, доктор Коттингем, что вы согласились принять меня без предварительной договоренности.

Мейси шагнула к директору и протянула руку в знак приветствия. Коттингему на вид было лет сорок пять – нечасто встретишь такого молодого директора школы. Впрочем, с виду – типичный «сухарь», с плешью и вечным прищуром, якобы для остротки недисциплинированных подопечных. Правда, Коттингем щеголял пошитым на заказ костюмом в тонкую полоску, свежей до хруста белой сорочкой и шелковым галстуком. Туфли сияли, темные волосы с проседью были зализаны назад. Директорская мантия висела на стуле, наготове – вдруг приведут «на ковер» ученика и придется карать, или, что маловероятно, хвалить. Для того чтобы произвести впечатление на родителей, эта бутафория была не нужна. Однако Коттингем предстал перед Мейси благородным человеком, и она задумалась: как может существовать травля в учебном заведении, которое находится под его руководством? А если может, значит, Коттингем наловчился пускать пыль в глаза.

– Меня это ничуть не затруднило, мисс Доббс.

Коттингем с улыбкой пожал Мейси руку и вернулся на свое место, за полированный дубовый стол.

– Прошу вас, мисс Доббс, садитесь.

Поскольку Мейси молчала, Коттингем заговорил сам:

– Чем могу служить? Кто вы, я понимаю. – Он взял со стола визитку Мейси и прочел вслух: – «Психолог и частный детектив». Весьма впечатляет, если позволите так выразиться. Где вы учились?

– В Гертоне⁶, а потом в Эдинбургском университете, на факультете судебной медицины.

– Так-так-так. – Коттингем положил визитку обратно на стол. – Прошу вас, продолжайте.

– Наша беседа должна быть строго конфиденциальной.

– Разумеется.

– У меня к вам несколько вопросов об одном бывшем ученике. Боюсь, придется мысленно вернуться в прошлое.

– Назовите имя.

– Альфред Сандермир.

– Боже всемогущий! – Коттингем закатил глаза. – Такого и захочешь – не забудешь. Знаете, мисс Доббс, если бы меня попросили навскидку назвать трех-четырех учеников, могущих заинтересовать полицию либо частного детектива, Альфред Сандермир возглавил бы сей прискорбный список.

– Неужели? Почему?

– Драчун, задира, тиран. Типичное поведение для второго сына в семье, только помноженное на десять. Вероятно, причина в том, что его старший брат был гордостью школы, лучшим спортсменом и лучшим учеником. Причем его положительные качества также можно умножать на десять. – Коттингем взглянул на часы. – Сейчас принесу личное дело Альфреда Сандермира. Я покину вас ровно на минуту.

Коттингем вышел, Мейси осталась одна. Впервые – наедине с собой и в состоянии бодрствования с тех пор, как умер Саймон – а это случилось всего двенадцать часов назад. Мейси встала, приблизилась к окну, смотревшему во внутренний двор, где мальчишки отдыхали на переменах. Справа двор защищала стена директорского дома, за которой, вероятно, располагался сад. Хорошо; полное впечатление, что живешь за городом, подумала Мейси про директора. Интересно, Саймон учился в такой же школе? Мейси помрачнела. Оказывается, ей почти ничего не известно о жизни Саймона до их встречи. Чем она располагает?

⁶ Один из колледжей Кембриджского университета, первый в Великобритании колледж для женщин.

Обрывками, лоскутиками информации, полученными от Присциллы – Линчи и Эверндены дружили семьями, Саймон водил компанию с Присциллиными братьями. Получается, сведения Мейси о Саймоне сводятся к короткому военному периоду влюбленности – и к долгому послевоенному периоду скорби по человеку, физически живому, но, по сути, погибшему на войне. Теперь же Саймон в самом деле мертв. Остается ждать похорон и носить траур. Кто или что займет в душе Мейси место, столько лет принадлежавшее Саймону? Как Мейси распорядится неожиданной свободой? Она словно была все эти годы землей на пустыре, которую вдруг вздумали вспахать. Но что вырастет на такой земле – когда Саймона больше нет?

– Нам с вами повезло, мисс Доббс. Моя секретарша без труда отыскала личное дело Альфреда Сандермира. На редкость толковая молодая леди эта мисс Ларкин. Итак, что мы имеем?

Коттингем занял место за дубовым столом, как бы даже и не заметив, что в его отсутствие посетительница прошла по кабинету. Мейси села напротив Коттингема.

– Успеваемость оставляет желать лучшего. Неплохие результаты в спорте, впрочем, юный Сандермир явно не тянул на гордое звание спортсмена, ибо не пользовался авторитетом товарищей. Нечего было и думать назначать его капитаном крикетной команды или команды регбистов, хотя физическая подготовка вполне позволяла.

Коттингем перевернул несколько страниц.

– Меня особенно интересуют случаи отстранения Сандермира от занятий.

– Терпение, мисс Доббс. – Коттингем взял стопку листков, сколотых вместе и вложенных в личное дело. – Вот здесь у нас и даты имеются – все, вплоть до последнего, окончательного исключения из школы. – Он протянул Мейси листок. – Обратите внимание на частотность, мисс Доббс. Каждый раз мы отправляли Сандермира к отцу. Насколько я понимаю, в эти периоды Сандермир изнывал от скуки в кентском фамильном особняке.

– Его наказывали за то, что он задирает других детей?

– Задирал? Да он их тиранил! Шантажировал! И какими изощренными способами! Впрочем, мотивы Сандермира не отличались разнообразием. Все свои пакости он совершал ради денег. О нет, сам он в деньгах не нуждался. Но ему было невыносимо видеть чужие карманные деньги, и он регулярно их вымогал. – Коттингем поднял взгляд на Мейси. – Да-да, мисс Доббс, вымогал, притом, как пишут в полицейских протоколах, «под угрозой физической расправы».

– И он действительно осуществлял свои угрозы?

– Конечно. Субъекты вроде Сандермира всегда так поступают. Причем жертве приходилось туго в обоих случаях – если она пыталась защищаться и если покорно терпела побои. – Коттингем взглянул на часы. – Я могу вам еще чем-нибудь быть полезен, мисс Доббс?

Мейси спрятала блокнот и ручку в черный кожаный портфель.

– Благодарю вас, я получила исчерпывающую информацию.

Коттингем проводил Мейси до двери, протянул на прощание руку. Пожимая ее, Мейси задала вопрос:

– Меня очень беспокоят юные Партриджи. Их терроризируют, они защищаются, что вполне понятно. Как вы намерены решать эту проблему?

– Я считаю, что «терроризируют» – это громко сказано. Братья Партридж всего-навсего проходят адаптационный период. Не стоит обращать на это внимание. Со временем они найдут общий язык с другими учениками. Педагоги вмешиваются лишь в тех случаях, когда существует реальная угроза телесных повреждений. Но согласитесь – мальчишкам свойственно ставить друг другу фингалы или расквашивать носы. Следует также помнить, что поле для регби таит в разы больше опасностей, чем дортуар. – Коттингем нахмурился. – Партриджи не такие, как все. Надо, чтобы они вписались в коллектив. Как только это про-

изойдет, как только они станут частью стаи – травля прекратится. У себя дома или во Франции братья Партридж могут быть кем им заблагорассудится. Но здесь – закрытая школа, а это все равно что армия. Нужно учиться шагать в ногу.

– Еще раз большое спасибо, доктор Коттингем.

Выйдя за дверь, Мейси брезгливо передернула плечами.

* * *

– Господи, что стряслось?

Мейси переводила взгляд с Присциллы, которая хмурилась и качала головой, на троих мальчиков, сидевших подле матери. Старший, Тимоти, щеголял фингалом; средний, Томас, – глубокой ссадиной на щеке; а младший, Тарквин, то и дело просовывал язык в щель, где еще недавно росли четыре передних зуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.